

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

6698

ОКТАБРЬ и НОЯБРЬ.

МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Цицеронъ.	1
II. Рѣчь Посланниковъ Скиѣскихъ Александру.	39
III. О различіи Поэзи древней съ новѣйшею.	45
IV. Удовольствіе, ощущаемое при возврѣніи на гробницы.	98
V. Воздушныя гробницы.	105
VI. Посланіе къ Д. А. Ошпафьеву.	107
VII. Ожиданіе любезнаго.	120
VIII. Дуня.	123
IX. Г. Н. Н. Т - - ой.	124
X. Д. Н. Гл — ву.	126

О г л а в л е н і е.

	Стран.
XI. Весеннее утро. - - -	129
XII. Утро. - - -	130
XIII. Чудесный поварь. - - -	133
XIV. Посланіе къ Пизонамъ о Спи- хотворствѣ. - - -	136
XV. Смерть Клоринды. -	155
XVI. Признаніе супруга. -	168
XVII. Баснь. Два осла. - -	169
XVIII. Эпиграмма. - - -	171
XIX. Эпифафія. - - -	—
XX. Плачь при гробѣ моего благо- дѣшеля Пешра Ивановича Страхова. - - -	172

Ц И Ц Е Р О Н Ъ.

Цицеронъ, въ послѣдніе годы жизни своей, удаленный отъ правленія междоусобными бранями, копорыя насильственнымъ могуществомъ оружія замѣнили власшь законовъ, воспользовался свободнымъ временемъ уединенія, и отъ прежнихъ прудовъ Орашора и Государственнаго Чиновника обратился къ занятіямъ Философіи. Онъ всегда любилъ ихъ; это примѣрно во всѣхъ его сочиненіяхъ: но доселѣ философскія размышленія были для него отдыхомъ отъ дѣлъ общеспвенныхъ; ибо, какъ извѣстно, онъ былъ знаменимымъ Орашоромъ и народоправителемъ до самой той минушы, какъ возгорѣлась война между Цезаремъ и Антоніемъ. Съ сей эпохи до самой смерти своей сочинялъ онъ въ тишинѣ мирной философскія книги, изъ коихъ нѣкоторыя погубило время. Онъ составилъ полный курсъ Философіи Греческой, и окончаны были въ продолженіи пяти лѣтъ, при всѣхъ

Книж. X и XI.

А

безпокойствахъ и бѣдспвіяхъ, кои препятствовали послѣднимъ любимымъ его занятіямъ, и кои нѣсколько разъ вовлекали его въ море гражданскихъ мятежей, и на послѣдокъ погубили вмѣстѣ съ свободою Рима.

Греческая Философія имѣла въ Римѣ ревностныхъ послѣдователей своихъ со времени Лелія; однакожь немногіе Римляне писали объ отвлеченныхъ предметахъ до Бруша и Варрона; къ первому-то изъ нихъ Цицеронъ наиболѣе обращалъ свои разсужденія о Философіи и Краснорѣчии, поелику Брушъ равно упражнялся и въ поій, и въ другой наукѣ. Но Цицеронъ одинъ обладалъ столь обширнымъ геніемъ, что отважился обнять всѣ части Греческой Философіи, — одинъ имѣлъ такую довѣренность къ своимъ силамъ, что могъ рѣшиться обогатить Латинскую словесность всею, что ни произвели въ семъ родѣ знаменитѣйшія школы Греціи. Сія-то слава была послѣднимъ предметомъ его честолюбія; пред-

начерпанный имъ планъ, въ которомъ опчетъ отдаешъ онъ самъ въ началѣ второй книги о *заданіи*, доказываешъ многоразличныя его свѣденія и гибкость его дарованій. Такіе предметы были въ Римѣ еще столь новы, что Латинскій языкъ не имѣлъ даже словъ для отвлеченныхъ понятій Метафизики Греческой: Цицеронъ сотворилъ для Римлянъ языкъ Философіи, дошедшій даже до новѣйшихъ школъ нашихъ, которыя и донынѣ не знаютъ еще языка другаго.

Онъ началъ свои философскія сочиненія книгою, подъ названіемъ: *Гортензій*, копорая для насъ потеряна, и въ копорой выхваляя Философію, онъ оправдывалъ вмѣстѣ самаго себя передъ пѣми, кои обвиняли его за сей родъ занятій и сочиненій, какъ бы не соотвѣпспівающій личному его достоинству. Цицеронъ возвращаетъ нѣсколько разъ къ симъ упрекамъ, и легко опровергаетъ ихъ, основываясь не только на томъ, что упражненія философскія весьма достойны сами по себѣ за-

нимаешь умъ человѣческій, но равно и на помъ, что онъ ничего не могъ дѣлать лучшаго въ своемъ уединеніи, опсчужденъ будучи отъ обязанностей гражданина и общеспвеннаго человѣка. Онъ прибавляешь, что весьма похвально для Лапинской Словесности, ежели не будетъ она завидовать Греческой и въ семь родѣ сочиненій, тогда какъ объ онъ спорятъ о преимуществѣ въ Краснорѣчии и Поэзии; для него же весьма лестно, ежели Лапинская Словесность будетъ одолжена ему сею новою честію. Наконецъ онъ радуется самъ, что нашелъ способъ, принесъ пользу Римскому юношесству во времена развращенія, въ кои болѣе нежели когда-нибудь имѣло оно нужду въ наславипельной помощи и нравспвенномъ обузданіи. „Сограждане мои просятъ „мнѣ“ говорить Цицеронъ, „или паче до- „вольны будутъ мною, еспли во время „порабощенія опсчеспва не показалъ я ни „слабости униженія, ко всему равнодуш- „наго, ни негодованія, все опсвергающа- „го, ни льспивой угодливости, раболѣп-

„спвующей предъ неограниченнымъ гос-
 „подспвомъ , для поддержанія только
 „часпныхъ своихъ выгодъ.“

Послѣ книги, *Hortensius*, онъ написалъ другую, *Академики*; опъ ней намъ оспалось весьма мало. Здѣсь спарается онъ защититъ избранное имъ ученіе Платона, который, слѣдуя Сократу, допускалъ одно вѣрояпное, и не признавалъ ни очевиднаго, ни извѣснаго. Сіе ученіе, при всѣхъ усиліяхъ оправдать оное, не имѣетъ основательной точности. Цицеронъ, уступая невольно необходимости, говоритъ, что оно можетъ быть основательно, еспди умѣренно. Онъ ограничивается предметами, совершенно непоспжимыми для разума человѣческаго, и допускаетъ однѣ догадки. Всѣ почти приводимые имъ примѣры къ тому клонятся; но вообще онъ нигдѣ не оставляетъ сего положенія секпы своей, что ни обѣ одной вещи не лзя сказать, будто она справедлива, а противная ей необходимо ложная. Таковыя слова по-

казываютъ нелѣпость ; это сборъ видимыхъ противорѣчій : ибо кромѣ дѣйствительныхъ доказательствъ, извлеченныхъ изъ математическихъ познаній, о коихъ нигдѣ не говоритъ онъ, или, кои по видимому не уважаетъ, находится въ семъ ученіи метафизическое противорѣчіе, которое должно было бы примѣнить самому Сократу, Платону и ученикамъ ихъ; не лзя спастся, чѣшбы разумъ, какъ часть божества, по собственной ихъ системѣ, внушенная чловѣку, была способноюoliko обманчивою, чѣпо не могъ бы имѣть несомнѣнныхъ понятій, ниже полагаться на вѣрныя изслѣдованія о какихъ бы то ни было вещахъ. Тотъ, кто избираетъ цѣль, ищетъ и средствъ; а цѣль разумныхъ шварей, по собственному же ихъ сознанію, есть уразумѣніе истины, безъ которой чловѣкъ не имѣлъ бы никакого руководителя. Слѣдовательно, если ли Богъ ошказалъ чловѣку въ познаніи вышшихъ, и пошому ненужныхъ вещей, то съ другой стороны Онъ безъ сомнѣнія даровалъ понятія, необходимыя чловѣку

на пупи жизни и дѣятельности; иначе Богъ не былъ бы справедливъ и благъ къ Своему созданію, что прошивно и не сообразно Его свойствамъ: ибо хотѣшь и не хотѣшь въ одно время, также видимое противорѣчіе. Цицеронъ для избѣжанія слѣдствій, разрушающихъ всю науку о нравственности, говоритъ, что вѣроятіе, коимъ замѣряешь онъ очевидность, можетъ однакожь производить удовлетворительныя понятія, и служишь вождемъ во всѣмъ дѣйствіяхъ и обязанностяхъ жизни. Но сіе умствованіе не основательно, и со всею правдоподобностію своею всегда будетъ опровергаемо тѣми, кои, вникнувъ въ оное, спануть утверждать (и не безъ причины), что они свободны отъ всякихъ обязанностей, когда ничего нѣтъ доказаннаго; еслии ничего нѣтъ вѣрнаго въ основѣ, то равно нѣтъ никакого вѣрнаго добра и зла по отношенію; и тогда, что спало бы съ книгою Цицероновою, о *Должностяхъ*? Какъ! скажешь ему, ты велишь почитать за ненарушимое правило, за первый долгъ и

высочайшее щастіе, быть честнымъ и добродѣтельнымъ, а самъ не можешь доказать, что по виду прошивное честному, не есть ли въ самомъ дѣлѣ честное? Ибо изъ теоріи вѣроятія произтекаетъ непременно сіе возраженіе, коего опасныхъ слѣдствій не предвидѣла секція Академикъ, остроумнѣйшая изъ всѣхъ другихъ. Цицеронъ, по стопамъ своихъ учителей, всегда обращается на физическія и метафизическія положенія; но избѣгаетъ, кажется, сущности сего вопроса конечно попому, что боится вникнуть въ него. Для насъ оппюдь не важно, будемъ ли мы увѣрены въ величинѣ солнца, или въ тѣхъ способахъ, коими душа дѣйствуетъ на тѣло; мы равнодушно можемъ смѣяться надъ тѣми, которые представляютъ солнце споль же великимъ дѣйствительно, какъ оно кажется, или почищаютъ его больше земли, только въ осмнадцать крапъ. Гораздо важнѣе то, чпобы человекъ зналъ свои обязанности и свое назначеніе. Какъ! злодѣй сполько развращень, что не внимаешь уже суду совѣсти и

человѣчества, суду всегда священному и справедливому, — и вы не боитесь доставлять ему поводъ, называть сомнительными, или паче опровергать законы, лишаемые вами всей святости? Вы можете думать, что ему довольно одного върояшя для того, чтобы обязанности, которыя покажутся ему трудными, предпочиталъ онъ злодѣянiямъ легкимъ и выгоднымъ по виду! О, нѣтъ! сiя система столь же вредна въ исполненiи, какъ и въ умозрѣнiи; сiя осторожность сомнительности. Академикова, которую старались они противопоставить догматическому высокоумiю, есть крайность, противопоставленная крайности, и подъ собственнымъ своимъ бременемъ падаетъ въ безразсудство пирронизма, коего нелѣпость чувствовали они сами. Утверждаетъ все — есть ослѣпленiе гордости; сомнѣваться во всемъ значитъ давать орудiе разврату.

Сомнѣваясь во всемъ относительно умственныхъ понятiй, не всегда можно

сомнѣваться въ то, что приобретаемъ посредствомъ чувствъ. Въ семъ-то случаѣ наиболѣе поржесествовали Академики, говоря, что обманы чувствъ многочисленны и доказаны; но они поржесествовали весьма не кспашпи, и токмо однѣми лжеумствованиями, коихъ сами не примѣчали. И во первыхъ то, что называли они обманомъ чувствъ, доказываетъ уже противъ нихъ, что есть ощущенія вѣрныя. Обманъ чувствъ есть опсущствіе истины; признавая одно ощущение ложнымъ, должно предположить, что противное ощущение есть истинно; иначе же не можно бы говорить ни того, ни другаго о чувствахъ. Припомъ, обманываютъ насъ не чувства, которыя судить не можемъ, но душа сама, или способность мыслящая дѣлаешь сужденія о предметахъ, чувствами передаваемыхъ; самъ Цицеронъ изъясняетъ сіе въ своихъ разговорахъ Тускуланскихъ. Наконецъ, когда чувства обманываютъ, то мы знаемъ причины обмановъ и средства поправить ложныя ихъ представленія душъ. Сему служатъ

доказательствомъ физическіе опыты, какъ по: дѣйствіе давленія, шжестси и упругосси воздуха, сообщаемыя конечно посредствомъ только чувствъ разуму, который судитъ объ нихъ; и сіи дѣйствія споль же очевидны для насъ, какъ и математическія выкладки. Однимъ словомъ, эша всеобщая неизвѣстность обрапила бы наше быпіе и быпіе міра въ нѣкое сновидѣніе; — что можно утверждать развѣ также во снѣ, или въ шушку, и что было бы равно весьма печальнымъ сновидѣніемъ, и весьма нелѣпою шушкою.

Цицеронъ вездѣ слѣдовалъ методѣ Платоновой, ш. е. разговорной; но рѣдко разсуждалъ по методѣ Сократа, въ вопросахъ и опвѣщахъ, копорая была сама по себѣ суха и упонченна, мало свойственна генію Цицерона и его тону, болѣе или менѣе орапорскому во всѣхъ сочиненіяхъ. Онъ приближается особенно къ тѣмъ изъ разговоровъ Платоновыхъ, въ коихъ каждое лицо въ свою очередь предлагаетъ свое мнѣніе, обдуманное и изсѣ-

дованное ; сей способъ даетъ обширное поле для краснорѣчія , а Цицерону весьма хотѣлось блистать краснорѣчіемъ. Изыщность и богатство слога не оставляющъ его ни на минушу ; и — что гораздо еще важнѣе для Философіи , — у него вездѣ находящся ясность и порядокъ , двѣ вещи , коихъ недостаетъ у Платона. Цицеронъ не ограничилъ себя однимъ толкованіемъ и изслѣдованіемъ различныхъ системъ : легко примѣшши можно , что онъ приводитъ и собственныя мысли , и хочетъ во всякомъ случаѣ быть и казаться Философомъ , употребляя нужія средства. Читая пять книгъ его *о сущности добра и зла* , можно повторить слова Вольпера , сказанныя о Белѣ , что онъ выставлялъ себя главнымъ защитникомъ Философовъ , однакожъ не лзя прибавить вмѣстѣ съ Вольперомъ , что Цицеронъ , какъ Белъ , не дѣлаетъ собственныхъ заключеній ; ибо весьма легко отличить Цицероновы мысли , когда говоритъ онъ самъ о себѣ , защищая ученіе о вѣроуачіи Академикова , и опровер-

гая догматы Епикуровы и Зеноновы, или когда заспавляешъ говоришь какое-нибудь /лице, взяшое изъ числа важнѣйшихъ Мужей его времени, и изъ числа опличнѣйшихъ друзей его, именно Лукулла Кашулла, Копшу, Кашона, Торкваша и другихъ, также какъ мы уже видѣли Красса и Антонія въ разговорахъ о Краснорѣчии.

Здѣсь изслѣдываешся важная задача *о высочайшемъ благѣ*. Еспли нигдѣ не находится удовлетворительнаго рѣшенія, то пошому шолько, что не возможно доспигнуть сего рѣшенія о вещи, не существующей въ мѣрѣ. Эшо еспь первое (и главное) запрудненіе неопредѣлишельныхъ споровъ древнихъ Философовъ. Ни одинъ изъ нихъ не примѣшилъ, что всѣ они искали невозможнаго; ибо никакъ не лъзя найпи высочайшаго блага въ пакомъ порядкѣ вещей, въ копоромъ по необходимости все не совершенно. Сіе положеніе кажешся /намъ шеперь сполько просшымъ, что никшо уже не думаешъ въ немъ сомнѣвапсья; впрочемъ очень просшительнѣ

ошибаешься въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ весьма очевидно, есѣли и новѣйшіе опъ сей задачи, коя въ печеніи многихъ вѣковъ безпреспанно занимала древнія школы, совершенно опказались тогда только, какъ божественной Творецъ Евангелія возвѣспилъ людямъ, что блаженства нѣтъ въ семъ мѣрѣ, и искашь его здѣсь не должно. Сія истина, хопя и опкровенная, явилась споль оцущипельною, что весь свѣтъ призмалъ ее, даже и тогда, какъ Евангеліе, въ послѣдствіи времени, лишилось многихъ учениковъ своихъ; впрочемъ не одну только истину сію заимспвовала опъ Евангелія непримѣпнымъ образомъ новѣйшая Философія; не одно только сіе сокровище въ Христіанскихъ книгахъ опкрыли самые шѣ, кои нѣкогда воспавали прошивъ Религіи: онѣ безчисленны!...

Въ чемъ состоипшь высочайшее благо? какъ сошворенъ мѣръ сей? Объ эпомъ спрашивали всѣхъ древнихъ Философовъ. Каждый почипалъ себя въ состояніи опвѣчать на оба вопроса; и опсюда роди-

лось столько системъ о помѣ и другомъ. Эпикуръ и Аристиппъ отвѣчали на первой: — въ удовольствіи; — Иеронимъ: — въ отсутствіи скорби; Зенонъ: — въ добродѣтели; и сіи при системы были просты; Платонъ: — въ познаніи истины, и слѣдовательно въ добродѣтели; Аристотель, Карнеадъ и Перипатетики: — въ жизни, сообразной съ законами природы, но не чуждой щастія; и сіи двѣ системы были сложны. Академія, которой Цицеронъ тщательнѣе слѣдовалъ, согласовалась съ послѣднею системою, разбирала оную и изъясняла. На послѣдокъ, и вещи, и слова такъ смѣшались въ изложеніи и изслѣдованіи каждаго ученія, что не рѣдко одно замѣняло другое. Самъ Цицеронъ увѣряетъ, что Зенонъ со всѣмъ Поршикомъ прошиворѣчилъ Перипатетикамъ изъ одного безразсуднаго честолюбія, согласенъ былъ въ основѣ ученія, и различествовалъ въ однихъ шерминахъ, которые сдѣлали и самую основу порочною и несносною, сдѣлавъ ее исключительною. Жить по законамъ природы у Пери-

рапешниковъ значило по же, что жить честно; а потому они принимали высочайшее благо Зеново, которое состояло также въ честности и добродѣтели (слова однозначущія въ Философіи). Но Зенонъ не признавалъ никакого другаго блага, кромѣ добродѣтели, никакого зла, кромѣ порока; и въ семь - то Перипатетики и Академики согласно возставали противъ него, починая равно благами: законное употребленіе даровъ природы, и осуществленіе золь физическихъ; — и въ этомъ они правы.

Всѣ нападали на Епикура, и особенно Цицеронъ, который порицалъ его ученіе, хотя и уважалъ самаго Философа. Вся древность согласна въ томъ, что сей человекъ, содѣлавшійся проповѣдникомъ удовольствія, всегда жилъ благоразумно; удалялся онъ всѣхъ излишествъ и соблазновъ: вопъ доказательство, что тѣ, которые хотѣли изъяснить и оправдывать его Философію, относя къ душѣ все сказанное имъ объ удовольствіи,

совершенно обманывались. Правда, что намъ не оспалось его сочиненій, но во время Цицероново ихъ чипали въ лучшихъ общеспвахъ; и когда Цицеронъ часто приводитъ изъ него цѣлыя мѣспа, слово въ слово, въ присущствіи Епикурейца, коего заспавляетъ опказыващся опъ истинны шекспа: по не лзя думать, чшобы онъ хотѣлъ полько насъ забавлять впунѣ, или приводитъ ложныя мѣспа, когда въ эпомѣ не было ему никакой нужды. Весьма справедливо, что Епикуръ, будучи дерзокъ и влюбленъ въ свое ученіе (что очень можно видѣть), дѣлаетъ оное запушаннымъ въ нѣкошорыхъ часпяхъ съ намѣреніемъ, дабы бытъ непоняпнымъ и прошиворѣчимъ себѣ; а пѣ ученики его, кошорые не хотѣли бытъ, по выраженію Горація, *поросятами Епикурова стада* (*), пользуясь сими шемными мѣспами, жаловались на клевету, безпреспанно кричали, что напрасно порицаютъ сію Философію за то, что не понимаютъ ея.

(*) Epicuri de grege porcum.

И у насъ нерѣдко прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ шой же хитрости, дабы прикрывать нелѣпыя, или вредныя мнѣнія развратной науки, и удерживать за собою право и способы, разпроспраняющъ въ умахъ заразу! Жалкая и суешная хитрость! Если ваше ученіе полезно въ шомъ смыслѣ, какъ вы одни его понимаете, и вредно, какъ цѣлый свѣтъ понимаетъ, и долженъ понимать его: по явствуешь, что вы не должны его проповѣдывать. Кромѣ того, слова имѣющъ и по необходимости должны имѣть одинаковое значеніе для всякаго, кто говоритъ шѣмъ же языкомъ; иначе надлежитъ опказаться опъ взаимнаго сообщенія словъ и понятій. Но послушаемъ лучше самаго Цицерона, который употребляетъ здѣсь Діалектику неоспоримую и доказательства, могущія служить рѣшительнымъ опъшомъ для писателей, спарающихся весьма не кспати возстановить Епикура въ наше время.

Цицеронъ обращаетъ слова свои къ Епикурейцу Торквату, который хотѣлъ

прославить сего Философа въ присуствіи Тріарія. „Епикуръ увѣряетъ, что высочайшее благо состоитъ въ удовольствіи, и величайшее зло въ болѣзни, по началу противоположности. И пакъ выраженіе, соответствующее въ языкѣ его нашему слову: удовольствіе (*идон*), у Грековъ значить совершенно по же, что у насъ удовольствія чувственныя; и самъ Епикуръ не даетъ ему другаго значенія, говоря откровенно, что *удовольствіе и болѣзнь принадлежатъ къ одному тѣлу, и одни только чувства бываютъ судіями того и другаго.* Не положительно ли сіе сказано? Онъ говоритъ ясно, что не знаетъ никакого блага безъ удовольствія, и не понимаетъ отнюдь, что могутъ Стоики разумѣть *подъ высочайшимъ благомъ, которое состоитъ въ честности, и въ которомъ удовольствіе ничего не значитъ.* Онъ утверждаетъ, что сіи слова не имѣютъ смысла; онъ самъ относитъ къ удовольствію ощущенія пріяшныя, получаемыя посредствомъ вкуса, осязанія, зрѣнія, слышанія, обонянія,

Б а

и наконецъ прибавляешь то, чего не можно даже вымолвить, не оскорбивъ благоприспойности. Конечно, въ другихъ мѣстахъ онъ самъ, спыдаясь собсвенной нравсвенности (шаква сила (*) врожденныхъ чувсвованій!), изъясняется, что не можно жить пріятно, не живя честно; но здѣсь дѣло не о томъ, что говоришь онъ въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ. Желательно знашь, какъ можно согласишь сіи мѣста съ цѣлою его системою, какою она кажется вообще, и какою весь свѣтъ ее понимаетъ. Не наша бѣда, ешьли онъ презираль Логику, не имѣвъ оной, и ешьли не дѣлаешь никакихъ опредѣленій. Мы опредѣляемъ *честнымъ* то, что справедливо и достохвально въ существѣ своемъ, что намъ любезно безъ всякой частной пользы, безъ всякой чуждой похвалы, безъ всякаго чувсвеннаго наслажденія. Это ясно; — но Эпикуръ опсѣчаетъ, что не лзя понять, какое благо мы видимъ *въ честности*, по

(*) Tanta est vis naturae!

крайней мѣрѣ (говорить), мы не понимаемъ того, что называется славнымъ во мнѣніи народнымъ, а это въ самомъ дѣлѣ (прибавляешь) часто кажется приятнѣе нѣкоторыхъ удовольствій, и бываетъ желательнымъ только подъ видомъ удовольствія (*). И вопль оный пресловутый Философъ, возмущившій Грецію и Италию, который споль мало понималъ честность, что сдѣлалъ ее зависимою отъ мнѣнія черни!... Мы также извѣстно все, что ни выдаетъ онъ подъ симъ сладостнымъ спокойствіемъ духа (*eudymia*), которое безпрестанно прославляетъ до того, какъ говоритъ онъ, что мудрецъ его школы воскликнетъ въ Фаларисовомъ волѣ: Какъ это сладостно! Это уже болѣе, чѣмъ поспойчески; ибо Стоикъ скажетъ только: болѣзнь не есть зло; и сіи слова, по крайней мѣрѣ, будутъ слѣдствіемъ того, что онъ называетъ зломъ одно порочное и безчестное. Но кому изъяснить Епикуръ, какимъ образомъ чувствва, единственные

(*) То же слово въ слово, говоритъ Гельвецій о славѣ.

судіи удовольствія и скорби, будутъ находить, благодаря спокойствію духа, удовольствіе въ перзаніи и зженіи мучительномъ? Что другое это значить, какъ не пустой звонъ словъ? Наконецъ, чтобы узнать основаніе нравственности Эпикуровой, откроемъ важнѣйшую книгу, которую въ которой заключены главные его догматы, какъ прорицанія мудрости и уроки счастья, однимъ словомъ, которая называется, *высочайшія мысли* (*κρείστας δοξας*). Кто изъ васъ не знаетъ ихъ на память? И такъ послушайте же и скажите, правленъ ли переводъ: *ежели то, что доставляетъ удовольствіе роскошнѣйшимъ людямъ, и отнимаетъ у нихъ въ то же время малодушныя суевѣрія, страхъ смерти и болѣзни, и научаетъ ихъ умирять собственныя страсти: то мы ни въ чемъ не можемъ упрекать ихъ; ибо съ одной стороны они окружены удовольствіями, а съ другой ничего не терпятъ, т. е. не чувствуютъ зла.*

Здѣсь (*) Триарій не могъ удержаться, чтобъ не спросить у Торквата: уже ли эшо слова Епикуровы? Онъ зналъ эшо, но хощѣлъ слышать мнѣніе Торквата. Да, ошвѣчалъ Торкватъ съ увѣренностію: эшо его собственныя слова; но вы не понимаете ихъ смысла. Естьли онъ говоритъ объ одной вещи, (прервалъ я), разумѣя другую; то я имѣю причину, не понимаю его мыслей; однакожь не по сему шолько я не понимаю безразсудныхъ словъ его; ибо онѣ значатъ, что люди, предающіеся всѣмъ удовольствіямъ, чужды всякаго порицанія, естьли они будутъ мудры, естьли *умбютъ разполагать своими страстями*. Не смѣшно ли видѣшь Философа, предполагающаго, будшо удовольствіе можешъ *научить, какъ управлять страстями?* По словамъ его, здѣсь дѣло идешь полько объ *умбренности*! И пакъ сладоспрастіе будетъ имѣть *мбру*, прелюбодѣйство *мбру*, распущенство *мбру*! Какая фи-

(*) Цицеронъ отъ своего лица продолжаетъ рассказывать о своей бесѣдѣ.

лософія! она хочеть только *умбръять*, а не изкореняеть пороки! О Епикуръ! ты не считаешь роскошь *предосудительною въ самой себѣ!* Ты хочешь только опдѣлишь отъ ней суевѣрные страхи и боязнь смерти? Но въ семь случаѣ ты могъ бышь покойнымъ: есть люди, столь развращенные и вмѣстѣ суевѣрные, кои пресыщаются изъ жершвенныхъ сосудовъ; есть люди, столь мало боящіеся смерти, кои воспѣвають: *поживемъ, поживемъ шесть мѣсяцевъ, а прочее предоставимъ Плу-тону!* — Въ самомъ же дѣлѣ, Торкватъ, я уважаю спрогую твою философію, естли она пребуеть мѣры удовольствія: ибо въ семь положеніи, что *высочайшее благо состоитъ въ удовольствіи*, не разумѣеть она, какъ думаю, нѣхъ удовольствій, которыя дышуть за роскошнымъ сподомъ, на сладостраспной постелѣ, и начинающся съ каждымъ ушромъ, которыя, какъ говорятъ, никогда не дають видѣть ни захожденія, ни восхожденія солнца, и которыя заспавляютъ чувствованъ недоспащокъ во всемъ, ибо ни-

чѣмъ ненасытнымы. Нѣтъ, не говори мнѣ о тѣхъ сластолюбцахъ хорошаго тона и вкуса, которые имѣютъ у себя лучшаго повара и пирожника, лучшую рыбу и курицу, лучшую дичь и вино, — однимъ словомъ, всѣ вещи, безъ коихъ Эпикуръ не полагалъ щастія; соедини къ тому, естли хочешь, молодыхъ и прекрасныхъ невольницъ, служащихъ при столѣ, прекраснѣйшую серебряную, или лучшую Коринескую посуду и великолѣпнѣйшій домъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что живущіе такимъ образомъ, живутъ хорошо, по вашему мнѣнію, ибо живутъ въ удовольствіи, которое у васъ называется благомъ; но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы удовольствіе было въ самомъ дѣлѣ щастіемъ, высочайшимъ благомъ. Удовольствіе въ самомъ себѣ будетъ всегда только удовольствіемъ, а не чѣмъ инымъ; изъ всего же ученія Эпикурова явствуетъ одно, что онъ искалъ учениковъ себѣ только въ тѣхъ людяхъ, кои, для того, чтобы быть

рескошными, должны были напередъ сдѣлаться Философами.“

Вошь, по моему мнѣнію, справедливый судъ о Епикурѣ. Потомъ Цицеронъ обращается къ Споикамъ, кои имѣли уже въ Катонѣ защитника сильнаго, и представителя, достойнаго Портика. Я не буду распространяться о ихъ Философіи, которую споль много разбирали, и наконецъ оставили, попому ранѣе, что излишество добродѣтели весьма не привлекательно. Есльи Епикуръ находилъ въ семь вѣкѣ множество послѣдователей и защитниковъ, то Зенонъ — ни одного. Мы видѣли уже въ говоренной за Мурену Рѣчи, какъ догматы Споическіе, слишкомъ далеко проспираемые, служили поводомъ къ тонкимъ и пріятнымъ насмѣшкамъ, приличнымъ судебному Краснорѣчію. Здѣсь замѣшшь можно, что Цицеронъ поступаетъ весьма спрого, но онъ не отказываетъ себѣ въ шой и ѣжной и гривости мысли, какую сообщаютъ уму острія шупки, извлекаемая изъ самаго дѣла,

и не заключающія въ себѣ личныхъ оскорбленій. Цицеронъ не могъ оставишь сей части Краснорѣчія, которую обработывалъ столь же тщательно, какъ и прочія, и какъ одну изъ тѣхъ, которыя составляютъ у него значительную приправу философскихъ бесѣдъ. Онъ старается показатъ самому Капону, и весьма легко даетъ понять всякому, даже не Стоику, что Зенонъ съ учениками своими не знали природы человѣческой, желая оную возвыситъ; они сотворили школьный языкъ столь условный, что термины ихъ, часто принимаемые въ несобственномъ значеніи, никому не могли бытъ понятны; далѣе, презирая всѣ средства убѣждать въ нравственности, какъ въ наукѣ, болѣе всего требующей убѣжденія, они лишаютъ ее величайшей прелести и силы, никогда не говорятъ сердцу, и всегда обращаются къ разуму. Все Стоическое ученіе спѣснено было въ скудныхъ формахъ, отвлеченныхъ умствованіяхъ и, какъ говоритъ Цицеронъ, въ *небольшихъ заключенійцахъ* (sic вы-

раженіе кажется весьма щасливымъ), копоря дѣлають нравственностъ споль сухою и ушонченною, что она, будучи лишена жизни, движенія и цвѣща, предспавляется, какъ бы скелетомъ. Разбирая Споическія афоризмы въ собственномъ ихъ видѣ, на примѣръ, въ ручной книжкѣ Епикшетовой, кажется, я слышу спукъ мертвыхъ костей человѣческихъ. Не говорю, чтобы сія секша не имѣла великихъ людей между своими учениками; однакожь, въ семъ случаѣ не должно обольщаться наружностію: они были не потому велики, что были Споиками; но высокостъ ихъ характера равно дѣйствовала съ правилами Поршика въ томъ, что имѣли они лучшаго и прекраснаго, п. е. въ достоинствахъ добродѣтели. Все прочее относили они къ школьной принадлежности, копорая была, такъ сказать, прошколомъ секшы.

Цицеронъ справедливо упрекаетъ Споиковъ, что они ничего не произвели для общей пользы такою, что можно бы

противопоставивъ сочиненіямъ Платона, Аристотеля и другихъ учениковъ ихъ, писавшихъ о нравственности и законодательствѣ. „Клеантъ и Хризиппъ (продолжающъ Цицеронъ) хотѣли составить Рипорику; но они предположили себѣ такую методу, которая научитъ только, никогда не умѣть говорить, и при всемъ томъ, какое хвастовство и предубѣжденіе! Они хотѣли воспламенять души, и какимъ образомъ? *Миръ есть градъ челоѣвка*. Очень хорошо; и такъ миръ есть столица жителей Пузолии! и сими средствами изобрѣшенія намѣрены они воспламенять души! Они могли бы сіе сдѣлать, если бы слова ихъ исполнены были огня. Говоря о могуществѣ добродѣтели, они опускающъ васъ мѣлкими вопросами, какъ бы съпью; и вы сказавши: да, ничего не поняли; никакой перемены въ васъ не произошло, и все осталось по прежнему. Не уже ли спранные, новые термины измѣняютъ сущность понятій и чувствованій? Спрашиваю васъ, какъ можешь болѣзнь не быть злою?

И вы отвѣчаете мнѣ: болѣзнь есть нѣчто непріятное, безпокойное, ненавистное, тяжкое. Положимъ такъ! на мѣсто одного слова, сказали вы опредѣленіе; почему же сіе нѣчто непріятное, безпокойное, ненавистное и проч. не есть зло? Въ болѣзни нѣтъ ни коварства, ни обмана, ни злости, ни недосыпка, ни спыда, — слѣдовательно и зла. Положимъ, что я могъ бы удержатися отъ смѣха, слыша сіи слова: ни коварства, ни обмана, ни спыда — въ болѣзни: однако, такъ и бытъ! — скажите: все это, какое подаетъ мнѣ средство, переноситъ болѣзнь съ твердостью? — То, что человекъ, почищающій болѣзнь зломъ, никогда не будетъ твердымъ. Положимъ; но почему будетъ онъ твердымъ, почищая болѣзнь чѣмъ-то непріятнымъ, безпокойнымъ, ненавистнымъ и тяжкимъ? Не думаю, чтобы вы спали на это отвѣчая: ибо твердость и слабость непременно относятся къ вещамъ, а не къ различнымъ названіямъ вещей.“

Видите ли, съ какою любезностію и легкостію ума Цицеронъ сражается, не позволяя себѣ оскорбительныхъ колкостей! — Но вы любопытствуете услышать еще какую-нибудь стоическую парадоксу, надъ которою онъ забавляется; да будетъ позволено мнѣ ограничить себя одною изъ сотни другихъ, которая покажетъ ясно, до какой степени можно простираеть философскія бредни, даже съ добрымъ намѣреніемъ. Стоики утверждали, что всѣ тѣ, кои не были совершенно мудры, равно достойны сожалѣнія; и убійца своего отца не болѣе жалокъ, какъ и тотъ, кто, живя впрочемъ честно, не достигъ еще совершенной мудрости. И сія мудрость, вѣроятно, принадлежала однимъ Стоикамъ, и, по истинѣ, она весьма похожа на совершенную глупость. Но къ смѣшному положенію должно присоединить еще смѣшное сравненіе, на которое они опирались. Естьли два челоѣка тонутъ; тогда, говорили они, находящійся близъ поверхности воды также не можетъ дышать, какъ и находящійся

на самолюбъ дивъ; слѣдовательно и проч. Вы смѣтаетесь вмѣстѣ съ Цицерономъ; по крайней мѣрѣ, это смѣшное, но невинное; и должно признаваться, что Споики, всегда честные въ своемъ поведеніи, были, и въ ученіи своемъ добрее, и лучше всѣхъ глупцовъ.

Предметъ пяти разсужденій, предложенныхъ въ разговорѣ, и называемыхъ *Тускуланскими*, ибо онѣ написаны въ сельскомъ домѣ Цицероновомъ въ Тускулумѣ, (*) состоиптъ въ изысканіи существеннѣйшихъ средствъ для достиженія щастія; и нашъ Авторъ вычисляетъ пять средствъ: презрѣніе смерти, терпѣніе въ болѣзни, швердоспъ духа въ различныхъ искушеніяхъ жизни, навыкъ противоборствовать спраспямъ, и наконецъ увѣренность въ томъ, что добродѣтель должна искать награды шокмо въ самой себѣ. Сія теорія, впрочемъ весьма достохвальная, болѣе или менѣе заимствована изъ

(*) Нынѣ Фрескати.

всего, что Академія и Портикъ ни имѣли
 лучшаго; она украшена, исправлена и
 обогащена Цицерономъ; который объ-
 ясняеть ее опъ себя съ начала до кон-
 ца сочиненія. Все, что естественная Фило-
 софія ни содержишь изящнаго въ Метафизикѣ и нравственности, все то возвышено
 здѣсь краснорѣчіемъ; а что есть неполнаго,
 или недоспапчнаго, — того не должно
 приписывать Авшору; ибо одно Открове-
 ніе могло дополнишь сіи недоспапки. Ци-
 церонъ во всѣхъ своихъ положеніяхъ весь-
 ма хорошо доказываетъ, что смерть
 въ самой себѣ не есть зло: поелику, еже-
 ли человекъ весь погибаетъ, въ такомъ
 случаѣ ничпожество будетъ нечувсп-
 вительно; но ежели душа бессмертна,
 какъ онъ думаетъ и утверждаетъ очень
 сильно; — то не смерть уже состав-
 ляетъ зло для порочнаго, но одиѣ му-
 ки, за ней послѣдующія, которыя будутъ
 возмездіемъ его преспуленій. Добрый че-
 ловѣкъ болѣе желаетъ смерти, нежели
 спрашится; ибо она даруетъ ему
 лучшую жизнь. Цицеронъ доказываетъ

Книж. X и XI.

В

весьма убѣдительными доводами безсмертіе души; и особенно, память кажесть ему удивительною въ насъ способностію, копорая не можесть принадлежать матеріи. Тѣмъ, кои опвергають безсмертіе души, не понимая, какимъ образомъ душа можесть ошдѣлиться отъ тѣла, онъ опвѣчаесть весьма кспати: но лучше ли вы понимаете, какимъ образомъ она соединена съ тѣломъ? — Опвѣсть рѣзкой, достопримѣчательной, показывающей, что Цицеронъ, по крайней мѣрѣ, замѣнилъ сей способъ убѣжденія, изъ коего лучшая Философія новѣйшая почерпнула, и можесть еще почерпнуть важное преимущество, пользоваться очевидными, хотя и неизъяснимыми истинами, для опроверженія слишкомъ обыкновенной и часпо ложной діалектики, опвергающей пошому только всѣ извѣстныя, и уже доказанныя истины, что разумъ человѣческой изъяснитъ ихъ не въ силахъ.

Цицеронъ весьма живо чувствовалъ сей ложный способъ умствования, споль употреб-

ребишельной въ его время и наше, оупъ котораго происходитъ одно произвольное незнаніе того, что знашь можно, и которой неправильно основывается на непреодолимой неизвѣспности того, что свыше понятій нашихъ. Вотъ образчикъ его логики о семь предметѣ: „Начало нашей души ни коимъ образомъ не могло заключаться въ чѣмъ-либо матеріальномъ; ибо матерія не произвела бы мысли, познанія, памяти, которыя ничего не имѣють съ нею общаго. Вода, воздухъ, огонь, совсѣмъ, что ни предспавляютъ спихи шончайшаго и легчайшаго, не даютъ намъ ни малаго понятія объ отношеніи къ той способности, посредспвомъ которой мы понимаемъ прошедшее, настоящее и будущее. И такъ сія способность должна производиться оупъ одного Бога: она еспь по необходимости небесная и божеспвенная. Слѣдспвенно то, что въ насъ мыслишь, чувспвуетъ, движеть насъ, непремѣнно должно бышь невредимымъ и вѣчнымъ: и мы не можемъ посшигать сущности Бога пошому только, что не понимаемъ сущности души нашей,

которая есть безъ сомнѣнія нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ чувствъ, могущее понимать и двигать все. Вы скажете мнѣ: а гдѣ сіе существо, понимающее и движущее, и откуда оно произошло? Отвѣчаю: а гдѣ ваша душа, и какъ вообразить ее? вы точно ничего не скажете мнѣ на это. Но если я не имѣю для уразумѣнія чего-либо всѣхъ средствъ, кои желалъ бы имѣть; то не ужели сіе даетъ право лишать меня того, что имѣю? Глазъ видитъ все, кромѣ себя самого; такъ и душа наша, видя столько много вещей, не видитъ собственнаго существа своего; однакожь сознается въ томъ, что мыслитъ и дѣйствуетъ. — Но гдѣ она, и что она? сего не должно изслѣдывать. . . . Взирая на порядокъ міра и правильное движеніе небесныхъ тѣлъ, не заключаете ли вы, что есть высочайшій, бдительный Разумъ? — Въ семъ случаѣ все равно: пусть міръ сей имѣлъ свое начало и сотворенъ онымъ Разумомъ, какъ думалъ Платонъ; пусть міръ существуетъ отъ вѣчности, и сей Разумъ един-

опвенно имъ управляеть, какъ думалъ Ариопшель? Вы познаете бышіе Бога изъ дѣлъ его, изъ красоты міра, хотя и не знаете, гдѣ и что есть Богъ: равнымъ образомъ признайте же бышіе души вашей изъ постоянныхъ ея дѣйствій, изъ красоты ея дѣлъ, которая состоить въ добродѣтели“.

Замѣтивъ, сколь глубокое уваженіе всегда имѣлъ Цицеронъ къ божественному Платону (это имя приписано ему всею древностію), вы не удивитесь, если найдете въ Римскомъ Орадорѣ все, что ни говорилъ Философъ Греческій о смерти. Я упоминаю о семъ для того, чтобы показать мнѣніе, общее двумъ великимъ Мужамъ, объ одномъ предметѣ нравственности, которой обыкновенно предпавляютъ какимъ-то злоупотребленіемъ духовности и строгости, и въ которомъ весьма неосновательно упрекали Христіанскую Философію. Вы увидите, что Платонъ и Цицеронъ, коихъ никогда не обвиняли въ излишней суровости нравоченія, гово-

рили, какъ Христіане. Весьма замѣчательно, что они приводятъ напередъ всего мнѣніе, для подтвержденія коего не имѣли споль сильныхъ средствъ, каковыми пользуется единственно наша Религія. „Мы разлучая душу, говоритъ Цицеронъ“, съ земными предметами, дабы погрузишь оную въ размышленіе, что дѣлаемъ иное, какъ не учимся умирашь? ибо смерть есть также разлученіе души съ тѣломъ. И такъ будемъ приспособляшь къ сему ученію, есшьли вѣришь вы словамъ моимъ; ошдѣлимъ себя опъ тѣла, и научимся умирашь. Тогда наша земная жизнь подобна будетъ небесной жизни, и въ шу минушу, какъ смерть разорветъ тѣлесныя узы, ничто не удержишь полеша души нашей къ небу.

G.

(Продолженіе впрѣдъ).

РѢЧЬ ПОСЛАННИКОВЪ СКИѢСКИХЪ АЛЕКСАНДРУ.

Естьли бы боги благоволили даровать тебѣ шѣло, соразмѣрное ачности души твоей, тогда бы вселенная не вмѣстила тебя: одною рукою ты касался бы Востока, другою Запада; — и послѣ того захотѣлъ бы извѣдать, въ какомъ мѣстѣ сей божественный царь дня сокрываетъ свое сіяніе. — Тако спрашай алчбы влечешь тебя къ тому, чего поспигнуть не возможно: изъ Европы спремись въ Азію, изъ Азіи переходишь въ Европу; попомъ, когда весь родъ человѣческой покоришь своей власни, спанешь ратовать прошиву лѣсовъ, снѣговъ, рѣкъ и дикихъ звѣрей. — Какъ? — развѣ ты не вѣдаешь, что огромныя древа рашнущъ долгое время, а погибающъ въ одно мгновеніе? Не безуміели, надѣяшся вѣрно, восхипишь съ нихъ плоды, неизмѣривъ прежде высоты ихъ? — Возносясь до вершины древа, берегись низ-

насть вмѣспѣ съ вѣшьями, къ коня-
рымъ проспираешь свои руки. И самый
левъ бываетъ иногда пищею безсильныхъ
птицъ; ржа пожираетъ булашъ. Нѣтъ
могущества, которое не могло бы спра-
шиться гибели отъ самаго слабѣйшаго
шворенія.

Что у насъ общаго съ побою! Ни-
когда снопы наши не касались землѣ
швоей. Или не позволено челоуѣкамъ,
обитающимъ въ дремучихъ лѣсахъ, не въ-
дасть: кно пы и отколѣ пы? Мы
не можемъ повиноваться, и не хотимъ
повелѣвать. Небо каждому изъ народовъ
визнослало дары особые: оно даровало
Скиоу пару воловъ, плугъ, копые и
кубокъ: вошь, что мы употребляемъ съ
нашими друзьями, и противъ нашихъ не-
пріятелей. Съ друзьями раздѣляемъ шу-
ды воловъ нашихъ; съ ними вкупѣ изъ
кубковъ опечесивенныхъ шворимъ возлія-
нія въ жершву богамъ; враговъ своихъ
издали срѣшаемъ стрѣлами, вблизи по-
ражаемъ копьями. Тако побѣдили мы Ца-
рей: Сирскаго, Персидскаго, Мидійска-

го; — тако отверзли себѣ путь даже до Египта. Но ты, надмѣнно величающій себя изпробителемъ разбойниковъ, — ты самъ первый разбойникъ, изпробитель всѣхъ странъ, коихъ достигнулъ: ты покоришь Лидію; ты опустошишь Сирію; ты власпелишь Персію; ты обладаешь Бактріаною; ты посягаешь на Индію, и теперь наконецъ жадныя, ничемъ венасышимыя руки свои простираешь на похищеніе спады нашихъ!

На что тебѣ богатства, когда онѣ только воспаменяють твою алчность? Ты первой, въ кошоромъ пресыщеніе рождаетъ ненасытность; ибо чѣмъ болѣе имѣешь, тѣмъ неперпѣливѣе жаждешь того, чего еще не имѣешь! Вспомни, сколько времени, и сколь тягостно боролся ты съ Бактріаною? — Сегодня побѣждаешь ее: завтра воспеаютъ Согдіанцы; новая брань рождается тебѣ изъ каждой побѣды!

Ты хочешь бышь единымъ владыкою надъ владыками. — Но никто не рѣшится перѣтъ иноплеменнаго пришельца Царемъ своимъ. Прейди нынѣ Танаисъ, и шы узришь, колико Скиѳіа проспранна; — по крайней мѣрѣ, шы никогда не достигнешь до Скиѳовъ. Наша бѣдность быспрѣе и дѣяпельнѣе швоихъ армій, влекущихъ за собою добычи, похищенныя у споль многихъ народовъ; мы преслѣдуемъ и удаляемъ съ одинакою скоростію, и шы увидишь насъ внезапно въ спанѣ швоемъ въ шо время, когда мечтаешь, что мы опъ шебя въ далекомъ разспояніи. Мы слышали, что изъ поруганій надъ пусшынными нашими жилищами соспавились пословицы у Грековъ; повѣрь мнѣ, сіи пусшыни, сіи равнины дикія и неизмѣримыя любезнѣе намъ, нежели ваши грады и ваши поля, обиліемъ преисполненныя. И шакъ, Александръ, держи крѣпче свою форшуну, она непостоянна; прошивъ ея воли, не удержишь! Будущее вѣрнѣе, нежели наспоющее показываешь намъ, сколько совѣшь сей для шебя спасишелень.

Обуздай прихошливое швое шасшье, дабы удобнѣе впредь управляшь имъ. У насъ говорашь, что форшуна безъ ногъ; что она имѣетъ только руки и крылья, и еспьли къ кому проспираешь руки, шому не позволяешь въ шо же время брашь себя за крылья.

Наконецъ, еспьли шы Богъ, шы долженъ шворить людямъ добро, а не похищашь ихъ доошоянй; еспьли же шы человекъ, шо размышляй чаще о шомъ, что шы еспь: ибо безумно занимаешь такими вещами, копорыя привуждають шебя забывашь о самомъ себѣ.

Въ людяхъ, копорымъ шы не принесешь брани, обрящешь себѣ друзей добрыхъ: ибо дружба прочная сущешвуешь шокмо между равными; а равны только шѣ, копорые не привуждены были испышывашь еще взаимно силъ своихъ.

Не вѣрь дружештву шобою побѣжденныхъ; между владыкой и рабомъ нѣтъ дружбы; — и среди самага мира преобладають

права, приобрѣтенныя войною. Не думай, чтобы Скиѣны увѣряли въ дружбѣ клятвами; они дали слово; — и въ шомъ вся клятва. Сія предосторожность нужна для Грековъ, кои подписываютъ договоры, и боговъ приываютъ въ свидѣтели; наша религія — добрая совѣсть. Кто не уважаетъ людей, шомъ не постыдился обмануть и боговъ; — и къ чему тебѣ другъ, вѣрность котораго для тебя подозрительна! Впрочемъ, мы можемъ быть для тебя спражами Азіи и Европы; — шокмо одинъ Танаисъ раздѣляетъ насъ съ Бактріаною; за сею рѣкою мы населяемъ страны до самой Оракіи; Оракія, говорятъ, сопредѣльна Македоніи: имѣя въ насъ сосѣдей двумъ швоимъ Имперіямъ, помысли, еспьли хочешь, чѣмъ бышь намъ, швоими друзьями, или врагами?

*

Такъ окончилъ рѣчь свою дикой. Александръ ошвѣшсировалъ, что онъ воспользуется своимъ шаспіемъ и ихъ совѣшми, что послѣдуетъ за форшною съ

полною довѣренностію, а по ихъ совѣ-
тамъ, не предприметь ничего безразсуд-
наго и слишкомъ дерзкаго.

Съ Лапин. Сирѣв.

III.

О РАЗЛИЧИИ ПОЭЗИИ ДРЕВНЕЙ СЪ НОВѢЙШЕЮ.

Вниманіе въ наукахъ есть отецъ Ге-
нія; воображеніе въ искусствахъ и Поэзіи --
его основа и начало. Первое обнимаетъ
видимые предметы, и сфера его — міръ
дѣйствительный; второе производитъ,
чего не было, шворитъ не существо-
вавшее; его сфера есть возможное.

Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что вооб-
раженіе имѣетъ шворческую силу; со
всеми шѣми произведенія его составля-
ютъ только новую сложность, новой
порядокъ изъ частей, находящихся въ
природѣ. — Воображеніе само по себѣ не
можетъ производить изъ ничего. И по-

тому оно весьма много зависитъ отъ вліянія обстоятельствъ, дающихъ ему особенное направленіе и краски.

Предметы физическіе и нравственныя, дѣйствующіе на чувства, измѣняютъ болѣе или менѣе составныя картины, раждаемыя воображеніемъ. Оно даетъ творенію своему разнообразный характеръ, принадлежащій вѣку, странѣ климату, обществамъ, изъ которыхъ извлекло оно содержаніе картинъ своихъ.

И такъ Поэзія, дочь воображенія, при равномъ своемъ достоинствѣ, съ перемѣною времени должна приниматъ и различныя на себя виды. Она шествуетъ всегда одинакими стопами съ образованностію какого-либо народа; и потому должно сперва узнать сію послѣднюю, дабы потомъ замѣшивъ и объяснивъ въ точности отличительныя ея черты, принадлежавшія какому-либо вѣку, или обласпи.

Новѣйшій міръ не походить на древній. И такъ древняя Поэзія не можетъ и не должна походить на новѣйшую. Природа, живущая въ Поэмахъ Гомера, отлична отъ той, которую ощущаемъ мы въ Поэмахъ Тасса и Аріоста; равно какъ Корнель и Расинъ весьма отличны отъ Эсхила и Софокла.

Тотъ вѣкогда существующій міръ, изъ коего древніе заимствовали формы и и цвѣты, употребляемые въ своихъ твореніяхъ, и тѣ люди, коимъ хотѣли они нравиться, и коихъ спарались произведеніями своими плѣнять, слишкомъ далеко отстоятъ отъ нашего міра и людей, среди коихъ новѣйшіе Поэты желаютъ пріобрѣтать свои лавры.

Мы вѣримъ, что свойство изящнаго не перемѣняется. Въ удовольствіяхъ ума и воображенія человекъ покоренъ неизмѣняемымъ уславамъ, которые свято должны быть сохраняемы Поэтами; какъ скоро отъ оныхъ удалились, тошчасъ

бываютъ наказаны. Эти правила важны для древнихъ и новыхъ. Онѣ между шѣмъ предлагають Генію обширное поприще, для выбору предметовъ, тона и видовъ. Онѣ дѣйствуютъ на Поэта болѣе отрицательнымъ, нежели положительнымъ образомъ: то есть, болѣе показываютъ, чего избѣгать, нежели что дѣлать должно.]

Можетъ быть, скажутъ, что Поэты, начиная отъ идеала, или спараясь къ нему приближаясь, не зависящъ отъ настоящаго положенія міра, общества, — природы дѣйствительной; и что сія послѣдняя въ исторіи Поэзіи не заслуживаетъ вниманія. Спихотворцы и архисты, весьма много удаленные другъ отъ друга, находящіеся въ великомъ разстояніи мѣстъ и времени, могутъ часто встрѣчаться въ идеалахъ. На сіе мы будемъ ошѣшествовать, что многіе изъ Поэтовъ не имѣли опредѣленнаго своего направленія къ идеалу. Многіе изъ древнихъ Пѣснопѣвцовъ, имѣвшихъ по наруж-

ности иъчто идеальное, въ самомъ дѣлѣ были только вѣрные изобразители природы, являющейся предъ ихъ глазами. Обвороженіе, произведенное ими въ насъ, конечно, родилось отъ того, что природа, живописуемая ими, весьма оплична отъ той, посреди которой мы живемъ.

Впрочемъ, что значить изобрѣсти идеальное, или дѣйствовать по идеалу? Сіе выраженіе можетъ имѣть два смысла, и который бы мы ни приняли, все можно видѣть, что природа и обстоятельства, окружающія Поэта, непременно будутъ имѣть вліяніе на идеаль его воображенія. Въ томъ ли состоить идеаль, чтобы сочиненіе разположить по новой какой-либо идеѣ, или мысли? или въ томъ, чтобы обыкновенной идеѣ дать новые чувственные виды? Въ обоихъ таковыхъ случаяхъ родъ и свойство сихъ идей непременно должны зависѣть отъ особенностей генія Поэта, также, болѣе или мѣнѣе отъ образованности общества, и отъ идей, которыя имѣли въ это время

Книж. X и XI.

Г

на него вліяніе. Самый знамениый Поэтъ Греческій предспавиль бы въ наши времена идеаль свой совершенно оплично опъ шого, какъ онъ предспавляль его въ свое время. Пусъ будеть идеаль, — вообразительная, или изящная природа; пусъ соспоитъ онъ въ томъ, чшобъ изъ тысячи въ неодушевленной и живой природѣ разсыпанныхъ часпей избратъ прекраснѣйшія, и соспавитъ изъ нихъ изящное цѣлое, дабы производитъ въ воображеніи чипапелей сильнѣйшее впечатлѣніе; всегда, въ томъ и другомъ случаѣ идеаль удержитъ при себѣ большій, или меньшій оппечатокъ шой природы, среди кошорой онъ, такъ сказаъ, воспишался, и шѣхъ людей, кошорыхъ имѣль онъ въ виду. И такъ, какія бы поняшя ни имѣли о Поэзіи, со всемъ шѣмъ ясно, чшо каждая эпоха образующихся обществъ соспавляла ея опличительный характеръ.

Въ Исторіи Европейскихъ народовъ замѣчано, чшо работа образования два

раза возобновлялась, и сполько же разъ
измѣняла ходъ свой и образы. Въ первый
разъ человѣческой разумъ воспріялъ выс-
пенній полетъ свой въ странѣ, обита-
емой Еллинами и Пеласгами; во впорый,
у Германцевъ, основавшихъ всѣ почти
новѣйшія Государства. Опъ сего про-
изошло, что мы щипаемъ полько два
великія переворопа въ Словесности; и
сколь ни разнородны часпи, изъ коихъ
соспоятъ сіи переворопы, однако всегда
говоримъ мы: древняя и новая Словес-
ность.

Ироическія спольстія Греціи можно
назвать младенчесвомъ Словесности
древней; а спольстія рыцарства — мла-
денчесвомъ новѣйшей. Но какъ первыя,
такъ и послѣднія имѣли рѣшительное влі-
яніе на нравы, духъ, характеръ, наро-
довъ; слѣдовательно и на Поэзію вѣковъ
послѣдственныхъ.

Обѣ сіи эпохи представляютъ многія
черты, имѣющія рѣшительное сходство.

Въ обѣихъ общественный порядокъ равно не достигалъ совершенства. Сила занимала мѣсто законовъ ; въ нѣдрахъ безначалія личная храбрость могла одна только предупреждать обиды, или мстить за нихъ : все ратовало съ насиліемъ и хищничествомъ ; все принуждено было сражаться съ самою природою, — со стихіями, ужасами, чудовищами, которыхъ искусство не могло еще тогда преодолѣть. Повсемственное невѣжество увлекало ко всему чрезвычайному и чудесному; всѣ плѣсныя преимущества особливо уважены, какъ необходимыя; отважность и неустрашимость соединялись съ похвальными качествами, зависящими отъ плѣсной силы и мужества; откровенность свободная и чистосердечіе составляли главные черты характера ; гостепріимство, столь свято сохраняемое, родилось изъ самыхъ обстоятельствъ общества, и зависѣло отъ степени образованности; спрашки дѣйствовали сильно, пылко, откровенно; люди умѣли любить, умѣли ненавидѣть; дружество составляло величайшую святыню;

свирѣлое мѣненіе не знало предѣловъ, и самая необходимость оправдывала его въ нѣкопоромъ смыслѣ. При обѣихъ сихъ испорическихъ эпохахъ, бывшихъ для Греціи и среднихъ вѣковъ зарею просвѣщенія, геній народовъ былъ стихотворной. Воображеніе и чувствительность, развивающіяся всегда прежде разсудка, были тогда въ полной ихъ силѣ и свѣжести. Общество и природа носили еще знаменія юношества; да и самый міръ представлялъ изъ себя нѣкопорой піишической видѣ. Первыя намѣренія, всеобщимъ согласіемъ предпринимаемая, начальныя подвиги, имѣющіе цѣлю общественное благо, первые дальніе походы, производили въ умахъ глубокія впечатлѣнія, становились избраннѣйшими предметами Поэзіи, и даровали Поэмамъ, въ честь ихъ воспѣшымъ, опличительныя краски, видѣ и тонъ. Походъ Аргонавтовъ, брань Седьми Вождей подѣ Оивами, и въ особенности Троянская война, служили въ древней Словесности шканію, на копорой Греческіе и Латинскіе Поэты

разбросали. богатое и великолѣпное шипье, служившее основою Пипической ихъ религіи, и неизсякаемымъ сокровищемъ для всѣхъ искусствъ, предспавлявшихъ его подь различными видами. Брани съ Гишпанскими Маврами и съ Сарацинами Азіи и Африки равномѣрно были важны и занимательны для временъ среднихъ. Сіи событія соспавляютъ самое по средопочіе, вокругъ коего обращалась вся Поэзія того времени.

Таковы главнѣйшія черпы сходства, примѣчаемаго между ироическихъ вѣковъ и рыцарскихъ; различія ихъ, можеть бытъ, еще болѣе многочисленны и очевидны. Самыя произшествія, которыя, какъ въ древней, такъ и новой Словесности, доспавляли главную пищу Поэзіи, должны спвовали произвести ошущительную разность въ тонѣ и характерѣ спихотворныхъ сочиненій обѣихъ эпохъ. Спрана, климатъ, упошребленіе оружія, одѣяніе, владычеспвующія мнѣнія, семейспвенная и общеспвенная жизнь: все совершенно различно (чтобъ не сказать, противоположно).

но), какъ въ походѣ Аргонавтовъ, такъ и брани Мавровъ, въ Крестовыхъ походахъ и Троянской войнѣ.

Кто хочетъ опредѣлить несходство, существующее между древней и новой Поэзіею, тотъ долженъ болѣе означить тѣ предметы, которые въ религіяхъ, благоустройствѣ обществъ, въ обращеніи женщинъ, при обѣихъ сихъ эпохахъ, различествуютъ между собою.

Религія принимала малозначительное участіе въ предпріятіяхъ, воспламенявшихъ воображеніе первыхъ Поэтовъ Греціи; напрошивъ того цѣль войны прошиву Гишпанскихъ Мавровъ, и въ особенности, цѣль Крестовыхъ походовъ относились совершенно къ Вѣрѣ.

Сіе различіе хотя и дѣйствительно, но крайнѣ маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, которое происходитъ отъ самаго существа Религіи, посредствомъ Крестовыхъ походовъ одерживающей великія побѣды,

я шой, которой держались Греки. Религія Грековъ чрезвычайно способствовала Поэзіи, ибо основывалась на олицетвореніи силъ природы. Въ сущности же своей была чистый *антропоморфизмъ*. Греческіе боги представляли только идеаль самыхъ Грековъ. Человѣкъ въ понятіяхъ своихъ о божествѣ, безъ сомнѣнія, никогда не отспанеть отъ навыка, по своему видѣть, чувствовать, судить; мы сами приписываемъ Божеству нѣкоторыя черты умственной и нравственной нашей природы. Но Греки богамъ своимъ придавали совершенно черты и видъ человѣчества; они каждый родъ твореній природы подчинили охраненію существа, одареннаго физическою красою и силою, смысломъ и свободою, желаніемъ и спрашьями. И такъ религія ихъ представляла воображенію каждое существо съ опредѣленными уже свойствами и чертами; а чрезъ то разпространяла она, украшала, оживляла вещественный міръ, и не только не ослабляла владычества чувствъ, но еще усугубляла и возвышала

ихъ наслажденія; и по всѣмъ симъ отношеніямъ благопріяшествовала Поэзіи, доставляя ей безпрестанно новыя средства къ успѣхамъ.

Напроривъ того Религія Христіанъ есть Метафизическая и нравственная, не имѣющая ничего мечпашельнаго, и бесѣдующая болѣе съ разсудкомъ, нежели съ воображеніемъ. Основываясь на духовномъ единствѣнно, опредѣляетъ она насъ опъ всего чувственаго къ любленію неплѣнныхъ прелестей безсмертія. Въ среднихъ вѣкахъ нѣкоторыя обряды языческой религіи, учрежденія, вымышленныя ею существува покушались было вшоргнувшись въ святое царство Христіанства, дабы облечь его чувственностію; но всѣ сіи суешныя замыслы оспались тщешны. — Міръ, въ который высокая Религія сія переноситъ человека, есть и будетъ всегда идеальнымъ міромъ. Источникъ, изъ коего она происпекаетъ; Существо, коему повелѣваетъ поклоняющіяся; цѣль, кошорую она имѣетъ;

средства, которыя употребляетъ; враги, прошиву коихъ ополчается; казни и награды, коими ограждаетъ усавы свои: — все невещественное, невидимое, духовное! — — —

Сія Религія, опчужденная чувспенности, чистая, духовная, высокая — способна болѣе доспавлять Поэзіи черты высокаго, выпренняго. Не предлагая ничего частнаго, даетъ она воображенію сильному особенный характеръ: она замѣняетъ образы идеями, существа законами, черты темныя и разбросанныя чертами опредѣленными и неизгладимыми.

Вообще, что касается до насъ, то, повинуюся державнымъ и непремѣннымъ усавамъ, снизшедшимъ отъ Существа совершеннаго, въ природѣ видимъ мы разнообразіе и единство, движеніе и поспоисство: чудеса, превышающія наши понятія. — Насъ приводитъ въ священное изумленіе бытіе, проспран-

ство, единообразіе природы; мы не понимаемъ глубокихъ ея тайнствъ, и благоговѣемъ предъ безпредѣльностію сего непостижимаго для насъ Цѣлаго. Какъ же новѣйшей Поэзіи не быть болѣе важной, нежели блистательной, болѣе высокой, нежели изящной? Напродивъ того природа, существовавшая для Грековъ, была оживлена, весела, какъ обитель существъ, на нихъ самихъ похожихъ. Какъ не быть ей болѣе оцущительной, видимой? — Поэзія есть не что иное, какъ природа, населенная жителями, природа, очищенная, оживотворенная выраженіемъ.

Сверхъ сего Религія Христіанская утверждается на единой, великой священной книгѣ; а религія Грековъ и Римлянъ основывалась на сомнительныхъ преданіяхъ, болѣе или менѣе запущанныхъ, хранимыхъ въ обрядахъ, торжествахъ, муменсахъ и въ памяти жрецовъ. Слѣдовательно искусство и Поэзія тогда могли гораздо свободнѣе дѣйствовать въ произведеніяхъ своихъ, нежели нынѣ.

Поэты древніе, съ большею удобностью и безъ малѣйшей боязни могли преобразовать бышія, измѣняятъ помятія, составлявшія народную вѣру. У насъ одно существованіе той важнѣйшей и древнѣйшей книги, которая Христіанству служить основою, придало особенной характеръ Словесности и наукамъ, характеръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не весьма благопріятствующій Поэзіи. Вскорѣ книги стали занимать мѣсто природы; люди начали познавать предметы *посредственно*, вмѣсто того, что прежде принимали непосредственныя и прямыя отъ нихъ впечатлѣнія; стали разсматривать списки, вмѣсто того, чтобы изучать подлинники. Въ новѣйшія времена, великіе Мужы, которые, по общему достоинству своему, заслужили лестное имя Поэтовъ, безъ сомнѣнія менѣе или болѣе жили также съ природою; между тѣмъ, они же принуждены были большую часть вѣка своего провести въ области книгъ, и вытерпѣли при этомъ муки, всѣмъ Ученымъ извѣст-

ныя : а пошому - то въ твореніяхъ своихъ представляють уже менѣ свѣжести, живости, естественности, нежели древніе Поэты ; ибо во всѣхъ отношеніяхъ древній міръ гораздо болѣе способенъ былъ принимать глубокія впечатлѣнія Поэзіи, нежели міръ новѣйшій.

Наконецъ Христіанская Религія есть торжество челоѣческой свободы ; напросивъ того, религія языческая была торжествомъ судьбы непоспизижимой. Въ Христіанствѣ господствующая мысль заключается въ понятіи объ успавахъ долга. Христіанской законъ, будучи просъ, непремѣненъ, всеобщій, служишь въ одно и то же время цѣлю и доказательствомъ свободы : онъ иногда погружаетъ въ скорбное раскаяніе, иногда одушевляетъ насъ небесною радостію. Долгъ предполагаетъ независимосъ воли ; а независимосъ сія соспощъ въ свободномъ, произвольномъ повиновеніи успаву. Приобрѣсъ ее не возможно иначе, какъ только укрощеніемъ и обладаніемъ спраспей ; спраспи сіи, безпрерывно дѣйствующія

и б у й н ы я , пропивоборспвують долгу, и вмѣсто повиновенія , спремятся сами повелѣвашь. Ихъ не должно испреблять совершенно, но и надѣяшьяся, что онѣ окованы и молчашь, запрещаешь разсудокъ ; онѣ воспаюшь изъ собспвеннаго своего уничиженія , и принимаюшь на себя безчисленные выды. Въ сердцахъ чловѣческихъ не достаешь сполько свободы, сколько нужно для сраженія и обладанія спрасшми; впрочемъ, и спраспи никогда не доспигаюшь споль непреодолимой силы, чшобъ совершенно могли изгладить правила свободы, и лишить ее способности дѣйспвовашь. И пошому въ Поэзіи новѣйшей борьба спраспей пропиву должнспи и свободы ешть по основаніе, на которомъ обращаетья, какъ Эпическая Поэзія , такъ и Драмашическая. Предспавленъ ли чловѣкъ добродѣпельнымъ , или порочнымъ, невинною ли жершвою чуждыхъ преспулений , или мучителемъ и злодѣемъ себѣ подобныхъ : упреки его совѣспи и раскаяніе , или сознаніе собспвеннаго достоинспва и добродѣтели , являюшь

его существомъ нравственнымъ, и возвѣщаютъ невольно его свободу. Новѣйшая Поэзія не живописуетъ другой необходимой силы, кромѣ внутренней, кромѣ природы чувствительной, физической, спраспной, зависящей отъ привычекъ и склонностей, воюющихъ прошиву свободы, принадлежащей волѣ и разсудку.

Въ религіи Греческой, слѣдовательно и въ древней Поэзіи, господствуютъ страсти, прошивоборствующие судьбѣ. Сія послѣдняя представляетъ силу великую, непремѣняемую, непреоборимую; желѣзнымъ скипетромъ своимъ она управляетъ могуществомъ боговъ; она непостижимо ввергаетъ въ злодѣянія, приводитъ, или не допускаетъ къ добродѣтельнымъ подвигамъ, похищаетъ у однихъ стыдъ, у другихъ отъемлетъ заслуги, даетъ беззаконію блистательные успѣхи, награждаетъ произмъ бѣдствіемъ, доставляетъ пороку благоденствіе, и дѣлаетъ добродѣтели или бесполезными, или бѣдственными; ея непреодолима власть посмѣвается надъ

всѣми человѣческими усилями. Такова сія судьба ; непоспѣжимая брань ея со спра- сьями , борьба менѣе или болѣе значи- тельная , продолжительная , жестокая , насильственная , болѣе или менѣе важ- ная и упорная , но всегда безплодная наполняетъ всю древнюю Поэзію , и соспав- ляетъ ея особый характеръ. Одно сіе обстоятельство уже разительнымъ образомъ доказываетъ различіе , суще- ствующее между духомъ древняго міра и новѣйшаго , и то , что древняя Словес- ность по всѣмъ отношеніямъ своимъ не можетъ , и не должна походить на но- вѣйшую. Въ первой необходимостъ оковы- ваетъ свободу ; во второй благородная , священная свобода спарается оправдать спа- сительную необходимостъ закона : въ од- ной человѣкъ болѣе видимъ и возвышенъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ своихъ отношеніяхъ ; а въ другой , судьба и при- рода одерживаютъ верхъ , и человѣкъ по- казывается , хотя сильнѣйшимъ , но не- щастнѣйшимъ.

Въ новѣйшей Поэзіи, какъ Эпической, такъ и Драмапической, взаимное сраженіе спраспей и борьба сихъ спраспей съ должностью, — одерживающъ ли онѣ надѣ нею верхъ, или уступаютъ ей побѣду, конечно, много занимаетъ и поражаетъ насъ, съ однимъ только условіемъ, чшобы Герой имѣлъ надлежащее величіе. — О п с ю д а произтекаетъ удивительная разнообразность въ средствахъ и дѣйствіяхъ піипическихъ. Соотвѣтственнo характеру и свойству спраспи, всякой ощущаетъ уже и шрепешъ опвращенія, и всѣ движенія жалоспи, и всѣ восшорги удивленія, и всѣ чувствованія, производимыя симпатією. Поэзія представляетъ намъ въ высочайшей степени испуление спраспей и чувственную энергію, или высочайшіе порывы нравственнoй силы; она всегда даетъ намъ познавать достоинство нашей природы, и убѣждаетъ насъ въ дѣятельности и свободѣ челоуѣка.

Въ древней Поэзіи Эпической и Драмапической, особливо въ послѣдней, од-
Книж. X и XI. Д

на идея возрождается подъ другими именами, въ другихъ видахъ, и прогаешъ насъ въ дѣйствіи различныхъ лицъ. Сія идея основана общимъ мнѣніемъ о Судьбѣ, поржесшвующей надъ усиліями чловѣка, управляющей самовласшно и шаинспвенно его жребіемъ, вопреки его произволію. Согласенъ, что сія почка зрѣнія предспавляешъ менѣе богатспва и болѣе единообразія. Между шѣмъ неизвѣспная сія и безпрестанно грозящая сила съ непреодолимымъ и неизвѣспнымъ своимъ могущеспвомъ, прошиву коего шщепно возспаешъ чловѣкъ, и которое играешъ всѣми его надеждами, намѣреніями, предумопріпельноспію, не можешъ произвести другаго въ душѣ зршпеля чувспвовапія, кромѣ ощущеній нѣжнаго соспраданія и сокровеннаго ужаса. Сіе ощущение имѣешъ въ себѣ нѣчто необъемлемое, сумрачное, составляющее то, что мы называемъ высокимъ; а потомъ сппановшпся печальнымъ, унылымъ, поразшпельнымъ, какъ и все высокое; еще болѣе: оно унижашптъ чловѣка въ собспвенныхъ его глазахъ.

Таковое - то существовало различіе между религіями древнихъ временъ и новѣйшихъ. Устройство гражданское, образъ общежитія еще болѣе различествовали. Въ сіи двѣ эпохи древнія государсва имѣли основою личное рабство; а новѣйшія утверждають себя на гражданской свободѣ. Въ первыхъ, по крайней мѣрѣ въ республикахъ, политическая свобода господствовала въ высшей степени; извѣстная часть жителей составляла власть самодержавную, и брала дѣятельное участіе въ управленіи. Общественное дѣло почитали они главнымъ, единственнымъ, важнѣйшимъ своимъ предметомъ; самая большая часть изъ нихъ въ особенности занимались имъ, и не развлекали себя механическими искусствами, предославляемыми тогда невольникамъ. Во вторыхъ, по крайней мѣрѣ, во многихъ новѣйшихъ государствахъ, политическая свобода совсѣмъ почти исчезла. Когда одинъ человекъ является, дѣйствуетъ, тогда прочіе остающіеся его орудіями, вѣрными исполнителями его воли,

и общее дѣло принадлежишь только пѣмъ, копорые участвуютъ въ правленіи; прочіе занимаются единственно собственными дѣлами и выгодами, предаваясь механическимъ работамъ, обеспечивающимъ ихъ соспояніе, и доставляющимъ самому государству внутреннее изобиліе. Граждане сіи должны имѣть болѣе духъ и характеръ своего соспоянія, нежели характеръ народный; впечатлѣнія, получаемыя ими ежедневно отъ своихъ упражненій, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ, нежели тѣ, кои происходятъ отъ правительсва и гражданскихъ постановленій.

Наконецъ упомянемъ еще о томъ изъ нашего вѣка, что имѣетъ на современую Поэзію рѣшительное вліяніе. Это — женщины, какъ лица, споль много и разнообразно дѣйствующія въ обществѣ. У древнихъ во времена варварсва были онѣ невольницами; въ Греціи и Римѣ, даже въ самую эпоху ихъ просвѣщенія, скрывались онѣ въ уединеніи, не вспуцали въ дѣла, не наслаждались народны-

ми удовольствіями, не имѣли обращенія и сообщества съ мужескимъ поломъ, слѣдственно и не могли воспламенять воображенія, и владычествовашь надъ мнѣніемъ согражданъ. Подобное состояніе могло возбуждать къ нимъ почтеніе, но не могло сдѣлать ихъ любезными и привлекательными. Греки вообще мало думали объ женщинахъ, и симъ-то объясняется испорченность ихъ вкуса, чрезвычайныя преимущества одного пола надъ другимъ, и блистательная слава, которою пользовались Фрины, Лаисы, Аспазіи. Въ Римѣ, въ самыя спрогія времена, когда Римляне умѣли дѣйствовать только плугомъ и мечемъ, и когда говорились они возобладать цѣлымъ міромъ, женщины наслаждались всеобщимъ уваженіемъ; но онѣ были чужды способамъ, внушающимъ любовь, и заславили раздѣлять ее. Когда покореніе вселенной внесло въ нѣдра ея Римскихъ сокровища народовъ; тогда утонченное сластолюбіе достигло высочайшей степени, и мѣсто чувствительности замѣнила низкая чувствен-

востъ; тогда воображеніе вмѣсто того, чѣмъ воспальшь и пишеть сердечной огонь, служило только къ раздраженію упомянутыхъ чувствованій, и къ возбужденію безсильнаго сладострастія соединеніемъ новыхъ разпусствъ, вымышляемыхъ безумною роскошью: Мужчины, ревнующіе приумножаютъ легкія побѣды свои, — женщины, алкающія новыхъ удовольствій, неспособны уже были ощущать благородной, нѣжной любви; оба пола не имѣли объ ней даже и понятія. При павловыхъ обстоятельствахъ удивительно, что нравственное чувствованіе любви столь мало участвовало въ древней Словесности? Изъ Поэтовъ ихъ одинъ *Виргилій* справъ сію описалъ истинно и сильно; прочіе же изображали только упоеніе желаній. — Читая четвертую книгу *Энеиды*, не лзя не думать, чѣмъ *Виргилій* самъ не испыталъ сей страсти; или, согласимся въ томъ, что чувствительная его душа помогала ему отгадывать то, чего нравы согражданъ не могли представлять его взорамъ. Сафо

изображала изступленіе чувствъ; Анакреонъ воспѣвалъ жизненныя удовольствія; Овидіева наука любить — есть искусство обольщать и наслаждаться; Горацій, Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій описывали наслажденія, желали ихъ, или сожалѣли о нихъ. Не измѣняя характера генія своего и дарованій, они воспѣвали роскошь то съ жаромъ, то съ пріятностію, то съ нѣкопорою нѣжною роскошью. Въ древней Трагедіи любовь, не только не царствовала на сценѣ, но едва осмѣливалась являться; и, если являлась, то всегда безъ силы и благородства. Эсхиль, Софокль, Еврипидъ почипали ее весьма маловажною; или, лучше сказать, они не знали сей пружины; когда же покушались приводить ее въ движеніе, то никогда не имѣли желаемого успѣха. Одинъ Еврипидъ осмѣлился испытать кисть свою надъ изображеніемъ сей спраси. Федра любитъ Ипполита; — но любовь ея есть насмѣящее изступленіе безумія; это болѣе плодъ проклятія, низпосланнаго богами, нежели любовь. Предоставлено было ге-

нію Расина, возвышенной его душѣ, и въ особенності его вѣку, изъ испупленія Федры произвеспъ пламенную спраспъ, и придапъ ей нѣчто привлекапелное и нравспвенное, не оскорбляя вѣрояпности преданія и свойспва самаго предмеша.

И такъ древніе не могли, или не хотѣли изображапъ любви; и сіе производило не опъ недоспапка чувспвительности ихъ; ибо они умѣли блиспашельными черпями выражапъ благоговѣйную любовь къ родителямъ, супружескую вѣрность, нѣжность материнскую, герпизмъ дружеспва: Анпигона, Андромаха, Гекуба, Ореспъ и Пиладъ 'оспанушся вѣчно идеаломъ сихъ любезныхъ и сильныхъ движеній природы. Еспъли древніе не изображали любви, то пошому, что въ сію эпоху испорическую эшо чувспвованіе не господспвовало, какъ въ среднихъ и послѣдующихъ вѣкахъ. Оно возникло вмѣспѣ съ рыцарспвомъ, или, лучше сказапъ, было спихіею того рыцарскаго духа, копорой по всей справедливоспи можно

назвать первымъ цвѣшомъ Европейской образованности. Нѣкоторые думаютъ , что Германцы давно уже , во глубинѣ лѣсовъ своихъ , оказывали женщинамъ благоговѣнное почтеніе. Одна Христіанская Религія , проповѣдуя нравственное равенство , возстановила первобытныя права челоука , уничтожила рабство , возвратила женщинамъ соотвѣтственное имъ достоинство , извлекла ихъ изъ того униженія , въ которое ввергали общественыя учрежденія и повсемственное невѣжество. Рыцарство довершило то , что начала Религія , и придало сей пламенной спраси нравственную красоту , и даже благородныя черты самой добродѣтели; и съ того времени женщины взошли на высочайшую степень достоинства и величія. Въ сію-то эпоху спали онѣ болѣе сближашься съ обществомъ мужчинъ , возбуждая въ нихъ желаніе нравиться , и наслаждаясь довольною свободою для того , чтобы поступать по собственнымъ прихотямъ , и между тѣмъ бытъ сколько удаленными отъ свѣта ,

чтобъ укрывашься за завѣсою тайны, и воспалить воображеніе мушннъ особливою прелестію, производящею опъ неизвѣстности. Женщины спали скоро боже-спвами Героевъ, предметомъ робкихъ и непорочныхъ ихъ желаній, украшеніемъ ихъ шоржесшвъ, наградою ихъ неуспра-шимости. Вскорѣ украсили онѣ Поэзію также, какъ украшали общество; и Поэзія не замедлила въ очередь свою окру-жить ихъ магическою, привлекапелною своею силою. — Трубадуры воспѣвали нравешвенную любовь, копорая въ эпоху возрожденія наукъ сдѣлалась душею но-вѣйшей Поэзіи, обладала ею весьма дол-го, и была для нее неизчерпаемымъ испо-чникомъ разнообразныхъ красощъ. Да-бы чувспвовать необьяпное вліяніе об-стоятельствъ сего въ новѣйшую Поэзію, и понять все различіе, возродившееся между сею послѣднею и древнею, споить шолько поискать въ цѣлой древности по-хожія, хощя издалека, сущеспва на Беап-шриксу Данша, на безмерпную любов-ницу Пешрарка Лауру, на Брадаманшу

Изабеллу, Алину Аріоспа, на Ерминію и Клоринду Тасса, на всѣ шворенія Корнеля, Расина, Вольпера, украсившія нашу сцену. Чшо найдемъ мы въ Греческой и Римской Словесности подобнаго Юліи и Ромео, Дездемонѣ и Опелло Шекспира, Элоизѣ Попе, и Еввѣ Мильтона? Наконецъ спросимъ самихъ себя, чшо воспослѣдовало бы съ новѣйшею Поэзіею, когда лишили бы ея женщинъ и нравственнаго чувства любви? Не по ли же самое, чшо воспослѣдовало бы съ природою, лишенною благовонія и цвѣповъ, — съ атмосферою, не освѣщаемою лучезарнымъ солнцемъ, производящимъ безчисленное множество различныхъ тѣней и дѣйствій; — не по же ли самое, чшо случилось бы съ Греческою Поэзіею, когда лишили бы ее Олимпа и боговъ?

Сіи прекрасныя времена рыцарства уже не существуяють, и, по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, нравственное чувствованіе любви начало ослабѣвать въ силѣ своей и владычествѣ. Кокетство и притворство заспунили ея мѣсто, пакъ какъ лож-

ная вѣжливость замѣнила искренность ;
 непрерывное сообщество обоого пола
 разсѣяло очарованія воображенія, и ввело въ
 обычай модную утонченность, споль же
 чуждую истины мыслей и языка, сколько
 удалена она опъ силы чувствованій. Му-
 щины и женщины, сблизившись въ обра-
 щеніи, пріобрѣли болѣе образованности,
 вкуса, просвѣщенія и свободы ; но они
 удалились опъ природы, и вѣтреное же-
 ланіе нравиться, уничтожило, или осла-
 било нужду, любить. Опъ сего мужчины
 получили навѣкъ къ непостоянству и
 хитрости, и непримѣнно унизились въ
 образѣ мыслей своихъ, въ чувствованіяхъ,
 желаніяхъ и разговорѣ. Все, что истин-
 но, но сильно, спало казаться грубостью ;
 все, что было крошко, но слабо, спало
 пріятнымъ. Приличіе и благоприспособность,
 съ обыкновенными, подругами своими, ро-
 бостью и недовѣрчивостію, заступили
 мѣсто цѣломудрія ; и излишнее усиліе
 избѣжашъ всего того, что могло оскорб-
 ляшъ чувства нѣжнаго пола, лишило
 предметы собственнаго своего вида. Съ

другой стороны женщины, наблюдаемая со всею спрогоспю, непрерывно искушаемая соблазнительною жипроспю, и, пакъ сказащъ, сражающіяся съ собспвенными своими чувствованіями, и пылкикими спраспями, копорыя, часпо прі всепобъждающихъ своихъ прелеспяхъ могли бытъ опасны для добраго имени ихъ и чеспи, и копорымъ не хотѣли онѣ уступитъ преобладанія, с ш о л ь вреднаго въ послѣдствіяхъ своихъ, пріобрѣли навикъ къ принужденности, скрышности, лукавспву; онѣ припворялись не знающими шѣхъ вещей, копорыя знали, — не понимающими шого, чпо въ самомъ дѣлѣ понимали; онѣ казались равнодушными въ шо самое врѣмя, въ копорое были чувспвишельны, и часпо являли видѣ чувспвишельности при совершенномъ равнодушіи; желаніе нрависья заставило ихъ изобрѣспш тысячу средспвъ, могущихъ доставитъ имъ леспныя побѣды; искусство въ нарядахъ, обращеніи, разговорѣ, въ движеніи глазъ и лица: все содѣлалось наукою; и щогда лишились онѣ проспшты

и первобытныхъ своихъ добродѣтелей. Мущины, унижившіе себя, заставили также женщинъ сойти съ той благородной возвышенности, кою обязаны онѣ были нравственному чувствованію любви. Сія всеобщая униженность Европейскихъ нравовъ, возникшая во Франціи при регенствѣ Герцога Орлеанскаго, простерла вліяніе свое на Поэзію, и лишила ее того характера, который данъ былъ ей предшествовавшими вѣками. Споль вредная порча въ нравахъ неизвѣстна была древнимъ, такъ какъ и упонченное искусство нравилсья, споль же было для нихъ чуждо, какъ и самое чувствованіе благородной любви. Новѣйшіе господствующіе нравы переродили современную Поэзію; и по симъ отношеніямъ должна она споль же мало походить на древнюю, сколько и по прочимъ.

И такъ Религія, устройство государствъ, соспаніе женщинъ, образованность общества должныствовали произвести ощущительное различіе между древней и новѣйшей Поэзіи, различіе

естественное, неизбежное, разливающее на Словесность особенную занимательность и краски. Какъ древняя, такъ и новая Словесность подвержены одинакимъ правиламъ вкуса, и, хотя спорящъ между собою о преимуществахъ въ разсужденіи единства, истины, силы и простоты, однако не могутъ и не должны походить одна на другую; и столь же нелѣпо судить по одной о другой, сколь безразсудно новѣйшую вѣжливость сравнивать съ обращеніемъ древнихъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ состоить сіе различіе между тою и другою Словесностію.

Человѣкъ, одаренный гениемъ (*), похищенный опъ Музъ и похвалъ Германіи въ самомъ цвѣтѣ своей жизни, который объявлялъ историческія бышія, какъ Философъ, и представлялъ ихъ, какъ живописецъ; обогатившій прагматическую сцену смѣлыми и оригинальными произведеніями, и присовокупившій къ высокимъ идеямъ Пиндаровой лиры чувственные изображенія и прелестныя гармоніи удивительной,

(*) Шиллеръ.

имѣлъ время и силы, предложишь свѣту правила своего искусства удовольстви- тельнымъ образомъ. Въ одномъ изъ оп- рывковъ, исполненномъ оспрыхъ догадокъ и новыхъ видовъ, доказывалъ онъ, что древняя Поэзія въ самой сущности своей весьма была отлична отъ новѣйшей. Пер- вую называлъ онъ простою (naïve), потому что изображала она природу въ собствен- номъ совершенномъ ея соспаніи, въ ко- торомъ противоположность, разнообразіе, непостоянство природы человѣческой сли- ваются въ очаровательной гармоніи, не представляющей ничего ни высканнаго, ни натянушаго; другой давалъ онъ назва- ніе чувственной, потому что новѣй- шая Поэзія изображаетъ человѣка въ его, такъ сказать, измѣненіяхъ и противо- положностяхъ.

Новѣйшіе Поэты любятъ простоту (naïf) такъ, какъ любимъ поперянное уже сокровище; они сожалѣютъ о немъ, ищутъ его, живописуютъ, и не производятъ дру- гой картины, кромѣ изображающей при-

нужденную борьбу свободы съ природою, заблуждений и неустройства съ порядкомъ и гармонією: пропывоборствіе по смѣшное и комическое, по мрачное и прагическое!

Сіе различіе казалось мнѣ всегда болѣе замысловатымъ, нежели основательнымъ. Предоставлено было Шиллерову Генію примѣшши его, и, особенно, раскрышь съ неподражаемымъ искусствомъ; но ясныя и справедливыя сужденія покажутъ неосновательность его и недоспашки.

Обратимся къ мнѣнію Шиллера. Поэзія древнихъ, согласно съ его положеніемъ, была — изображеніе невинной природы, не представлявшая еще тогда пропывоположностей и явнаго свободѣ пропывоборствія.

Нѣтъ слова, можеть быть, въ языкахъ, столь часто злоупотребляемаго, какъ слово, природа. Испорія сего слова, хорошо сочиненная, была бы безъ сомнѣнія драгоцѣнною частію испоріи

Книж. X и XI.

Е

ума человѣческаго. При употребленіи его безпрестанно опредѣляютъ, какъ скажешь, природу отъ природы. Говорятъ обыкновенно: существа природы, законы природы, какъ будто бы существа сіи и законы сіи были что-либо другое, а не сама природа. Въ особенности же всегда противоположаютъ ей искусство. Замѣчаютъ ее въ дѣтяхъ — въ дикихъ народахъ, и не находятъ ее видѣшь въ образованномъ человѣкѣ, и въ народахъ просвѣщенныхъ, между тѣмъ какъ человѣкъ, въ которую бы эпоху на него ни смотрѣли, всегда бываетъ рабъ собственной природы. Существо природы, — совершенствоваться; слѣдственно необходимо искусство. Искусство есть не что иное, какъ та же человѣческая природа, образуемая и измѣняемая непрерывнымъ вліяніемъ мѣсяца, времени и обстоятельствъ. Сей вѣкъ невинности, въ который нравственная свобода и склонности естественныя должны были находиться въ совершенной гармоніи; сей золотой вѣкъ человѣческаго рода, извѣстный по

одному только печальному воспоминанію всѣхъ вѣковъ, хотя бы и существовалъ, но болѣе являлъ бы испугъ природу, какъ и прочіе за нимъ послѣдовавшіе. — Но сей золотой вѣкъ столько же обрѣтался въ древнемъ мірѣ, сколько и въ новѣйшемъ, и равно принадлежитъ какъ древней Поэзіи, такъ и новѣйшей. Міръ и Поэзія въ безчисленныхъ измѣненіяхъ своихъ и опитѣнкахъ всегда предлагали намъ борьбу страшней съ нравственною свободою.

Когда новѣйшіе Поэты изображаютъ дѣйствія, или лица собственными чертами ихъ характера: то лица сіи сохраняютъ точно свою природу въ настоящемъ значеніи слова, хотя бы и принадлежали къ такому вѣку, въ которомъ утонченіе нравовъ доходило до высочайшей степени. Улиссъ и паспухъ свиней, Навзикея и ея прислужницы, также существуютъ въ природѣ, какъ Прелать въ наловъ Гна. Боло, или Хризила въ ученыхъ женщинахъ Мольера. Не лзя вообще сказать, что

древніе Поэты ближе новѣйшихъ подошли къ природѣ; въ прошивномъ случаѣ должно утверждать, что одни первоначальные опыты образованія представляють природу, и что всѣ послѣдовавшія перемѣны въ обществахъ болѣе образованныхъ находящаяся внѣ природы.

Древняя Поэзія, говорящъ, въ превосходной степени изображаетъ простоту. Правда, что простота часто составляла главную прелесть древней Поэзіи; но можно также и обмануться сею мнимою простотою. Многія вещи въ древней Словесности кажутся намъ простыми, потому что намъ представляютъ ихъ съ той стороны, съ которой привыкли мы смотрѣть, ощущать, думать, и потому еще, что приближаемъ ихъ къ собственному нашему образу жизни. Писатель, который кажется намъ простымъ, можетъ быть, не казался таковымъ своимъ современникамъ, и самыя вещи не были для него самаго столь просты, какъ намъ представляющіяся шеперь. И такъ каж-

дое впечатлѣніе , производимое надъ нами древнею Поэзіею , весьма неопредѣленно , и подвержено безчисленнымъ условіямъ.

Съ другой стороны , Мольеръ и ла Фоншень у Французовъ , Аріостъ и Тассъ у Италіянцевъ , Шекспиръ у Англичанъ также оплщаются вообще симъ свойствомъ простоты , каковую замѣчаемъ мы у главныхъ Поэтовъ древности. По примѣру сихъ послѣднихъ знаменитѣйшіе изъ новѣйшихъ Поэтовъ въ твореніяхъ своихъ представляють такую свѣжестъ , цвѣстъ и простоту неподражаемую въ выраженіяхъ , что , кажется , они соспавляли ихъ безъ всякаго труда. Существа , вымышленныя ими , являюся въ такой высокой степени правдоподобія и особености , что должно почитать ихъ дѣйствительно существующими , или существовавшими , пошому что удерживають при себѣ весь характеръ и принадлежнсти бытія.

Новѣйшая Поэзія, говоряшь, исполнена излишней чувствительности. Наши Поэты весьма развѣживаются въ изображеніи природы и общесва. Они живописують съ шайнственною роскошью болѣе ощущенія, внушаемая имъ природою, нежели самую природу; они привыкли бышь мечтателями. Греческіе же Поэты имѣли болѣе воображенія: предметы, существующіе въ природѣ, или изобрѣтаемые по сему божественному образцу, дѣяли ихъ непосредственно сами собою, и производили надъ ними глубочайшія впечатлѣнія. Довольно было сильныхъ и живыхъ изображеній при гармонической звучности въ стихахъ, чпобы дѣйствовать на сердце. Нынѣ же пребують, чпобъ предметы заставляли чпателей размышлять. Нынѣ болѣе мысли, нежели картины, дѣйствуютъ надъ нами и восхищаютъ насъ.

Если бы сіе разноложеніе ума было всеобщимъ и доказаннымъ, то безъ сомнѣнія имѣло бы великую важность; оно до-

казало бы, что новѣйшіе не имѣютъ піишическаго воображенія, и что нынѣ Поэты суть только Орапоры, или сухіе Философы. Но сіи општѣнки чувствительности, которыя разливаютъ нѣкоторыя Поэты на природу, и которыя съ давняго времени учинились въ Европѣ всеобщими, не обнаруживаютъ ли болѣе заблужденій, или болѣзни воображенія, или не составляютъ ли какого-нибудь особливаго рода, а не общій характеръ новѣйшей Поэзіи? Испаліянцы, Испанцы, Французы, въ золотый вѣкъ Словесности своей, близко подходили къ Грекамъ и Римлянамъ въ способахъ изображенія природы; они занимались различными предметами, передѣлывали ихъ, давали имъ другіе виды, но не показали сихъ општѣнковъ особливою чувствительности.

Сія нѣжная и мечтательная општѣнка у многихъ новѣйшихъ Поэтовъ происходитъ отъ недоспашка въ живомъ и плодотворномъ воображеніи и истинной чувствительности. Она долженствуетъ слу-

жизнь отличительнымъ характеромъ превосходныхъ душъ тогда, какъ низкая чувствительность и развратъ соопущиваютъ быстрому развитію умовъ. Въ такое время обыкновенно владычествуютъ нужды мучительныя, дорого спующія, опягошительныя; искусственныя произведенія возбуждаютъ желаніе и вкусъ къ упонченности; привязанность къ роскоши и суешности рождаетъ и питаетъ спраси; оспрые умы дѣлаютъ ихъ болѣе дѣятельными, болѣе злыми, болѣе опасными. Вотъ пагубныя слѣдствія превратной образованности! Люди, одаренные обширнымъ геніемъ, глубокою чувствительностію и пылкимъ воображеніемъ, содрогаются отъ слѣдствій сихъ, наблюдаютъ ихъ съ прискорбіемъ, стараются ихъ обличить, и описываютъ ихъ со всеубѣждающимъ краснорѣчіемъ. Если это Поэты, по сообразно характеру, или нравамъ своимъ, изображаютъ угнетающія ихъ чувствованія въ элегіяхъ, или въ сапирахъ. Ихъ негодование, или скорбь тѣмъ сильнѣе, тѣмъ мучительнѣе, что

должны они спрдапъ , не полько какъ свидѣтели пагубныхъ чуждыхъ пороковъ , но пакъ, какъ жершвы, подверженныя всѣмъ невыгодамъ , происшекающимъ опъ непосредственнаго на нихъ влянія настоящей образованности. Чѣмъ болѣе изощренъ разумъ ихъ , и чѣмъ возвышеннѣе ихъ духъ , тѣмъ паче привязаны они къ идеямъ умспвеннаго совершенства , чистѣйшей нравспвенности , совершеннѣйшаго благополучія. Все это сравниваюпъ они съ представляющеюся имъ природой, исполненной споль многихъ несообразностей и недоспапковъ въ дѣйспвительномъ своемъ состояніи. Остроуміе ихъ разсѣваепъ всѣ мечшы , украшающія перниспый путь жизни, показываепъ имъ предметы обнаженными, лишая ихъ прелести , копорая очаровывала съ перваго взгляда. Ихъ разумъ, объемлющій всю обласпъ человѣческихъ познаній , повсюду встрѣчаепъ мучительное сомнѣніе, или непроницаемую тѣму. Ихъ душа, углубленная сама въ себя посреди вещей преходящихъ , не могущихъ удовлетшво-

ришь ей, непрерывно спремится къ безконечному, безсмертному. Наконецъ, сучая въ обществѣ, кидаются они въ объятія природы; живутъ съ нею, ввѣряютъ ей чувствованія свои. Она спановится ихъ другомъ, съ копорымъ раздѣляютъ мрачныя мысли, свои жалобы, сожалѣнія, желанія; она замѣняетъ предпочтительно для нихъ всѣ общества, потому что во всякое время является совершенною во всѣхъ частяхъ своихъ, между тѣмъ, какъ общество кажется только способнымъ къ совершенствованію, и потому всегда несовершенно. Но и самая природа не утѣшаетъ ихъ; и съ природою они сѣшуютъ, если оставишь ихъ благодѣтельное, живошворящее вліяніе Религіи. Въ томъ вѣкѣ, который представляетъ таковыя черпы для воображенія, въ томъ вѣкѣ, въ копоромъ людз лучшаго общества имѣютъ сію мечтательную, задумчивую, мрачную оплѣнку, Поэзія не можетъ сохранишь, ни простоты своей, ни живости; непременно долженъ возникнуть новый родъ Поэзіи и Красно-

рвчія, способный къ высокой изящности, но въ тонѣ и краскахъ своихъ различествующій отъ другаго, который извѣстенъ былъ древнимъ, и который предпочитали они всѣмъ прочимъ.

Однако не надлежитъ такой характеръ въ сочиненіяхъ приписывать всѣмъ новѣйшимъ Поэтамъ; большая часть изъ нихъ совершенно его чужды, и много приближались къ древнимъ. Не должно въ одномъ ряду ставить Аріоста съ Касши, Тасса съ Алфіери; также Шекспира, Мильтона, Дридена сравнивать съ Томсономъ, Юнгомъ, Греемъ, Саважемъ, имѣвшими болѣе, или менѣе сихъ чувствительныхъ отличій. Слогъ Расина и Фенелона не походитъ на слогъ Жанъ-Жака и Шатобриана.

Различіе, существующее между древнею и новою Поэзіею, состоитъ болѣе въ различіи предметовъ, которые обрабатывали ша и другая, нежели въ главныхъ способахъ и тонѣ. Сіе разнообразіе въ предметахъ происходитъ отъ разнообра-

зія нравовъ и общеспвеннаго духа , принадлежавшаго къ обвѣмъ эпохамъ. Со всемъ пѣмъ различіе способовъ и пона существуешъ дѣйствительнѣ. Поспараемъ показати его , какъ можно , яснѣ.

Въ древней Поэзіи находится болѣе натуральнаго ; въ новѣйшей владычеспвешъ идеаль. Въ древней опредѣленныя формы всегда болѣе имѣюшъ совершенства ; и сіе свойство генія древнихъ объясняешъ причину ихъ успѣховъ въ образовательныхъ искусствахъ ; въ новѣйшей обнаруживается болѣе спремленія къ безконечному , высшему ; всемогущее вліяніе Религіи Христіанской на умы можетъ объяснить причину сего событія. Истина стихотворческая разительнѣе у древнихъ ; стихотворческая сила чаще встрѣчается въ новѣйшихъ. Первые жершвовали всѣмъ изящности ; послѣдніе изыскиваюшъ и обожаюшъ высокое.

Слѣдующее замѣчаніе еще болѣе объяснишъ мысль мою. — Есть роды Поэзіи,

въ которыхъ Поэшь забывается и долженъ забыть себя, дабы жить среди міра существъ, изображаемыхъ своею кистью: чѣмъ менѣе онъ выспавляетъ самого себя, тѣмъ пвореніе его удивительнѣе; чѣмъ менѣе видѣнъ, тѣмъ совершеннѣе. Такое движеніе души, которое преселяетъ ее изъ собственнаго состоянія, и которое обращаетъ чувства и воображеніе на предметы внѣшніе, есть главное и самое естественное. Этому движенію предавались лучшіе изъ древнихъ и новыхъ Поэтовъ въ часы истиннаго вдохновенія своего, и оно доводило ихъ до настоящей цѣли. Тогда они особенно опличались въ тѣхъ родахъ Поэзіи, коимъ сей чудесный энтузіазмъ болѣе принадлежитъ, именно: въ Эпическомъ и Драмматическомъ.

Есть другіе роды, въ коихъ Поэшь показываетъ себя, самъ говоритъ, живетъ среди собственныхъ идей и чувствованій; и относитъ все предметы къ впечатлѣнію, болѣе или менѣе глубо-

кому, болѣе или менѣе сильному, которое они надъ нимъ произвели. Сіе движеніе заставляетъ Поэта всегда обращать вниманіе на самого себя, и не позволяеть ему изображать предметы сполночно, какъ представляющіяся они въ зеркалѣ. Тогда вымышленныя, или собранныя чрезъ наблюденіе каршины суть только средства, или случай для него изображать и развивать собственныя свои идеи и чувствованія.

Многіе изъ новѣйшихъ Поэтовъ избирали сію точку зрѣнія, и успѣвали превосходнѣйшимъ образомъ въ родахъ Поэзіи Лирической, Элегической и Дидактической ибо симъ родамъ сочиненій весьма благоприятствуетъ такой взглядъ на предметы. Въ поприщѣ ума человѣческаго одинъ родъ долженъ предшествовать другому. Младенецъ начинаетъ показывать дѣятельность свою въ отношеніи къ внѣшнимъ предметамъ; и цѣлыя народы, въ ихъ младенчествѣ, болѣе склонялись къ внѣшнимъ предметамъ природы и обще-

ства. Въ совершенномъ возрастѣ человекъ обращаетъ вниманіе на самого себя; и государства, приходившія въ зрѣлость, или состарѣвшіяся, всегда непремѣнно устремляли болѣе вниманія на таинственный міръ мыслей и чувствованій. Поэтому обладаетъ симъ характеромъ Виргилій болѣе Гомера, Еврипидъ болѣе Эсхила, Тассъ болѣе Аріоста и Волперъ болѣе Расина. Щаслива та эпоха, въ которой соединяются оба сіи средства, въ которой чистѣйшій идеаль и изящнѣйшая природа способствуютъ взаимному совершенствованію.

Нашъ вѣкъ не подаетъ большой надежды въ разсужденіи сего предмета. Не много вѣковъ, менѣе его Пиндическихъ; и это самое объясняетъ, можетъ быть, неуспѣхъ его и бѣдствія. Когда на большомъ театрѣ свѣта политическаго не присутствуетъ дѣятельная Поэзія!; тогда упадаетъ и театръ Стихотворцевъ: онъ представляетъ однѣ только чудовищныя трагедіи, или ку-

кольные фарсы. Сія - то самая дѣяшельная Поэзія, опличающая всѣхъ великихъ Мужей, дышущая въ необыкновенномъ ходѣ и силѣ ихъ подвиговъ, представляеть міру очаровательное и высокое зрѣлище. Въ чемъ заключается сущность выпренней Поэзіи, на томъ же ушверждаются великіе Характеры, владычествующіе надъ человѣками: это царство идей, или идеаль. Какъ артисты, одаренные геніемъ, выражаютъ идею начертаніями вѣрными и въ видахъ чувственныхъ, такъ великіе характеры идею свою живопворяютъ въ своихъ подвигахъ, даютъ имъ занимательность стихопворную, и поддерживаютъ жизнь и движеніе нравственнаго міра. Лишенный дара, чувствовашъ прелести искусствъ и Поэзіи, никогда не доставитъ жизни своей истиннаго величія, съ какимъ бы благоразуміемъ и оспорожностію ни проводилъ ее. Жизнь его будетъ имѣть не болѣе достоинства, какъ картина Жерарда Довва, — достоинства обыкновенной природы; и такой Мужъ въ очахъ потомства останется обыкновен-

нымъ человѣкомъ. Но, къ счастью человѣческаго рода, даже въ самые тѣ періоды, въ копорые Испорія, еспьли смѣю такъ сказать, представляеть обширныя и ужасныя пусыни, встрѣчаемъ мы по временамъ великіе и сильныя характеры, чиспыя и высокія души, копорыя живутъ не для самихъ себя и не для личныхъ своихъ выгодъ, и копорыя возносились въ полетѣ своемъ прывыше развалинъ своего времени: такъ, пребывая всегда величественными и гордыми, столпы Пальмиры, вздымають главы свои среди пусыней Сирекихъ.

Съ Францус. Георг ѳ.

УДОВОЛЬСТВІЕ, ОЩУЩАЕМОЕ ПРИ ВОЗЗРѢНІИ НА ГРОБНИЦЫ.

Изъ всѣхъ памятниковъ, намъ извѣстныхъ, не одни столь сильно не дѣйствуютъ на наши чувства и воображеніе, какъ гробницы надъ умершими, и особенно надъ родственниками нашими. — Доспойно примѣчанія то, что у всѣхъ народовъ дикихъ, и даже у большей части просвѣщенныхъ, гробницы предковъ служили всегда мѣстомъ собраній, гдѣ приносили они сердечныя жертвы своего богопочитанія, и гдѣ онаправлялась существенная часть ихъ религіи. — Такой благоговѣйной почести лишены были покомощцы, которые жестокостію воспитанія заставили дѣтей своихъ себя ненавидѣть, и пренебрегли почтенные обычаи своихъ предковъ; впрочемъ сіе печальное и святое обыкновеніе царствуетъ повсюду. Въ Китаѣ гробницы предковъ суть первыя украшенія долинъ, сель и

предмѣстій городовъ. — Онѣ бываютьъ крѣпчайшими узами, привязывающими народы дикіе къ ихъ опчизнѣ. Когда Европейцы предлагали имъ перемѣнить мѣсто своего жилища, по они всегда отвѣщивали: — „Возможемъ ли мы оказать кочиямъ опцовъ нашихъ: воспаньте, и слѣдуйте за нами въ землю чуждую?“ И сіе возраженіе было всегда неопровергаемымъ. Гробницы даровали геніямъ Юнга и Грессета каршины, исполненныя неподражаемыхъ прелестей. Наши Сапрапы, копорымъ иногда случалось возвращаться къ забытой мапери своей, природѣ, созидали для виду надгробные памяшники въ садахъ своихъ. Конечно, это не суть памяшники надгробные ихъ родспвенниковъ. Но какимъ же образомъ, среди роскоши, бурныхъ удовольспвій могло родиться въ нихъ сіе сладостное чувство помной и нѣжной меланхоліи? Не существуетъ ли что - нибудь особенное во глубинѣ души нашей? Не остается ли чего драгоцѣннѣйшаго для насъ и послѣ самой смерти? Еспьли

Ж 2

гробница не возбуждаетъ мысли ни о чемъ другомъ, кромѣ того, что она заключаешь н. е. трупъ; тогда одинъ видъ сей возмутилъ бы токмо воображеніе. — При томъ мы всё сколько спрашимся смерти! И такъ должно, чтобы къ сей естественной мысли присоединялось какое-нибудь чувство нравственное. Это есть сладостная задумчивость, обворожительное мечтаніе, которое рождается, подобно всемъ прелестнымъ ощущеніямъ, изъ согласія двухъ противоположныхъ началъ, — изъ чувства нашего быстро проходящаго существованія и изъ чувства нашего безсмертія; сіи чувствованія сливаются при возрѣніи на послѣднее жилище человѣковъ: гробница есть памятникъ, сооруженный на предѣлахъ двухъ міровъ.

Она указываетъ конецъ мучительнымъ суешамъ жизни, и вдали представляетъ изображеніе вѣчнаго покоя; она возбуждаетъ въ сердцѣ непонятное предчувствіе блаженнаго безсмертія, въ коемъ увѣренность увеличивается въ насъ по мѣрѣ,

какъ богаша совѣспь воспоминаніями добрыхъ дѣлъ нашихъ. На семь-по чувствѣ основывается почитаніе къ гробницамъ. И сіе споль истинно, что, хопя нѣспь никакого различія между прахомъ Сократа и Нерона; но никпо не захочешь прахъ Римскаго Императора помѣспить въ садѣ своемъ, хопя бы онъ сокрышъ былъ въ урнѣ, изваянной изъ лапа, и всякой, напрошивъ пожелаешь украсишъ почепнѣйшее мѣспо въ своемъ обшпалищѣ оспанками Философа, хопя бы сосудъ, заключающій ихъ, слѣ- пленъ былъ изъ самой проспой глины.

И такъ душевная привязанность къ добродѣтели раждаетъ въ насъ споль сильное и живое благоговѣніе къ гробницамъ великихъ людей. Она же дѣйствительнo возбуждаешъ сію сладостное уныніе при воззрѣніи на памятники, сокрывающіе прахъ любезнѣйшихъ предметовъ нашего сердца; ибо какъ скоро мы ихъ вспрѣ- чаемъ, любовь къ добродѣтели потчасъ влечешъ насъ къ нимъ, какъ къ алшарямъ,

посвященнымъ ей признапельнымъ чело-
 вѣчествомъ. Почему чувствуемъ мы
 помление, смотря на аршинъ земли, со-
 крывающей прахъ милого младенца? Мы
 воспоминаемъ о дѣтской его невинности!
 Почему съ горестнымъ участіемъ взира-
 емъ на гробъ, подъ коимъ покоится молодая
 женщина, любовь и надежда семьи сво-
 ей? — Она была добродѣтельна! Достоин-
 ство памятникъ не соспоишь ни въ мраморѣ,
 ни въ бронзѣ, ни въ золотѣ; чѣмъ
 проспѣе они, тѣмъ болѣе придають си-
 лы чувству меланхолическому. И въ са-
 момъ дѣлѣ впечатлѣніе, возбуждаемое
 гробницами бѣдными, сильнѣе всегда, не-
 жели тѣ, кои чувствуемъ мы при воз-
 зрѣніи на богатыхъ; вѣщія дѣйствуютъ
 сильнѣе, нежели новыя; напоминающія не-
 щастіе болѣе, нежели предспавляющія
 пышныя шипла; являющія скромную доб-
 родѣтель болѣе, нежели могущество. —
 Особенно въ деревняхъ, онѣ поражаютъ
 наше сердце. Проспая могила часпо ис-
 торгаетъ сладкія слезы; а предъ величе-

снвенными кашафалками мы бываемъ хладны, какъ мраморъ (*): Тамъ гореспь спановипся возвыщенною; она спарфепся съ древними поподами, осфняющими

(*) Художники, изсвкая при гробницахъ мраморныя спашуи, предспавляютъ ихъ плачуцими. — Безъ сомнвнiя надобно заспавишь плакашь спашую, когда не о чемъ съшовашь людямъ. Я часпо видѣлъ погребенiе богачей, но рѣдко замѣчалъ слезы; развѣ иногда проливалъ ихъ спарой доброй слуга, оспашуи послѣ господина своего безъ пропишанiя. Недавно, проходя мимо одного жилища, примѣшилъ я гробъ, и при немъ на колѣняхъ споящую женщину, молящуюся съ подъяпыми вверхъ руками, и разсперзанную гореспiю. Когда эша женщина увидѣла приближающихся церковныхъ служишелей для выноса шѣла, вскочила, закрыла лицо обѣими руками, побѣжала, и жалобные ея крики разносились по улицѣ. Сосѣди хощѣли оспашовишь ее, вѣрояшно для шого, чшобъ подашь ущѣшенiе; — но эшо было шщешно; — она бѣжала мимо меня. — Конечно вы пошеряли дочь или мащъ, спросилъ я у ней? Ахъ, сударь, я пошеряла благодѣшельницу, кошорая возврашила мнѣ жизнь, и

кладбище; она распростирается съ долинами и холмами, она рондншя со всѣми явленіями природы, плачетъ съ рожденіемъ ушра, воешь съ шумомъ вѣспровъ, унываетъ съ захожденіемъ солнца, поскуешъ во мракахъ ночи. Труды самыя тяжкіе, участь бѣдственная, ничто не въ силахъ погаситъ сего чувства въ сердцахъ наиболѣе угнетенныхъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, по словамъ Гна. дю Терпръ, одинъ Негръ, лишенный доброй жены, каждой день пощчасъ, по возвращеніи съ работы, бралъ малютокъ своихъ, сына и дочь, и приносилъ ихъ на ея могилу, гдѣ онъ предъ ними плакалъ, и малюшки, подражая ему, плакали съ нимъ вмѣстѣ, Какая

она хотѣла еще что-то выговорить, но рыданіе помѣшало ей; она скрылась. Я спросилъ у сосѣдей покойницы, кто такая была ея благодѣтельница. Жена бѣднаго споляра, отвѣчали мнѣ. Богачи! какое употребленіе дѣлаете вы изъ богатствъ своихъ во время жизни? и кто поплачетъ объ васъ по смерти?

надгробная хвала для супруги и мапери!
Кшожь это была? — Бѣдная невольница!

Слривѣ.

V.

ВОЗДУШНЫЯ ГРОБНИЦЫ.

Пробудилась юная мапъ, и въ пустынь, озлащенной упромъ, ищетъ взорами дерева, на вѣтвяхъ котораго могла бы она возложитъ умершаго сына. Она избрала багряно-цвѣтныи клень, украшенный гирляндами апюса, издающаго цѣлительныя благовонія. Одною рукою пригибаетъ она ближайшія вѣтви; другою полагаетъ на нихъ шѣло дыпящи своего; опускаетъ вѣтвь, и она возвращается въ обыкновенное свое положеніе, унося съ собою добычу невинную, сокрытую въ листьяхъ благоуханныхъ! — О, koliko чувствительно сіе обыкновеніе Индѣйцовъ! Въ ихъ воздушныхъ гробницахъ шѣла сіи, проникнушыя сущеспвомъ эфирнымъ, погружены въ злачной зелени и цвѣтахъ, освѣжаемыя росою,

напишанныя благовоніями вѣшперковъ, и ими
 колыхаемыя, лежащія на шой вѣшви, гдѣ
 соловей свилъ гнѣздо свое, и воспѣваетъ
 пѣснь унылую; шѣла, пакъ погребенныя,
 говорю, не предспавляюшъ ничего мрачна-
 го, соединяющагося съ обыкновенными по-
 хоронами. Но естли это прахъ юной дѣвы,
 кошорой рука любезнаго положила на дре-
 во смерти; естли это оспанки милаго
 младенца, упокоеннаго рукою мапери въ
 жилищѣ невинныхъ пернашыхъ: прелестъ
 несравненная! — Древо Американское!
 ты возносишь шѣла сіи на вѣшвіяхъ сво-
 ихъ, и удаляешь ихъ ошъ юдоли земной,
 приближая къ обипалицу Всевышняго!
 Я въ воспоргѣ оспанавливаюсь подъ шво-
 ею шѣнію. Въ высокой Аллегоріи ты
 являешь мѣ древо добродѣтели; — кор-
 ни швои произраспаюшъ во прахѣ міра
 сего; вершина швоя шеряется въ звѣздахъ
 свода небеснаго; швои вѣшви естъ лѣсп-
 вица, по коей человѣкъ, спранникъ на зе-
 млѣ сей, доспигаетъ до неба!

Сирнѣв.

VI.

ПОСЛАНИЕ

къ Д. А. Остафьеву (*).

*Semper ego auditor tantum, nunquamne geronam?**Juvenal.*

Остафьевъ! какъ давно съ побою я
разспался!

Въ свободѣ, въ тишинѣ ты украшалъ свой
кругъ;

Ты былъ у приспани, въ спокойствіи, мой
другъ!

А я? — рабъ случая, я спранникъ, я скипался!...
Въ Петрополѣ, въ Москвѣ, попеременно жилъ,
Собраній, клововъ члень, — какъ будто свѣ-
ту нужной, —

Казался иногда въ толпѣ, всегда досужной,
И богу праздности повременно служилъ.

Нерѣдко долженъ былъ, какъ гражданинъ по-
корной,

Обряду жертвовать свободой, престопоной;
Опъ цѣли уклонясь природы благошворной,
Покоя не щадишь, спремишься — за мечлой!...

(*) Сіе посланіе напечатано было въ 1812мѣ году; ше-
перь сдѣланы въ немъ нѣкоторыя перемѣны.

Твой подвигъ совершенъ. Подъ сель-
 скимъ, мирнымъ кровомъ,
 Съ покойной совѣстью, всегда въ весельѣ
 новомъ,
 Природы вѣрной сынъ, ты тихо дни ведешь;
 Съ людьми не ссоришься: довольный самъ
 собою,
 Ты не завидуешь возвышеннымъ судьбою,
 И за толпой во слѣдъ съ покорностью ней-
 дешь;
 Знакомства съ дуракомъ ты честию не-
 счищаешь;
 Не созываешь въ домъ сіятельныхъ невѣждъ;
 О ссорахъ Авторскихъ лишь по журналамъ
 знаешь; —
 Пустыхъ желаній нѣтъ, и нѣтъ пустыхъ
 надеждъ!
 Какъ щасливъ жребій твой! Умѣреннымъ
 довольной,
 Не ищешь почести, сей скуки добровольной,
 Ни блеска ложнаго, ни суешныхъ похвалъ.
 Примѣрами другихъ ты истину позналъ:
 Что почестъ безъ заслугъ, не чистъ — а
 посрамленье;
 Что прусость — воинамъ, приспращіе —
 судьямъ,
 Ученымъ — споръ въ словахъ, лестъ низкая —
 пѣвцамъ,

Не могушь славы дасть; даюшь лишь *возвы-*
шенье! . . .

Смысль испинный сихъ словъ умѣя раз-
личашь ,

Къ невѣждамъ - гордецамъ не ѣдишь, умно-
жашь

Ты сборъ прислужниковъ и низкихъ, и пре-
зрѣнныхъ ;

Покойный домосѣдъ , безъ замысловъ над-
менныхъ ,

Не знаешь , что они супъ мудрые пворцы
Сиспемь неслыханныхъ ! они пворцы за-
коновъ !

Они Опчизны щипъ ! они опора проновъ ;
Такъ барскіе друзья, наемные льспецы,
Такъ ихъ прапезники вседневно величаютъ ;—
Мы слушаемъ *все* должны ; — а въ *Инкинѣ* (*)
у васъ

Невѣждъ *невѣждами* свободно называюшь . —
На Волжскихъ берегахъ не знаютъ, какъ у насъ
Здѣсь внучекъ бабушкинъ и дядюшкинъ пле-
мянникъ ,

Лишь Руской именею, лишь званьемъ Дворя-
нинъ ,

Французской ученикъ , въ судилищѣ посад-
никъ ,

(*) Селеніе Д. А. Остафьева, въ Нижегородской Губерніи.

Вершишь дѣла гражданъ, какъ чуждой граж-
данинъ! —

Безпечна жизнь своя. Поешь на стройной
лирѣ

И дружбу нѣжную, и сельски красоты;
То пишешь кистію любимыя черны (*).

Чего желаешь себѣ? Твой *міръ* — въ своей
Темирѣ!

А здѣсь? — вельможъ соборъ . . . Не видишь
у крыльца,

Какъ *Вавію* поэтъ спишки свои подносишь;
Не видишь томнаго и блѣднаго лица,
Съ какимъ смиренно онъ себѣ мѣстечка про-
сидишь; —

Не слышишь, ты, какъ здѣсь, съ нахмурен-
нымъ челомъ,

Иныя мапушки другъ друга упрекають,
Иль, въ зависти, судьбы жестокость про-
каминають,

Что мало жениховъ, — а дочекъ полноу домъ,
Которы съ дѣлскихъ лѣтъ *все* наизустъ чи-
пали,

И скоро просвѣщаясь, *всѣмъ* нравишься же-
лала

„Къ чему покоя мнѣ, ни денегъ не щадишь?

„Къ чему я дочерей всему — *всему* учила? —

(*) Д. А. О. занимается Стихотвореніемъ и Живо-
писью.

Такъ здѣсь *Бранчивова* однажды говорила :
 „Издержекъ мнѣ своихъ никакъ не возвра-
 шить ;
 „Учила панцовать : — не въ модѣ панцо-
 ванье !
 „Учила языкамъ, какимъ лишь захопять ; —
 „А нынѣ Рускіе по Руски говорятъ !
 „Напрасны всѣ шруды ! не нужно воспи-
 шанье !
 „Вѣкъ Философіи , вѣкъ мудрости наспадъ :
 „Романы пишутъ пошъ , пошъ издають
 Журналь ;
 „Зимой собираются въ ученые бесѣды ;
 „Съ весны живутъ въ лѣсахъ , готовятъ
 памъ списхи ;
 „Бульваръ осиропѣлъ , въ саду одни сосѣды ;
 „Гдѣжь дочерямъ моимъ достойны женихи ?“ —
 Такъ бѣдная кляла свою несчастну долю,
 Какъ будто дали ей родительскую волю
 На то , чтобы дѣшей невинныхъ застав-
 лять ,
 Опъ самыхъ юныхъ дней жить вопреки при-
 родѣ ,
 По модѣ дѣйствовать и чувствовать по
 модѣ ;
 Чтобы заглушать въ нихъ смыслъ , и даже
 умерщвлять
 Обрядомъ , обыкомъ , всечаснымъ пруж-
 деньемъ

Въ нихъ чувства высшя — удѣль цвѣтущихъ лѣтъ, —
 Незамѣняемый, ни мнимымъ возвышенемъ,
 Ни блескомъ, въ коемъ блажь для сердца
 вѣрныхъ нѣтъ.

Рабы ничтожные молвы, предразсужденья!
 Ихъ жизнь, мой другъ, не жизнь, а цѣлый
 вѣкъ забвенья!

— И такъ рѣшился я безъ лестни говорить.
 Знашь панцы, языки не знакъ образованья;
 Но чувства, нравъ и умъ — вопъ цѣли
 воспитанья!

Лишь сердцемъ можемъ мы путь къ счастью
 находить.

Не слишкомъ золота, награда дѣль случайныхъ,
 ,

Не ткани дивныя, прелестнѣйшій уборъ,
 Не нити крупныхъ перлъ, сборъ камней
 чрезвычайныхъ, —

Не украшеній сихъ искусственныхъ соборъ, —
 Не поспуль гордая, не къ бѣдности пре-
 зрѣнье;

Но скромность, здравый умъ, въ поспуль-
 кахъ простота,

Любезность, тихой нравъ: — вопъ жен-
 щинъ украшенье!

Безъ нихъ весь блескъ ничто — ничто и
 красота!

Мой другъ! не слышишь ты, какъ много
 да на балахъ
 Здѣсь юные пшеницы, недавно съ помочей,
 Въ нарядѣ шушовскомъ, при налипыхъ ба-
 калахъ,
 Цѣнятъ правленіе, достоинства людей;
 Какъ *Валдусь* здѣсь иной, толпою окру-
 женной,
 Въ неистовомъ жару законъ, судьбу кля-
 нешь,
 Лорнепомъ, какъ жезломъ, рѣшивъ судьбу
 вселенной,
 И будущимъ вѣкамъ событія даетъ,
 И всѣ съ почтеніемъ Орапору внимають;—
 „Вопь умъ! вопь рѣдкой дарь!“ съ воспор-
 гомъ восклицають. —
 Се наши мудрецы; ученье важно ихъ! —
 Полиптикъ! Философъ! не будьте слишкомъ
 спроги!
 Ученье ихъ — читають газеты, каталоги,
 И знаютъ по именамъ писателей иныхъ. —
 Ахъ! способъ умнымъ слыть тѣмъ лучше,
 чѣмъ простѣе;
 А кто изъ дураковъ въ друзья не находилъ
 Другаго дурака — себя еще глупѣе,
 И славнымъ мудрецомъ по дружбѣ не про-
 слылъ?

Ахъ, естъялибъ видѣльшы Парнасса воз-
мущенье!

Большая, сильна рать Славянъ, Анписла-
вянъ! —

Тамъ нѣжный паспушокъ, здѣсь древній
Россъ, Боянъ: —

Во храмѣ чистыхъ дѣвъ ужасно ополченье!
Одинъ *все Руское* возноситъ, *все свое*;
Топъ *чужеземное* всему предпочипаешъ;
Другой, Бардъ Сѣвера, надменно такъ взы-
ваешъ:

„Никто пропивъ меня! се мнѣнїе мое!“
Еъ словесности у насъ большая перемѣна!
Поэмы // оды здѣсь безъ чувства, безъ спи-
ховъ;

Тамъ плачешъ Талїя, смѣешся Мельпомена;
Здѣсь въ басняхъ смыслу нѣтъ, въ элегї-
яхъ — сборъ словъ;

Въ посланьяхъ . . . но къ чему? Нѣтъ нуж-
ды! все чипаюшъ. . . .

И пошъ славнѣ всѣхъ, кого не понимаюшъ. —
Какой щаспливой вѣкъ! и какъ легко пи-
сать!

Бумага лишь нужна, наборщикъ и — печать. . .
— Иные съ дѣтскихъ лѣтъ рѣшились бытъ
пѣвцами,

Слагашъ прагедїи, поэмы соспавляшъ,

И въ одахъ праздничныхъ парить подъ
 облаками;
 Ихъ даръ: не славно лѣтъ, но трудъ
 свой прославлять!
 На что имъ опыты, и вкусъ, и прилѣжанье?
 Имъ безъ того сулять безсмертіе друзья.
 Вельможъ хвала — ихъ щипъ; размѣръ спи-
 ховъ — ихъ знанье;
 Ихъ цѣль невинная — сказать: *Поэтъ и я!*
 — А памъ Славяно-Россъ, какъ левъ осви-
 рѣпѣвшій,
 И правила, и вкусъ, и даже, смыслъ презрѣв-
 шій,
 Какъ будто уславщикъ, даетъ уставъ
 пѣвцамъ,
 Бранишь ихъ, сердился, кричишь на нихъ —
 а самъ — —
 Сей *корнесловія* премудрый поучитель,
 Рѣчей торжественныхъ жестокой сочи-
 пель,
 Всѣ тайны мудрости открывшій въ букварѣ,
 Лишь изказилъ слова въ Россійскомъ Сло-
 варѣ,
 И, сколько Филологъ, Орапоръ сей надменной,
 О пѣснопѣніи Славянскомъ ни писалъ;
 Но испинной красы Поэзіи священной
 Онъ, вкуса не имѣвъ, случайно не узналъ. —

А здѣсь другой, поэшь и прозаистъ слез-
 ливой,
 Печальной Журналистъ, къ несчастью пер-
 пѣливой,
 Парнасской сирота, вздыхая каждый часъ
 Опъ горестей любви, опъ жалкихъ вспо-
 минаній,
 Испрашилъ наконецъ, и слезъ, и восклицаній
 Имъ въ прежнемъ спранспвиіи накопленный
 запасъ;
 Но путешествованіе съ душой, всегда унылой,
 Чипашелямъ къ бѣдѣ, изволилъ вновь скон-
 чашъ,
 И на поляхъ родныхъ съ терпѣньемъ, съ
 новой силой
 Онъ снова принялся, и плакать, и лисать.—
 Иные въ скопищахъ, всеобщими прудами,
 Опъ скуки, *всѣхъ* браняшъ и прозой, и
 стихами; —
 Какіе подвиги! удары шѣмъ нанесъ,
 Которые и брань себѣ вмѣняюшъ въ честь!
 Спремисься — на невѣждъ и, такъ сказашъ,
 завѣшныхъ,
 Ученыхъ безъ наукъ, поэшовъ безонвѣшт-
 ныхъ!
 Сапиры, пасквили шамъ лющся, какъ рѣкой;
 Новъ шомъ Словесности нѣтъ пользы ни-
 какой.

Въ однихъ приспрасіе, въ другихъ ожесточенье,
 Въ тѣхъ завись, въ помъ корысть, въ тѣхъ
 духа униженье,
 Въ иныхъ . . . но милый другъ! ихъ жребій — въ Лепу плышь! —
 Бранишься всѣмъ легко, полезнымъ прудно
 бышь.

Поэзія! пы даръ, намъ небомъ вдохновенной!
 Тебя-ль упопреляшь возлопитомцамъ Музъ?
 На поль внушеніе фанпазіи священной,
 Чпобъ разрывашь свяшой намъ дружеспва союзъ?
 Поэзія должна бышь жизни усладеньемъ,
 Въ насъ нѣжишь чувства, вкусъ, умъ съ сердцемъ соглашаешь;
 Должна злапишь мечпы, бышь въ скорби утѣшеньемъ,
 Длипъ юность нашихъ дней и душу возвышаешь! . . .
 Гдѣ бранные стихи *Вранчивова*? — Забышы. —
 Гдѣ дерзкой *Пустословъ*, всеобщій врагъ открыпый?
 Ахъ! Лепа глубока — до времени поепъ. . . .
 Но геній испинный въ попомспвѣ не умреть.

О мой почтенный друг! о другъ святой
 свободы,
 Поэзіи, наукъ и нѣжный другъ природы!
 Я многое бы могъ еще пересказать:
 И слепни старыхъ дѣвъ, и юныхъ дѣвъ
 ропшанье. . . .

Довольно! — не хочу я духъ пвой возмущать;
 Но еспьли я пвое на шумной свѣпъ вни-
 манье

Разказомъ искреннимъ невольню умень-
 шиль,
 А, можетъ бытъ, инымъ невольню доса-
 диль:

Не сѣшуй на меня; — я упомилъ шер-
 пѣнье,
 Забылъ разщепы всѣ, и презривъ ложно
 мнѣнье,
 Рѣшился сердцемъ я съ тобою говорить; —
 А правду говоря, я могъ ли все хвалишь? —

Живи же, милой другъ! какъ гражданинъ
 полезной,

И правою стезей до цѣли достигай . . .

Прекрасное — хвали, *дурное* — презирай,
 И щастливъ будь всегда въ семьѣ своей
 любезной; —

Да сохраняяшь тебѣ и Муромски лѣса,
 И Волги, и Оки слянная краса,

И въ утро ясное часы уединенья,
 Опъ славы суетной — душевнаго томленья!
 Не льспись, мой доброй другъ, народною
 молвой.

Мы всѣ уравнины — доскою гробовой:
 И мирной селянинъ, и мира повелитель,
 Пустыяникъ въ шалашъ, роскошной Сиба-
 рипъ,
 И рапникъ рядовой, и рапи предводитель: —
 Всѣмъ неминуемъ путь ко гробу предле-
 жипъ!

Оспафьевъ, руку дай! среди мірскихъ
 волненій
 Да жизни скользкій путь достойно перей-
 демъ!
 Не будемъ жертвою минутныхъ обольще-
 ній —
 Да щастіе въ себѣ и въ дружествѣ найдемъ!

В. Филимоновъ

VII.

О Ж И Д А Н И Е Л Ю Б Е З Н А Г О .

Гдѣ ты? — въ какой землѣ? — въ какихъ
 странахъ безвѣстныхъ,
 Не раздѣляемый навѣкъ съ моей душой? —
 Гдѣ ты, мечпаній богъ и помныхъ, и пре-
 лесныхъ,
 Всегда присущивенный, но, ахъ! не зри-
 мый мной!

*

Напрасно спрасна мысль во слѣдъ пе-
 бѣ спремился,
 Желаній на крылахъ лепишь изъ града въ
 градъ ;
 Ахъ, сердце прелетно напрасно суетился,
 Опгадывашь въ мечпахъ швой радостной
 возврашь.

*

Неперпѣливая, спараюсь я напрасно
 Услышашь, гдѣ мой другъ, куда послашь
 мой вздохъ.
 Такъ спранникъ въ пмѣ лѣсовъ, въ часъ
 вечера ненастной,
 Дорогу поперявь, на влажный падшій мохъ,

●

Внимательной свой слухъ на каждой шумъ
 склоняешь;
 Въ малѣйшемъ шорохѣ мнишь, друга онъ у-
 знашь,
 И всякой свѣтъ вдали вождя ему являетъ;—
 Но мигъ, — и свѣтъ угасъ, и шума не слы-
 хашь!

Все глухо, вѣспи нѣтъ! — и все покрыпо
 шмою;
 Опчаянной душѣ все: — чуждый, мерзвый
 видъ!
 И пламенникъ любви не свѣспишь предо
 мною;
 И лучъ надежды мнѣ спези не озарить! —

Опдайте мнѣ его, о боги моря, неба,
 О роци и поля! опдайте мнѣ его!
 Весна прелестная, дщерь пламеннаго Феба!
 Приди, и возврапи полсердца моего!

Зефиры кропкіе! хопъ разъ объ немъ шеп-
 ните!
 Носишесь передъ нимъ, и ускоряйте пущь! —

Умершимъ въ поляхъ вновь жизнь и цвѣтъ
дарите :
Ахъ! влейте жизнь въ мою опчаянную грудь!...

Амуръ, всеильный богъ! къ тебѣ, къ тебѣ
взываю!
Найди жестокаго, и власть свою яви!
Влей въ духъ его поску, коюрой я спра-
даю!
Дай чувствовать ему помненіа любви!

Разторгни всѣ его держащія препоны!
Плѣни его, влечи, дай крылья ты свои,
Дай нѣжность, нѣжности забывшему за-
коны,
И возврати опять мнѣ радости мои! —

Мрзлив.

VIII.

ДУНЯ.

(БЫЛЬ.)

У рѣки сидя Дуня плакала,

И рыдаючи говорила такъ :

„Безталанная ! что за жизнь пволя ?

„Всѣ прошли мои дни веселые !

„Налепѣли вдругъ бури грозныя ,

„И развѣяли радость щаспія !

„Красота моя ! . . . плащя цвѣтныя ,

„Вы къ чему теперь мнѣ оспалися ?

„Для кого теперь покажашься мнѣ ?

„Для кого теперь нарядишья мнѣ ?

„Я одна , одна на бѣломъ свѣшю :

„Кто мнѣ дорогъ былъ , шѣмъ покинула !

„Но забывшая злымъ измѣнникомъ ,

„Я умѣю-ли разлюбить его ?

„Я съ любовію не распалася ;

„Разлучилася лишь съ надеждою.

„Засыхай же ты , мурава - права ,

„Вы поблекните , цвѣшны алые ,

„Переспаньте пѣшь милы пшашечки ;

„При безгодѣ намъ ни въ чемъ нужды нѣшь !

„А ты , рѣченька , рѣчка быспрая !

„Во спруяхъ своихъ попопи меня ! . . .

„Жить ли мнѣ еще и въ бечеспіи ?“ . . . —

Такъ промолвивши Дуня бѣдная,
 Во струяхъ рѣки жизнь окончила. —
 И злодѣй ея, прежній милый другъ,
 Былъ ли щаспливымъ, погубивъ ее? —
 Онъ во цвѣтѣ лѣтъ весь изсохъ, поблекъ,
 Во безчестіи самъ во гробъ пошелъ! — —

М — р — вь.

Съ береговъ Дона.
 1815. Октябрь.

IX.

Г. Н. Н. Т — ой.

(Въ день ея рожденія).

Какимъ бы подаркомъ мнѣ Лилу дарить!
 Чѣмъ, другъ мой любезный! твой праздникъ
 почтить?
 Не знаю! горюю! что будетъ со мною? —
 Я бѣденъ, мой ангель! во всемъ предъ по-
 нобою!

Нѣтъ камней драгихъ,
 Вещей золотыхъ! —
 Одной простою,
 Съ надеждой — мечшою

И кляпвой любишь,
Могу-ль услужишь?

Могу ли и лирой я славишь прекрасных? —
Но вопшь ушѣшенье! — коль въ чувспвахъ
сихъ спраспныхъ,
Бышь можешъ, подарокъ изрядный найдешъ,
Бышь можешъ, опраду миѣ въ душу вольешъ?—

Тогда несравненной,
Во всемъ совершенной
Въ *придачу* смѣлуй
Я сердце съ душой
Навѣчно съ собою
Скрѣплю за побою!

Навѣчно, навѣчно тебѣ подарю
Ту душу, которой къ тебѣ же горю,
То сердце, въ которомъ ты щаспья пред-
метомъ,
Любовью и жизнью, и радостью — свѣпомъ.
Съ береговъ Дона.

1815. Октябрь.

X.

Д. Н. Гл. — ву.

(По случаю его дружескихъ упрековъ и разговора на щель моего уединенія.)

Г — въ, милой, другъ сердечной,
 Будь со мной согласенъ.
 Въ жизни нашей скоропечной
 Всякой шагъ опасенъ.
 Лишь примѣнишь признакъ щасья,
 Туть и жди разрыва;
 Бури, грозныя ненастья
 Съ рѣзкаго порыва
 Пошмякнѣт надежды радость,
 Всю ее развѣюшь;
 Огорчатъ упѣхи сладость,
 Грусть одну посѣюшь!

Ревность съ дружбою знакома,
 Также какъ съ любовью;
 Вдругъ въ разлукѣ — ревность дома
 Съ чувствомъ по условью,
 Шепчетъ на ухо — къ случаю:
 „Ты забышь всѣмъ свѣтомъ!
 „Скоро будешь, знаю, знаю,
 „Бѣдъ однѣхъ предметомъ!

„Скоро, скоро злая скука
 „Вся шебъ забава!“... —
 Тугъ невольно сердца мука,
 Любая оправа,
 Породивши подозрѣнны,
 Обращаетъ нѣжностъ
 Чрезъ поскливыя сомнѣнны
 Часто и въ *невѣрностъ!*

*

Я живу въ глуши далекой;
 Тыжъ въ привольѣ свѣтскомъ,
 Съ мыслью легкой, не глубокой
 Въ сердцѣ молодецкомъ,
 Тамъ и сямъ, мой другъ, порхаешь
 ласпочкой - косачкой,
 Все голубишь, что желаешь,
 Сладкою привадкой!
 Въ семь разсѣяныи пріятномъ
 Память и о другѣ
 На пущи пвоемъ преврапномъ
 Сгибнетъ въ шумномъ кругѣ... .

*

Вотъ причина уреканья
 И моихъ сомнѣній! — . . .
 Но пвои при мнѣ посланья (*); —

(*) Въ сію минушу я получилъ при извѣстія отъ
 любезнаго друга.

Нѣтъ и подозрѣній!
 Я съ повинной головою
 Всѣмъ тебѣ клянуся,
 Что навѣкъ, мой другъ! съ тобою
 Ужъ не раздружуся!
 Въ щасть - ль, въ бѣдномъ ли приютѣ
 Дружба: помощь — сила!
 Съ нею радость не въ минуть,
 Въ томъ порукой *Лила!*
Лила! къ слову! признаюся,
 Свѣтъ мой несравненной!
 Естли ея я клянуся,
Клятву чпи священной!
 Для нее уединенье
 Предпочель я шуму!
 Въ тишинѣ мнѣ восхищенье,
 Думаешь сладку думу,
 Пѣшь для *Лилы*, — называешься
 Лишь пѣвцемъ *прекрасной!* . . .
 Какъ же въ свѣтъ мнѣ смѣшь являешься
 Съ лирой мнѣ невластной?
 въ.
Съ береговъ Дона.

XI.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

По зыбкимъ, бѣлымъ облакамъ
 Горящъ пылающія розы;
 Денницы упреннія слѣзы
 Блещашъ, какъ жемчугъ по лугамъ,
 И съ пышной липы и берѣзы
 Душистый вѣснь еиміамъ!

Разлиное спруями злопо
 Волнуется на темѣ горь;
 Садовъ богини вѣрный дворъ,
 Зефировъ легкихъ рой крылапой
 Лепишь на сопкаинный коверъ
 Рукою Флоры шаровашой!

Наспаль любви условный часъ,
 Часъ упоеній, часъ желаній;
 Спи Аргусъ подъ крыломъ мечпаній!
 Не открывай ревнивецъ глазъ!
 Красавицы! звѣзда свиданій,
 Звѣзда Венеры будишь васъ!

Оставь ты одръ уединенной,
 Услышь, о Дафна, друга зовь,
 Книж. X и XI. И

Накинь свой упренный покровъ,
И мапери не пробужденной
Оспавь неблагоклонный кровъ,
Восторгами не освященной!

Приди ко мнѣ! насъ въ рощахъ ждешь
Подъ сѣнь шамиспеннаго свода
Теперь и нѣга, и свобода!
Ппиць ожмль хоръ и шолопъ водъ,
И для любви сама природа
Опъ сна, о Дафна, воспаетъ!

Князь Вяземскій.

ХІІ.

У Т Р О.

(Для дѣтей.)

Какъ прекрасно все созданье!
Какъ все весело вокругъ!
Въ разноцвѣтномъ одѣяньѣ
Улыбаются намъ лугъ! —
Будто бисеромъ красуясь,
Роща свѣпится росой;
Будто гладкой шолкъ волнуясь,
Нива движется рѣкой.

Опъ чего все такъ прекрасно ,
 Все такъ весело вокругъ ?
 Чпо пернапыхъ хоръ согласной ,
 Чпо вѣщаешь роци въ слухъ ? —
 Чпо тамъ шепчетъ со цвѣтками
 Тихой , нѣжной вѣперокъ ?
 Чпо лепечетъ съ бережками
 Тамъ игривый ручеекъ ?

Дѣши ! — упра появлене —
 Торжесство природы всей !
 Празднуешь она рождение
 Изъ ничтожности своей !
 Какъ хозяинъ пребогашый
 Солнце , сынъ ея большой ,
 Входишь въ свѣтлыя палаты ,
 И зовешь на пиръ съ собой !

Все хваленіемъ срѣщается
 Лучезарныхъ дней опца ;
 Онъ насъ снова увѣряешь
 Въ новыхъ милоспяхъ Творца !
 Онъ приходишь : пробудишь !
 Изчезаетъ ночи пѣнь .
 Онъ вѣщаешь : веселишь !
 Богъ еще даешь вамъ день .

И 2

Богъ даетъ вамъ день на радость,
 И на добрыя дѣла! —
 Пойте ппички жизни младость!
 Упучняйшесь поля!
 Деревя разпроспраните
 Тѣнь, подобную шапру!
 Люди, другъ друга любите,
 И учитесь добру! —

Преклоните же колѣна,
 Дѣпи милья, въ сей часъ,
 Передъ Тѣмъ, Кого вселенна,
 Въ непрерывной хоръ слясь,
 Громко хвалишь, прославляешь,
 Какъ нѣжнѣйшаго Опца,
 Кто вамъ пищу посылаетъ,
 И щедроты безъ конца!

Говорите: о Безвѣстной,
 Ты, Который вѣспень намъ,
 По одной любви чудесной,
 По родителъскимъ сердцамъ! —
 Естльи ппичекъ пѣснопѣнье
 Ты внимаешь опъ небесъ,
 Приими дѣшей хваленъе,
 Благодарныхъ жершву слезъ! —

Дай намъ разумъ просвѣщенной,
 Чѣпобъ дѣла Твои узнатьъ ;
 Дай намъ сердце умиленно,
 Чѣпобъ однимъ Тобой дышатьъ ; —
 Дай благое совершенье
 Всѣмъ рѣдипельскимъ мольбамъ ! —
 Людямъ всѣмъ благословенье : —
 Ахъ ! они всѣ брашья намъ !

Мрзакв.

ХІІІ.

ЧУДЕСНЫЙ ТОВАРЬ.
 (РАЗГОВОРЪ ВЪ ТАМОЖНѢ.)

Смотритель.

Отколь ?

Купецъ.

Изъ за-морей.

Смотритель.

Куда ? —

Купецъ.

Куда ? въ Россію.

Смотритель.

Какой товаръ ?

Купецъ.

Товаръ ? — безцѣнной, золотой

Смотритель.

Мнѣ должно осмотрѣшь ?

К у л е ц ъ.

Не строго, другъ, поспой!
 Ты Руской! ты великъ! но здѣсь ты склонишь
 выю! . . .

С м о т р и т е л ь.

Что? какъ?

К у л е ц ъ.

Здѣсь магазинъ всего,
 Ума, безумія, нахальства, униженья,
 Коварства, гордоспи, алчбы и развращенья;
 Здѣсь тысячи вещей, и вмѣстѣ ничего! . . .
 Злой свѣсъ и злая шьма, невѣжество и
 знанье,

Ничпожность и блиспанье,
 Родъ жадной саранчи, иль нѣкой язвы ядъ;
 Неволя съ вольностью, безбожіе и гладь; —
 Барейшоръ, компаньонъ, лакей и управи-
 шель,
 Кондишоръ, опкущикъ, и модъ успанови-
 шель,
 Подьячій, и министръ, агентъ и скороходъ,
 И докшоръ для госпожъ, опасной для гос-
 подь; —

Ко щасью Рускаго народа,
 Болѣзней и лѣкарствъ обильная порода:

Здѣсь модна слѣпоша,
 Сердечна пустота,
 Розличныя припадки,
 Вершижи, лихорадки,

Болезнь; ни то ни сіо; —

Короче: здѣсь есть всё:

Опець и другъ, и брагъ, и свагъ —

благопворишель

С м о л р и т е л ь.

Помилуй, кто же онъ, скажи

К у л е ц ь.

Французъ — учитель!

С м о л р и т е л ь.

Учитель! — Боже мой! хотябъ взглянушь...

К у л е ц ь.

Нѣтъ! нѣтъ!

По вашей милости, прошло почти сто лѣтъ,

Какъ безъ осмопру мы поваръ сей оппус-
каемъ,

И пошлнъ не даемъ

С м о л р и т е л ь.

Когдажъ его узнаемъ? —

К у л е ц ь.

Тедерь нѣтъ времени; корми его, лелѣй;

А что бы цѣну знашь, отдай ему дѣшей!...

М — вь.

XIV.

ПОСЛАНИЕ

въ Пизонамъ о Стихотворствѣ. (*)

Когда маляръ, въ жару, попѣя надъ
карпиной,
Напищеть женскій видъ на шеѣ лоша-
диной;
Всю кожу перьями и шерспью распеснрипъ,
И часни всѣхъ родовъ въ урода помѣ-
спипъ; —
Начавъ красавицей чудесное шворенье,
Окончипъ рыбою, себѣ на прославление:
Пизоны! — можете-ль, скрѣпя свои сердца,
Не осмѣять сего безумнаго творца?

Повѣрите мнѣ, друзья, съ такимъ ма-
лярспвомъ сходны
И проза и стихи, гдѣ мысли разнородны,
Какъ грезы соннаго, или больнаго бредъ,
Безъ шолку смѣшаны на собспвенной свой
вредъ!
Съ ногами голова въ мучительномъ раско-
лѣ; —
Вы скажете: „Поэтъ и Живописецъ въ
волѣ,

(*) Оно было напечатано въ *Утренней Зарѣ*. Здѣсь
помѣщается съ перемѣнами.

Что можешь выдумать, что въ умъ при-
дешь, пишешь! "

Кто спорить? — кто дерзнетъ права сіи
опнеть?

Съ охотой ихъ даемъ, и смѣло просимъ
сами! —

Но только съ тѣмъ, чтобы лугъ украшенъ
былъ цвѣтами.

Весной, а не зимой; чтобы въ вымыслахъ
пѣвца.

Съ мышами не жилъ копь, а съ пиграми
овца.

Начала пышныя не рѣдко обольщаютъ:
Ждемъ важнаго! — и чтожь? — на рубищѣ
мелькаютъ

Кое-гдѣ пурпуры блестящей лоскутки:
По бархатнымъ лугамъ струятся ручейки;
Шумитъ дремучій лѣсъ; тамъ башня въ
прудь глядится;

Тамъ радуга блеститъ; тамъ Рейнь сере-
брился!...

Къ чему сей пышной вздоръ? — я дѣло
знаю спѣшилъ.

Положимъ: кипарисъ ты въ краскахъ жи-
вилъ; —

Но кспаниль это здѣсь, гдѣ буря, пре-
волненье,

Разбиты корабли, и въ смерпномъ упо-
ленѣ

Бѣднякъ, съ кошораго пы деньги взялъ за
спрудъ?....

Положимъ: на заказъ работаешь сосудъ! —

Мнѣ спрашной бочкою казался онъ сначала:

Но пы верпѣль, верпѣль: изъ бочки
кружка спала! —

Намъ правило дано природою самой: —

Да царспвуетъ вездѣ единспво съ просто-
пой! —

Признапся должно намъ, друзья мои
почпенны,

Мы видѣмъ испины бываемъ оболщенны! —

Я крапкось сохранилъ: не лѣзя поняпъ меня;

Пріятность, легкость еспь, нѣпъ силы и огня;

Желая возпарить: въ безспмылицѣ перяюсь;

Хочу исправнымъ быпъ: — и въ прахѣ пре-
емыкаюсь;

Я щедръ на вымыслы; — но чпожъ въ мо-
ихъ спихахъ?

Гуляешъ кимпъ въ лѣсу; играешъ вепрь въ
волнахъ!

Спасаясь отъ бѣды, въ другую вязну болѣ. —

Одинъ изъ хипрецовъ въ Эмилевоп школѣ,

На бронѣ изражалъ, на диво всѣхъ людей,

Имяткость волосовъ, и нѣжный видъ ногпей; —

Но можешъ ли сіе искусника прославишь,

Когда не въ силахъ намъ онъ Цѣлаго пред-
спавить? —

Нѣтъ! съ умникомъ такимъ спашь вмѣстѣ
мнѣ въ ряду,

Есть по же, что пріять опъ Бога на роду
Кривой, нескладной носъ съ прекрасными
глазами,

И роликъ маленькой съ огромными ушами!

Берите прудъ всегда не выше силъ своихъ,

Умѣйте разбирашь, судить себя самихъ;

Какъ съ берега пловецъ объемлетъ пущь
проспанный,

Вникайте въ свой предметъ, и будьте по-
споянны.

Тогда даруетъ вамъ Пьеридъ свѣтлой хоръ

Порядокъ, красоту, пріятношей соборъ!

Но чѣмъ порядокъ насъ, чѣмъ стройность
насъ плѣняетъ?

Всему число, и часъ, и мѣсто назначаешъ. —

Предметъ передъ побой: смотри, раз-
полагай! —

Что должно, говори; что можно, отлагай. —

Ты Авшоръ: — ты намъ даль права на
осужденье:

Разборчивъ, почень, спрогъ, смиряй души
парень!

Знай силу, свойство словъ, умѣй ихъ со-
глашашъ,

И связью хитрою имъ новой видъ давашь.

Со днями множатся, и нужды, и познаныя;
 Что чуждо для ума, то чуждо и названья;
 Почто же не шворишь, почто не выдашь
 въ свѣпъ,
 Чего не зналъ Сепегъ, Орапоръ древнихъ
 льпъ? —
 Не смѣлосп скромная, но дерзосп въ за-
 прещеньѣ; —
 И новыя слова наслѣдуютъ уважене,
 Коль въ Греціи родясь, примутъ нашъ
 нарядъ. —
 Когда Цецилій, Плавинъ намъ вырождковъ
 дарятъ,
 Уже-ль Вирвилію и Вару въ помъ опкажутъ?
 Уже-ль меня за то презрѣніемъ накажутъ,
 Когда другихъ садовъ цвѣпы, убранство,
 плодъ
 Спремлюсь пересадитъ въ родимой огородъ?
 Таковъ нашъ Энній былъ; таковъ былъ духъ
 Капона! —
 Иди по ихъ слѣдамъ: но не забудь закона,
 Который пребуешь хранишь и изражатъ
 Роднаго языка оппѣнки и печать. —
 Когда съ деревъ листья осенній вѣспрь сры-
 ваепъ,
 Что ранѣ стало цвѣспъ, то ранѣ умираепъ;
 Такъ почно и для словъ свои еспъ времена:
 Прошелъ ихъ вѣкъ, прошла ихъ важность
 и цѣна;

Въ любезной новости пріятность ихъ и сила;
Привычка къ прелестямъ, для прелестей
могила.

Смерть люба насъ самихъ и наше все
возмешь! —

Сей гордый прудъ Царей, изрытый горь
хребетъ,

Гдѣ запертый Нептунъ спречетъ опъ въш-
ровъ флоты; —

Сей новый путь пловцамъ, раскопаны
болопы; —

Пустыни въ райскіе одѣяны сады; —

Рѣка, забывшая въ поляхъ своихъ слѣды,
Чтобъ ниву напоить для жажвы драгоцѣн-
ной: —

Все дѣло смертнаго, все смерти покоренно! —

Названьямъ и вещамъ есть жребій роковой.

Употребленіе играетъ ихъ судьбой;

Оно ихъ судя; онѣ — его созданье;

Захочетъ — и въ чести; велишь — онѣ въ
изгнаньѣ. —

Неисповый пирань! — но свяшь его законъ.

Гомеръ — наставникъ вашъ! — какимъ
размѣромъ онѣ

Пѣлъ подвиги владыкъ и ужасы военны,
Вы видѣли. — Спихи въ сполахъ неур-
венны

Виѣщали жалобу къ разгнѣванной судьбѣ;

Но послѣ радость ихъ присвоила себѣ.
 Какая нужда знашь, кто первой въ зло-
 ключеньѣ
 Въ Элегіи сыскалъ сердечно упѣшенье,
 Пусть спорить Ариспархъ; ... мы съ Ав-
 шоромъ вздохнемъ! —
 Архилохъ, мщенія сгарающий огнемъ,
 Гремящій ямбъ извлекъ изъ лиры оскор-
 бленной.
 Сей спихъ, въ сандали, въ кошурны на-
 ряженной,
 На сценѣ разговоръ собою украшала,
 И черни грубый шумъ его не заглушала. —
 Фебъ лиръ далъ въ удѣлъ бессмертныхъ про-
 славленье,
 Ихъ чадъ божественныхъ, Героевъ награ-
 жденье,
 Труды и честь бойцовъ, и юности златорой
 Любезны суепы, и Вакха даръ благой. —
 Пѣвецъ ли, другъ ли я искусства и природы,
 Когда, неопытный, твореній разныхъ роды
 Ни слогомъ не могу, ни звукомъ опличить! —
 Учишься — нѣтъ спыда; невѣждой — спы-
 дно быть!
 Не сроденъ Талии гласъ важный Мельпо-
 мены;
 Спихами Комика проспыми искаженный,
 Тіесна спрашный пиръ на смѣхъ меня вле-
 четь:

Пусть каждый родъ стиховъ въ своемъ краю
живеть ! —

Комедія свой гласъ не рѣдко возвышаетъ,
Разгнѣванный Кремель, какъ нѣкій богъ,
вѣщаетъ ! —

Трагедія, склонясь подъ бременемъ скорбей,
Теряетъ гордость, блескъ. — И Телефъ, и
Пелей,

Гонимыя злобою спраны неблагодарной,
Забыли Царской санъ, языкъ высокопар-
ной,

Чтобъ грусть свою пролить въ чувствви-
пельны сердца ! —

Исправность въ правилахъ — не дастъ еще
вѣнца.

Искусство намъ блескило, но холодными лу-
чами;

Лишь чувство ихъ живило, лишь чувство
правило нами;

По взгляду мы въ другихъ участие беремъ,
Съ веселымъ — веселы, съ печальнымъ сле-
зы льемъ.

Умъ свой бѣды бѣдами намъ представилъ;
Умъ заплакалъ самъ, чтобъ плакалъ насъ
заспавилъ;

Ты холоденъ — смѣюсь; или, — позволь мнѣ
спать !

Ты въ горѣ — скорбь должна въ рѣчахъ пво-
ихъ дышать ! —

Ты въ гнѣвѣ — поражай прерывными сло-
вами ;

Ты гордъ — повелѣвай; шупливъ — рѣзвися
съ нами.

Природа хитрая сердца своихъ дѣшей,
Устроила для всѣхъ способными спрашней.
Теперь мы радоспны; но мигъ — препещемъ
въ спрахѣ;

Съ надеждой — въ небесахъ; съ опчаянемъ —
во прахѣ ; —

Языкъ — органъ души; она имъ говоришь; —
Языкъ съ движенемъ чувспивъ приемлеть
сродный видъ.

Слова съ моею судьбой и званіемъ не сходны,
Не усладивъ сердце, возбуждая смѣхъ на-
родный. —

Едва опкрыль успа, уже примѣпно мнѣ,
Гдѣ хладный спарца смыслъ, гдѣ юный умъ
въ огнѣ, —

Гдѣ машь въ кругу дѣшей, и гдѣ она съ го-
спями ;

Поселянинъ, купецъ, бывалой за морями,
Аргивянинъ, Халдей, Колхидецъ, Скимъ
проспой,

Всѣ въ добромъ и худомъ различны межъ со-
бой ;

Послѣдуй мнѣнію, или молвъ народа,
Будь самъ эжидишелемъ, и дѣйствуй, какъ
природа. —

Согласное въ часпяхъ одѣнь въ приличной
видь!

Ахилль передь побой: пуспъ яроспный гро-
зипть,

Жеспокъ, неумолимъ, копорому законы —
Кровава брань и чеспъ, и въ свѣспѣ нѣспъ
препоны; —

Пускай Медея адъ словами поспрясепть; —
Пуспъ Ио спранспивуеспъ; дщерь Кадма сле-
зы льеспъ;

Ореспъ раскаянья влечеспъ съ собой мученье,
Вновь спроиспъ Иксіонъ на свясоспъ поку-
шенье. —

Но въ царспво вымысловъ направя свой
полеспъ,

Ты хочеспъ показатъ невиданный предметъ?
Предспавь! — да будеспъ онъ возможенъ и
удобенъ, —

Всегда, вездѣ одинъ, всегда себѣ подобенъ;
Простому, общему изящны дапть черпты,
Попробенъ взоръ и спрудъ! — Скорѣ мо-
жеспъ пы

Гомера намъ явипть на сценѣ Мельпомены,
Чѣмъ новое создапть, природѣ безъ измѣны!
Гомера золошо опскрышо всѣмъ: — бери,
Разполагай, дай видъ, своимъ его пвори!
Не будъ списапелемъ, не ползай за словами;
Мы можемъ подражашъ, не будучи рабами!

Превыси образцы, законамъ безъ вреда; —
 Умѣй опъ нихъ опспашь; гдѣ нужно, безъ
 спыда.

Но такъ не начинай, какъ Цикликъ на-
 пыщенный :

„Глашу паденье Царспвъ и брани разъ-
 яренны!“

Вошь шупъ - шо ждашь чудесь! — ты въ
 страхѣ говоришь ;

Кричаешь : гора въ родахъ! но что роди-
 лось? — мышъ!

Сравните мудреца воззваніе простое;
 Се скромности примѣръ! „Пой Муза о Героѣ,
 Который, спранспвуя опъ падшихъ Трои
 спѣнь ,

Зрѣлъ грады многіе, обычаи племень.“

Не дымъ изъ молніи, изъ дыму свѣспъ рож-
 даетъ ;

Что шагъ, шо дивное видѣнье изумляетъ!...

Тамъ Сцилла, тамъ Циклопъ, Харибда,
 Антипашъ,

Въ огнѣ стиховъ его, свирѣспвуютъ,
 грозятъ.

Не Мелеагровой несчастною судьбою

Онъ началъ похвалы Эольскому Герою; —

Не съ лицъ Лединыхъ Троянскій началъ бой:

Къ предмету онъ спѣшилъ, и насъ вле-
 четъ съ собой

Явленій въ новый міръ, какъ въ міръ, для
всѣхъ извѣстной.

Въ полетѣ видить онъ, что слабо, несо-
вмѣстно,

Гдѣ сильный духъ его красота не оживить;

Вселенная пѣсна: другую онъ пворить!

Здѣсь правда, вымысль памь; — сдѣлись!
одна картина!

Все связано съ концемъ, начало и середина.

Ты хочешь вѣдать долгъ и хитрости
Пѣвца;

Внемли: Чпобъ зрѣшь пвой пворенья до
конца,

То соспрананіемъ, по спрахомъ наслаж-
дался,

И въ чувствахъ бы его вѣнецъ пвой сопле-
тался;

Знай нравы всѣхъ людей; среди различ-
ныхъ лѣтъ

Премѣненъ образъ ихъ, какъ пѣней быст-
рыхъ слѣдъ!

Младенецъ, съ вѣрными распавшимъ по-
мочами,

Начавъ уже ласкать родителѣй словами,

Спремѣнъ въ слѣдъ играмъ, въ безпечный
ровныхъ кругъ,

Премѣненъ безъ причинъ, сердить и кро-
покъ вдругъ. —

Опъ дядьки скучнаго свободой увлеченный,

Другъ пламенный забавъ, мечшатель восхи-
 щенный,
 То бѣгомъ шѣшился, по ловлей, по борьбой;
 Къ совѣтамъ каменной, къ порокамъ во-
 сковой,
 Слепецъ, надмѣнный мотъ, для прихопей
 стенаешь;
 Что нынѣ полюбиль, по завтра пре-
 зираешь. —
 Но время пропечешь, — проспынешъ жаръ
 страспей: —
 Онъ ищешь въ сорокъ лѣтъ богатства и
 друзей. —
 Рабъ знаиности, чиновъ, забопами по-
 мился,
 Трудясь для поздныхъ дней, быть въпре-
 нымъ спрашится.
 Но можно-ль зрѣлой вѣкъ со старостью сра-
 внять! —
 Нещаспной жадееть благъ, боиися ихъ
 вкушашъ!
 Трепещешь, мучиися, и самъ съ собой въ
 сраженьѣ,
 Причудливъ, мнишелень и медлень въ
 исполненѣ;
 Брюзгливой всѣхъ судья, повсюду видишь зло:
 Все худо, что шеперь; все славно, что
 прошло;

Не вѣришь никому, ни съ кѣмъ онъ несо-
 гласень, —
 И каждый мигъ ему грядущаго опасень, —
 Мы, въ лѣта восходя, въ слѣдъ радо-
 стей лепимъ;
 А низходя, опъ нихъ неволю бѣжимъ.
 Противно въ старцѣ то, что въ юношѣ
 любезно;
 Не терпимъ зрѣлой вѣкъ, что опроку
 полезно:
 Умѣй по возрастамъ и нравы измѣнять. —

Два способа у насъ предметъ живо-
 писанъ: —

Разсказъ и дѣйствіе. — Другихъ повѣ-
 спвованъе

Не споль дѣйспвишельно, какъ ваше созер-
 цанъе.

Мой глазъ вѣриѣ мнѣ: самъ вижу, самъ учусь.

Но есть явленія, опъ коихъ опкажусь. —

Щади сердца и взоръ народа прихотливый!

Иное скажетъ пусть посоль краснорѣчивый.

Медя не при мнѣ должна терзатъ дѣшей, —

Не предо мной гоповъ ужасный пиръ, Ап-
 рей! —

Я Прогну ппицею, змѣсю Кадма вижу;

Что пользы опъ того? — Не вѣрю, не-
 навизу!

Пять дѣйствій мѣра драмъ , и сей за-
 конъ священъ ,
 Развипо дѣйствіе, и зрипелъ услажденъ. —
 Не вызывай боговъ къ развязкѣ приклю-
 ченья ,
 Когда не пребуешъ она чудопворенья ; —
 Четвертое лицо пуспъ рѣже говоришь.
 Хоръ по же , что Акперъ ; онъ долгъ его
 хранишь ;
 Онъ въ междудѣйствіяхъ на сцену выспу-
 паешъ ,
 Искусно зрипелей къ развязкѣ прибли-
 жаешъ ; —
 Защипникъ немощныхъ , другъ добрый и
 прямой ,
 Спремипся умѣрять порывы спрасци злой ;
 Предъ сильнымъ справедливъ , не робокъ
 передъ прономъ ,
 Чпишь доблеспъ , искренность , умѣрен-
 ность закономъ ,
 И любишь свѣпмый миръ , свободу во гра-
 дахъ .
 Хранипелъ вѣрный шайнъ , онъ въ сладо-
 спныхъ слезахъ
 Къ Прешолу Правопы съ молишвой возни-
 каешъ : —
 Спрадалецъ выспися — гонипелъ упадаешъ .
 Но чѣмъ же древній жоръ народный слухъ
 плѣняль ? —

Свирѣлью скромною , на коей не сіялъ
 Еще драгой мешалъ блестящими дугами ;
 Не спорила она съ гремящими трубами ,
 И звукъ ея не зналъ споль многихъ пере-
 мѣнь.

Довольно для проспыхъ и кропкихъ сихъ
 время! —

Но жажда обладать съ побѣдой подружи-
 лась ,

Владѣнья возрасли , и роскошь воцарилась.
 Предъ алшаремъ любви , предъ Геніемъ за-
 бавъ ,

За чашею вина дающимъ свой успавъ ,
 Гармонія предѣль и силы разширила ,
 И новымъ языкомъ съ сердцаами говорила .
 Какъ можетъ дикія природы юной сымъ ,
 Необразованный наукой , селянинъ
 Дѣлишь съ разумными чистѣйши наслаж-
 денья !

Для дикаго узда — блестящи обольщенья!
 И се ! огромный ликъ предшесивуетъ вож-
 дямя ;

Герой весь въ золотѣ , его жилище — храмъ !
 И арфа съ новыми являеяспрунами ;
 И краснорѣчіе всесильными успаами ,
 Пріявъ оракула священный , пайный видъ ,
 Даепъ успаавъ Царямъ , какъ судъ небесъ ,
 греминья .

Успѣхъ нечаянный бываетъ часто лож-
ной. —

Пѣвецъ, пріявъ козла наградою ничтожной,
Рѣшился Сашировъ пустынныхъ обнажать,
Чтобъ, важность сохраня, умѣть насъ за-
бавлять. —

Искусникъ возмечталъ сей хитростию новой
Удерживать народъ неисповой, суровой,
Свершившій пачина на Оргіи святой! —
Но смѣлость безъ границъ — всегда губи-
тель свой. —

Пусть Саширъ оспрыхъ словъ игрою забав-
ляеть,

Пусть важность щупками искусно раство-
ряеть;

Но дурно, естли богъ, или вожей собратъ,
На коемъ золото и пурпура горятъ,
Въ срединѣ подвига, вдругъ низкими сло-
вами

Сравнился съ жалкими на рынкѣ крикунами!
Но дурно, если мы, проспыми бытъ боясь,
Учмимся далѣ звѣздъ, съ умомъ разрушивъ
связь.

Трагедія! храни свой санъ и dospоянье,
И, вспрѣпивъ Сашировъ испово собранье,
Умѣй спыдливой бытъ, какъ знапная жена,
Когда предводишь хоръ въ день поржества
она!

Друзья! вы знаете, я самъ люблю са-
ширу,

Но чпобъ ее явишь въ приличномъ видѣ
миру,

Убранства для нее жалѣшь я не хотѣлъ,
И грубымъ голосомъ кричать ей не велѣлъ!

Ей чуждо помное величье Мельпомены; —

Но должно сохранить всѣ слога перемѣны:

Въ ней Пипія дерзка, рабъ низокъ, ухищрень,

Забавень съ проспопой другъ Бахуса, См-
лень. —

Я общій взялъ языкъ и новый соспавляю;

Пишите, думайте — успѣха всѣмъ желаю!—

Иной прудишься день, прудишься ночь...

но что?

Тѣжъ мысли, тѣжъ слова; однако все не по!—

Порядокъ словъ и связь: вопъ шаинспво

искусства!

По миѣнью моему, — безъ ушонченья

чувства,

Саширь, диня лѣсовъ, не долженъ шакъ

вѣщать,

Какъ наша говоритъ блистательная

Знашь!

Саширь разнѣжился—смѣхъ общій воздаянье;

Приспойность не хранишь — гошовишься

изгнанье!

Пусть плещеть въ честь его шамъ виплязь

площадной;

Но добрый гражданинъ, но здравый вкусъ
 прямой
 Безумца бѣшенствомъ по праву оскорбился,
 И сапира вѣнца почепнаго лишится.

Слогъ легкой, пляжкой слогъ имѣя предъ
 собой,
 Рождаетъ громкій ямбъ, парящій съ бы-
 спротою.
 Шестъ крапъ измѣренный, онъ примеря
 соснавляетъ,
 Съ начала до конца свой ходъ не измѣняетъ;
 Но чшобы, важнымъ бышь, чшобы умно-
 жить силъ,
 Онъ оптически права спондею уступилъ,
 Условясь между тѣмъ, чшобъ сей, къ его угоду,
 Два мѣспа для него оставилъ на свободѣ.
 Хоть Акцій съ Эннiемъ, на зло почпенныхъ
 Музъ,
 Презрѣли навсегда съ нимъ дружеской союзъ:
 Но онъ все взялъ свое... Спондеевъ взгро-
 можденъ
 Являетъ слабый даръ, небрежность, не-
 умѣнье!
 Писатель думаетъ: „Уже ли всякъ знаптокъ?
 Не первой виновать! — во всѣхъ такой
 порокъ!“
 Причина жалкая! — Миѣ глупымъ оставался,

а шѣмъ, что естъ глупцы! — не лучшемъ
 всѣхъ боялся,
 [думашъ, что насъ всѣ и судяшъ, и цѣняшъ,
 [всякой нашъ порокъ насмѣшкой наградышъ!
 [вотъ правило мое: — я былъ себѣ судьбою;
 [надеждою крѣпясь, не обольщался ею! —
 [попомъ, и прудомъ не славу заслужилъ;
 [мнѣ сладко то, что я исправилъ многихъ
 былъ!
 Вамъ Греки образцы въ наукѣ сочиненья;
 [и день и ночь всегда учите ихъ шворенья!

(Продолженіе впрѣдъ.)

Мрзко.

XV.

СМЕРТЬ КЛОРИНДЫ.

(Отгывокъ изъ 12 книги Освоб. Іерусалима.)

Исходяшъ тишиной и ноцію объяпы (*);

(* Арманъ и знаменитая Клоринда вышли изъ города, дабы сжечь употребляемыя тогда Христіанами осадныя орудія. — Они успѣли въ своемъ намѣреніи. — Но Клоринда, умедливъ на полѣ сраженія, не успѣла войти въ городъ; ибо ворота скоро зашворились . . . Отъ сего обстоятельства произошло странное единоборство любовника съ любовницей. — Они другъ друга не узнали.

Другъ съ другомъ въ рядъ несясь ; шагъ съ
шагомъ ; шѣсно сжапы ;

Высокаго холма по скапу пропекли. —

Явилась спрашная бойница имъ вдали ;

Вспылали храбрые ; грудь бурна воскипѣла

Нѣтъ силъ себя сдержашъ ; нѣтъ яроспи
предѣла ;

Гнѣвъ люшой ихъ на кровь , на пламя ихъ
влечешъ.

Вдругъ спража гласъ дала, и опповѣди ждесть

Безмолвные шекущъ. — Къ оружію ! гласъ
грануль ;

Къ оружію ! — вшоряпъ , — и дальный гулъ
воспрянуль ,

И все подвигнулось ! — — Безспрашная чеша

Не кроешся, лепишъ : шажъ дерзоспъ, быспъ
ропа !

Какъ съ горнихъ спранъ перунъ въ единое
мгновенье

И блещешъ , и гремишъ , и сыплешъ раз-
рушенъе ;

Подобно : сблжиспъся , доспичъ , напаспъ,
для нихъ

И вшоргнушъся въ среду: все былъ — единый
мигъ.

Чрезъ тысячи мечей, средъ сѣчи и смяпенья

Доспигнули они къ предмету ихъ спрем-
ленья !

Опверспъ сокрышой огнь (*) ! — раздился
рдяный валь ,

(*) Волшебникъ Исменъ далъ имъ въ мѣдномъ сосудѣ
си зажигаельныя маперіи.

И воспалишельну онъ сѣдь свою пожралъ:
 Лепишь, къ древамъ приникъ, — и въ пла-
 мени громада!

Но можно-ль описашь, какъ огонь, послан-
 никъ ада,

Звиѣясь вокругъ ребрь, возросъ, разлился, за-
 ревлъ,

И въ пучахъ срада, мглы сводъ звѣздный
 пошемнѣлъ!

Восходишь пламень выспръ чернобагровъ
 клубами,

Слишь дыма сѣраго съ крупящимись валами.
 Борей, дохнувъ, собралъ разсѣянный вокругъ
 жарь,

И вепгвія огней срослись въ единъ пожаръ.

Багрово зарево сразило вѣрныхъ взоры;

Къ оружію шекупъ, сливаются въ соборы. —

Но грозная сія громада, спрахъ мужей,

Упала! — мигъ пожралъ пруды толикихъ
 дней!

Въ то время Хриспіянъ смущенныя дру-
 жины

Явились ко спопамъ пылающей махины. —

Арганшь сръпнаешь ихъ *Сіе потуш-*
нетъ зло

Лишь вашей кровью! рекъ, — и показалъ
 чело.

Пошомъ, соединясь съ Клориндой, оба спали

Отъ мѣста уснупашъ, и къ холму пути
склоняли. —

Какъ ярой водъ разливъ, пролишый бурей
вдуртъ,

Толпа расшетъ, пѣснись, объемлетъ ихъ
вокругъ.

Уже отверстыя врапа ихъ ждуть *златыя*,
Гдѣ Царь желалъ, среди дружины боевыя,
Грѣяшъ спасителей опечесива во градъ,
Коль рокъ благоволишъ ихъ радостной воз-
врашъ.

Клоринда и Арганшъ воспали врашъ у прага.

За ними Хриспѣянь и мщенъе, и опвага!

Но ихъ женетъ Сулшанъ; — врапа зашво-
рены;

Всѣ скрылися во градъ; Клоринда внѣ стѣ-
ны!

Клоринда не вошла. — Въ часъ собственна
спасенья

Свирѣпо предалась она порывамъ мщенъя.

Опважный Аримонъ наноситъ ей ударъ; —

На Аримона весь неистовыя жаръ. —

Опшпида! — но ее соборъ враговъ осѣпиль,

И спутницы Арганшъ жестокой не примѣ-
пиль.

Въ толпахъ, во пмѣ ночной, въ сѣчени
мечей

Къ спасенью ближнихъ нѣпъ, ни сердца,
ни очей!

Попомъ, когда въ крови враждебной ярость
 гнѣва

Попухла и прешла. . . ахъ, поздно! грозна
 дѣва

Взираешь на врага; заключены; — одна
 Среди несчетныхъ силъ, и — смерть ея
 вѣрна!

Но зря, что видъ ея не рушилъ вокругъ
 спокойства,

Къ спасенью новый путь находить, путь
 припворства:

Какъ соплеменная, небрежною спопой
 Вспувила въ чуждый сонмъ, смѣшалася съ
 толпой.

Какъ волкъ, насытивый сокрытно злость
 кроваву,

Спремился тихо вспясть въ глубокую дуб-
 раву:

Покрыта ноци тьмой, въ смущеніи враговъ,
 Такъ дѣва опдѣлясь уходить отъ полковъ.
 Единъ Танкредъ ея примѣшилъ ухищренье,
 Прибывъ на поле битвы въ то самое мгно-
 венье,

Какъ Аримонъ отъ ней низпосланъ былъ
 къ пѣнямъ.

Герой узрѣлъ, и вдругъ приникъ къ ея
 спопамъ;

Желаетъ проу держашь. — Безвѣспный,
 храбрый воинъ

Ему является сей почести достойнъ.

Клоринда клонивъ пущь опъ горнихъ скалъ
назадъ,

Взыскуп для себя другихъ ко граду врапъ.
Неисповый за ней. — Еще далеку мужъ боя,
Оружій звукъ уже предвозвѣспилъ Героя.

Вняла, и обращаясь: „о пы, лепящій въ
слѣдъ

Чтѣ миѣ приносишь? бой? — *И бой, и
смерть!* — опвѣнъ.

И бой и смерть несу! — „Въ пвоей
имѣшь ихъ волѣ! —

Согласна я,“ рекла, — и спала пвердо
въ полѣ.

Узрѣвъ соперника, гопова предъ собой,
Танкредъ снизшелъ съ коня, да дивный дер-
жипъ бой.

Уже изпоргнушы булапы изощренны;
Кипишь вражда въ сердцахъ; уже воспламе-
ненны,

Ко другу другъ лепяшь, какъ ярыхъ два
вола,

Въ которыхъ ревность прю кровавую воз-
жгла.

Сраженъе, времени достойнѣе другаго,
Допойное лучей свѣспила золотого!

О ночь, о мрачная и мерпва пишина,
Великій подвигъ сей сокрывша въ царспвѣ
сна,

Позволь, чтобы опьявъ мракъ пляскаго заб-
венья,
Извлекъ его во свѣпъ, вѣкамъ для удив-
ленья!

Да слава сей чепы безсмерпная живепъ,
Да памяпъ о тебѣ въ ихъ славѣ не умрепъ!

Избѣгнупъ, ошразипъ и уклонипъся
взмаха

Герои не могли: ни оборонъ, ни страха!
Не вымѣряпъ, не хипрѣ, не мѣшокъ ихъ
ударъ;

Искусству мѣсна нѣпъ; всемъ правипъ
сердца жаръ;

Даюпъ ужасной звукъ, сѣкущѣ другъ друга,
Сверкающѣ мечѣ. — Не выступяпъ изъ
круга;

Недвижимы спопы; движеніе въ рукахъ;
Не мѣпипъ ни одинъ; но язва каждой взмахъ;
Преоскорбленна чепъ кровавой алчепъ ме-
спи;

Взаимна меспъ язвипъ высоко чувспво
чепси;

Мигъ каждой новая болѣзнь нанесена;
Мигъ каждой новая къ боренію вина. —
Свирѣны, виѣ себя, сближающѣ, пѣсняпъся;
Ужъ яры ихъ мечѣ не могупъ обращапъся;

Въ ручной вступають бой; въ ихъ персяхъ
дышетъ адъ ;

Ихъ шлемы, ихъ щипы, сполкнувшись,
гремятъ ;

Трикрапы мышцами дебелими сжимаешь
Борющую борець; прикрапно изпоргаешь
Великая жена себя изъ крѣпкихъ рукъ! —
Какъ люшый врагъ ее пѣсниль нѣжнѣйшій
другъ!

Жельзо возьмюшь вновь, и вновь наносятъ
раны ;

Изякли силами, и спали — бездыханны!
Шапаясь, движущся; волной клубишься грудь;
Разходящся, чшобъ разъ свободно воздохнуть;
Склонились на мечи, какъ пѣни въ мракъ
ночи ;

И яроспью одной горѣли грозныхъ очи!
Уже послѣдній лучъ звѣздъ упренныхъ съ
небесъ

Воспока предъ челою померкнулъ, и исчезъ:
Танкредъ соперника зришь кровью покро-
веннымъ ;

Межъ пѣмъ, какъ самъ онъ былъ лишь слабо
уязвленнымъ.

Гордишься радостный!... о, мыслей суета!
Сколь часто веселишь насъ гибельна мечта!
Нещасный! ахъ, умѣрь воспорги твѣ
напрасны!

Ужасень швой пріумфъ, и подвиги ужасны!

Прольешь ты много слезъ, когда не кончишь
дней,

За каплю каждую безцѣнной крови сей!...

Два вѣпязя еще, опрясь на крѣпость спали,
Другъ на друга смопря, безмолвные спо-
яли;

Танкредъ, дабы познать, кто дивный сънимъ
борецъ,

Прервавъ молчаніе, вѣщаетъ наконецъ:

Судьба обоихъ насъ къ нещаспью осудила! —

Толикихъ подвиговъ безмолвна ночь — могила.

Но еспьли люпный рокъ сей бипвъ опказаль

Въ свидѣтеляхъ, вѣнцахъ заслуженныхъ по-
хваль,

И еспьли въ бурѣ съчь моленія совмѣспны,

Опкрой мнѣ имя ты и санъ свой, Мужъ
безвѣспный,

Чпобъ вѣдаль, побѣдивъ, иль бывши по-
бѣждень,

Кѣмъ смертъ моя славна, или пріумфъ поч-
пень!

Ты имя, хочешь знашь? — опвѣспивуетъ
герою,

Напрасно! — предъ побой его я не опкрою! —

Но кто бы ни былъ, знай: единъ передъ
побой

Изъ двухъ рушипелей громады боевой. —

Опъ сихъ словесъ вспьлаль Танкреда духъ
кичливый;

К 2

Ты много мнѣ вѣщаль, о варваръ злочеспивый!
 Теперь уже равно, молчанье иль опвѣсть;
 Все, все меня на месь правдивую вле-
 четь!

Изрекъ... гнѣвъ входить въ грудь, и упо-
 мленныхъ снова
 На страшну гонить прю; — послѣдня пря
 сурова!

Искусство связано, и сила умерла:
 Ты ярось, ты одна борбу сію вела! —
 Какъ птяжко падають булапы ихъ жеспоки!
 Какъ язвы на броняхъ, на пѣлѣ ихъ широки!
 Давно бы съ кровью жизнь младая изпекла;
 Но держить злось ее, и въ сердцѣ заперла.
 Какъ водъ опецъ, Егей, свирѣпствомъ бурь
 взволнованъ,

Когда престанеть Нопъ, и Аквилонъ окованъ,
 Еще беснуется... спонъ всходитъ къ об-
 лакамъ,

Успалые валы несупся къ берегамъ:
 Такъ рапники, хопя со многой крови прапой
 Лишились силъ своихъ и крѣпости бога-
 шой,

Еще въ себѣ храняшь спремленья первой
 жаръ,

И пламять яросно ударомъ за ударь. —
 Но, се! настала та минуша роковая,
 Какъ дѣвы юной жизнь пресекнешя злая;

Направиль острый мечъ въ прекрасну грудь
Танкредь ;

Ушла глубоко спаль, и кровь багряну пьеть;
Покровъ блистательный, и златомъ изпе-
щренный ,

На персяхъ дѣвственныхъ легко преобло-
женный ,

Зардѣлся ... зришь она кончины часъ своей.
Дрожащія стопы сгибаются подъ ней.

Танкредь, чпобъ бой рѣшить, подъемлетъ
мечъ надъ жертвой,

Сраженную пѣснитъ, грозитъ еще пол-
мертвой ;

Упала! . . . слабая склонилася глава ;

Съ трудомъ она речетъ послѣднія слова,
Слова, внушенныя не плотию, не кровью,
Но Вѣрой чистною, надеждой и любовью!

Богъ духа ей послалъ, и пакъ судиль отъ
звѣздъ :

Въ жизнь брань вела съ крестомъ; да чпиптъ
кончиной крестъ !

Ты побѣдилъ, о другъ! — прощаю! — въ
знакъ пріязни

Прости не персти сей; — для ней ужъ
нѣтъ боязни ;

Прости моей душѣ, молись о мнѣ, омой
Ты слабость грѣшныя крещенія водой!

Слова прерывныя , болѣзненны , смиренны ,
 Какъ сладоспный органъ , слова сіи священ-
 ны ,
 Пронзають грудь вождя , — и люпый гнѣвъ
 погасъ ,
 И слезы полились невольныя изъ глазъ !
 Отшполѣ не вдали изъ нѣдръ скалы кремни-
 спой
 Съ пріапнымъ ропотомъ ручей сребрился
 чиспой ;
 Бѣжипъ онъ , черплешъ въ шлемъ , и вспяпъ
 печешъ съ водой ,
 Да Тайны веліей свершипъ обрядъ свяпой ; —
 Къ безвѣспному приникъ , чпобъ сняпъ ре-
 менъ забрала ,
 И слышипъ : — дланъ его , касаясь , препен-
 пала . —
 Открыль , узрѣль , позналь ; недвижимъ , нѣмъ
 спомпъ ;
 Узнанье спрашное ! ужасный сердцу видъ !
 И выпязъ живъ еще ! . . . въ рѣшипельно
 мгновенье
 Всю доблеспъ онъ собралъ души во ограж-
 денъ ,
 И скорбь спѣснивъ , спѣшипъ крещенія пу-
 шемъ
 Той жизнь другую дапъ , у коей взялъ ме-
 чемъ !

Когда онъ произнесъ слова святыя Тайны,
Ослабилась, — и взоръ процвѣлъ необы-
чайный ;

Спокойно смерть зовешь, вѣщаешь, мни-
ся, въ снѣ :

„Я съ миромъ опхожду: опверсно небо мнѣ!“

Любезной блѣдностью ланины осіяны

Являють лиліи съ фіалками сіянны.

Вперила въ небо взоръ! И сами,
небеса ,

Склонилися къ тебѣ, поблекшая краса! —

Се руку хладную, оледенѣлу, сира, —

Не въ силахъ успѣ опверстѣ, во знаменіе
мира

Простерла къ вышязю, — и въ видѣ семъ
она ,

Ишла, не какъ во смерть, но какъ въ объ-
яшья сна . . .

Мерзляв.

XVI.

ПРИЗНАНИЕ СУПРУГА.

„Бывають дураки, но я глупѣ всѣхъ!

„Ахъ! нѣшь прискорбиѣ для насъ несчастій
тѣхъ,

„Которыхъ сами мы виною!“

Такъ, вспрѣлвившись вчера со мною,
Сказалъ со вздохомъ мнѣ нашъ добрый
Праводумъ. —

Знавъ кропкой нравъ его, и правила, и умъ,
Какъ громомъ пораженъ я былъ опъ уди-
вленья;

Скажи, спросилъ его, лишился ты имѣнья?
Или спалъ жертвою Вельможи-гордеца?

Иль опъ безпечности долги твои ско-
пились?

Иль имя потерялъ ты славнаго пѣвца,
И Музы, въ гнѣвъ ихъ, съ тобою раздру-
жились?

Иль богъ любви тебя стрѣлою поразилъ?

Или ты въ службѣ прослужился?

„Бѣда важнѣ естъ,“ несчастной возразилъ,
Какаяжъ? „Я женился.“

N. N.

Охотскъ.

1815 года.

XVII.

Б А С Н Ъ

Д В А О С Л А.

Въ старь было при Дворахъ шепло гнѣздо
 льспецамь. —
 Пуспъ левъ и не любилъ докучной сей ско-
 пины ;
 Но левъ, хопъ левъ — все звѣрь. — По да-
 чамь, по лѣсамъ
 Онъ вздумаль походить ; изъ дворскія дру-
 жины
 Взяль въ свипу одного съ собой,
 Которой льспилъ хопя былъ мастеръ не
 великой,
 Да голось у него такой былъ дикой,
 Чпо ужась наводилъ всей челяди лѣсной.
 Опсправился въ пушь : левъ, какъ ошець
 народу,
 Разспариваль звѣриное жипье - быпье,
 И слышаль мѣлкихъ лишъ выпье :
 Тамъ въ зубы спряпчева, шамъ въ ухо
 воеводу ;
 Тамъ въ крюкъ согнулъ дьяка : левъ лви-
 нымъ чередомъ
 И судилъ, и рѣшилъ, и бьешъ, и награж-
 даешъ.

Левъ грозень! — чтожь осель? при случаѣ
шакомъ

Осель ушами всѣхъ бодаеть.

Случись ему, какъ шель онъ за лѣснымъ
царёмъ,

Вдругъ съ тѣской вспрѣпнись, съ осломъ,
Копорый, понкостей, учпivosпей не зная,
И съ бариномъ осломъ, какъ ровнымъ, по-
спуная,

Спросилъ: „здоровъ ли онъ? и какъ
живеть?

„Что новаго? — Куда идешь?“

Невѣжа! грубіянь! придворный восклицаетъ:

Ты не узналъ! Тебя! рабочій отвѣ-
чаетъ;

А по ушамъ?

Нѣтъ, брашь, хогня ты бродишь по лѣсамъ

И при особѣ львиной, —

Но вѣдь не можъ сокрышь ты поступи осли-
ной! —

Ивановъ.

XVIII.

ЭПИГРАММА.

Какъ! полдень на дворѣ, а Анапестинъ
спишь? —

Вѣдь онъ за то всю ночь сидишь.

Не Астрономіи — ль ужь вздумалъ онъ
учишься?

Нѣтъ! надъ экспромтами прудишься.

Ивановъ.

XIX.

ЭПИТАФИЯ.

Прохожій! не гордись, мой попирая прахъ:

Я дома — пы въ госпяхъ.

Н. Н.

Охотскъ.

1813 года.

XX.

ПЛАЧЪ ПРИ ГРОБѢ МОЕГО БЛАГО-
ДѢТЕЛЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА СТРА-
ХОВА (*).

Благословляю шебя, мирное убѣжище
злополучныхъ! — благословляю васъ, без-
молвные свидѣтели сѣшующихъ здѣсь,
памяшники, воздвигнутые надъ унокоивши-
мися въ сей шихой приспани! — благослов-
ляю васъ, шѣни усопшихъ! — съ вами
хочу бесѣдовашь я; — вамъ хочу ввѣ-
ришь мои чувствованія! Здѣсь, вдали отъ
людей — людей жестокихъ, болѣе
склонныхъ ко злу, нежели добру; здѣсь,
среди вѣчнаго безмолвія, въ таинствен-
ной шемнотѣ ночи, при слабомъ
сіяніи блѣдной луны, шомно освѣщаю-
щей ваши мавзолеи, надъ прахомъ благо-

(*) Пешръ Ивановичъ Спраховъ, бывшій Спаш-
скій Совѣшникъ, Ординарный Профессоръ
при Императорскомъ Московскомъ Универси-
тетѣ. Мы помѣщаемъ здѣсь сію піесу изъ
особеннаго уваженія къ почтенной памяти
покойнаго, и для ободренія молодаго сочи-
нителя. Университетскіе питомцы всегда
оплечались благородными чувствами при-
знашельности къ своимъ наставникамъ.

дѣшеля моего хочу скорбѣшь и пла-
кашь! —

Ахъ, однѣ слезы и спенанія суть
вѣрные сотоварищи злополучныхъ! —
Сто крапъ несчастень шопъ, кто уже
и ихъ лишился!

Не за шѣмъ я пришелъ сюда, чпобъ
ропшашъ на подобныхъ себѣ; — не за
шѣмъ, чпобъ сѣшовашъ на оставленную ва-
ми жизнь, — вы, щаспливцы, прошекшіе
океанъ превратностей! . . . За чѣмъ нару-
шашъ покой вашъ? Слѣды горестей давно
истребились изъ памяти вашей! — за
чѣмъ теперь возобновляшъ оныя? . . .
Гробы ваши потряслись бы, ешьлибы по-
знали здѣсь происходящее! . . . Нѣтъ,
не за шѣмъ пришелъ я сюда, прискобный;
сюда завлекло меня мое несчастіе, сю-
да влечешъ меня моя благодарность!
здѣсь опочіешъ мой наставникъ, мой
другъ, благодѣшель мой! — Судьба, не-
умолимая судьба, на восемнадцатой вес-
нѣ моего возраста похишила его у ме-
ня! а съ нимъ вмѣшшъ и мое щаспіе!

Вопль единственная цѣль моего къ вамъ посѣщенія! . . .

Миръ праху швоему, другъ человѣчества! опочивай покойно въ нѣдрахъ хладныя земли! Съ горестію приближаюсь къ тебѣ, Мужъ почтенный! съ шрепепомъ и благоговѣніемъ объемлю подножіе швоего памяшника; — прими лобзанія мои, сіи слабыя доказательства моей къ тебѣ благодарности. — Слезы мои не прешапушь вѣчно лишься надъ гробомъ швоимъ! стенанія мои будешь передавать одна ночь другой ночи. — О, ешълибъ я звалъ, что онѣ могутъ возбудить тебѣ опъ снас его, ешълибъ слѣзы, эши горестныя и вмѣстѣ благодарныя слѣзы, могли согрѣшь охладѣвшій прахъ швой и оживить тебѣ! о, тогда излились бы онѣ вмѣстѣ съ моею жизнію! я благомъ бы почелъ смерть свою, ешълибъ могъ возвратить свѣту благодѣтеля сирыхъ, — полезнѣйшаго обществу члена, — вѣрнѣйшаго сына Монарху и Ошечеству! —

Но увы, спѣнанія мершвухъ не воскресяшъ!

О Благодѣшель мой! — услыши гласъ оставленнаго побою, безроднаго, безъ упѣшнаго, — подобно изсохшему листку оппавшему отъ древа, возмешаюсь я, жершва бурей жипейскихъ! Со спраспми пылками, съ душой чувспвительной и доброй (съ сими ничпожными качеспвами въ семь свѣшѣ) я осиропѣлъ! Кпожъ удержишъ меня? кпо подасшъ мнѣ совѣшъ въ моей неопытноспи? кпо призришъ меня? кпо облегчишъ бремя золь моихъ? Не спало шебя, Благодѣшель мой! . . . и я, одинъ съ душою унылою прихожу оплакивашъ не посѣщаемую родспвенниками могилу швою. Думаль ли я, шакъ рано, на зарѣ еще дней моихъ познашъ груспъ сиропспва, шакъ скоро спешашъ надъ прахомъ швоимъ! Боже мой, на шолишъ даль мнѣ познашъ радоспъ, чшобъ чрезъ оную я позналъ болѣе груспи! Ахъ, эшо ужасно! Въ щаспливыхъ дняхъ моей

молодости, руководимый побою, я въ шебѣ имѣлъ отца, брата, друга, наспаника: — все мое родное, все драгоценное! Подъ кровомъ швоей благости жизнь моя была подобна ручейку, тихо капающему спруи свои подъ сѣнію древесныхъ вѣтвей; — никакая буря не могла возмутишь его. — Никакая грусть не могла утомлять души моей! . . . Мирно и шаспливо текли дни мои! . . . Увы! гдѣжь сіи пріятныя, очаровательныя минушы моей жизни? — мгновенно сокрылись! — И скука, единственная подруга несчастныхъ, неразлучно со мною пребываетъ!

Неисповый врагъ, поколебавшій спокойствіе любезнѣйшаго Опечесства — принудилъ насъ оставишь мирное жилище наше. — И мы удалились сюда (*). Ахъ! думалъ ли шы, Мужъ почтеннѣй-

(*) Въ Нижній - Новгородъ.

шій, оставляя милую родину свою, оставляя друзей и поварищей, здѣсь, въ краю чуждомъ, въ снранѣ дальшой обрѣспи вѣчное, тихое себѣ жилище! —

Боже! судьбы твои неисповѣдимы!... Опечесство призывало вѣрныхъ сыновъ своихъ; — и ты, Мужъ доблесный, — пылающій всегда ревностною любовію и вѣрностію къ Добродѣтельнѣйшему изъ Монарховъ и Опечесству, благословилъ меня на поле ратиное. —

Увы! могъ ли я представить себѣ, когда сдѣшилъ исполнить священной долгъ гражданина? когда, прощаясь со мною, ты не однократно прижималъ меня къ своему опеческому сердцу, могъ ли я думать, что оно бьется для меня въ послѣдній разъ! — Несчастный! я не воображалъ, что эшопъ мигъ запечатлѣлъ нашу разлуку, разлуку вѣчную, невозвратимую! я не думалъ, что эшопъ мигъ былъ послѣднимъ для моего щасія!

Книж. X и XI.

Л

Почто же Смерть, сія жестокая истребительница не соединила меня съ тобою шамъ, гдѣ неисповая рука ея ежеминутно сражала пысящи? — Не однократно была она надъ главою моею, и допустила вѣщаснѣйшему пережить дни его благодѣтеля; — не уже ли для того, чпобъ я понесъ все бремя золь сей жизни! —

Боже! я съ кротоспію покоряюсь жребію моему. — Буди воля Твоя!

Едва челнокъ жизни моей началъ свое плаваніе; — едва новому моему взору открылся океанъ преволненной человѣческой жизни; едва пысячи прелеснѣйшихъ каршинъ представились моему воображенію; — едва польспила мнѣ надежда, бышь полезнымъ себѣ и другимъ, когда исполню опеческія швои наставленія; — едва только щаспіе блеснуло для меня, какъ алчная смерть прекрашила драгоцѣнные дни швои, — и все мгновенно сокрылось! —

И гдѣ ужасная вѣсть сія постигла злощаснаго? — Въ сѣранѣ далекой, въ сѣранѣ мало мнѣ извѣстной, на поприщѣ, въ которомъ полезнѣйшія швои наспавленія, для меня были болѣе необходимы (*). Меня увѣдомили сначала о швоей болѣзни. Находясь среди священныхъ Мѣстѣ, влекомый сердечнымъ желаніемъ, я спѣшилъ принесть моленіе души моей о здравіи швоемъ. Я припекъ во свяпилице неплѣнныхъ останковъ Мужей праведныхъ (**); я повергаюсь предъ гробами Оныхъ, умоляю Превѣчнаго, спасши дни моего благодѣтеля, молю! молю о здравіи шогда, какъ уже не было шебя на свѣтѣ (***) . — О благодѣтель мой! какой еще ударъ можешъ быть жеспо-

(*) Въ Кіевѣ.

(**) Въ пещеры, гдѣ обрѣщаются моши Св. Угодниковъ.

(***) На другой день я узналъ о смерти П. И.

чае для сердца? — Гдѣ прежде и слѣда го-
 рести для него не было, шамъ вдругъ съ
 смертію швоею — и скорбь, и бѣдность,
 и опчаяніе! — шакъ! рано опягошѣла
 надо мною испытующая рука Промысла
 непоспнжимаго, надо мною, беспомощ-
 нымъ, опдаленнымъ, опъ родспвенни-
 ковъ, опъ друзей своихъ рано я
 я испиль полную чашу горестей! . . . и
 никто не упѣшалъ меня, никто не хо-
 шѣлъ видѣшь слезъ моихъ; никто не хо-
 шѣлъ слышашъ вздоховъ нещаснаго. —
 И я одинъ, одинъ съ печалію, съ распер-
 занымъ сердцемъ проводилъ дни среди
 скуки и унынія! — Твой шпомецъ, я
 не былъ свидѣшелемъ блаженной кончины
 швоей! — Благодаршель мой! — почшо
 свирѣная судьба не допустила меня при-
 няшь послѣдній вздохъ швой? — почшо
 я не могъ получишь послѣдняго поцѣлуя
 съ охладѣвающихъ успъ швоихъ! — И
 послѣдняя слеза швоя, выкапнвшаяся изъ
 померкшихъ навѣки очей швоихъ, пала
 на хладную землю, не будучи оперта

мною! — и я не имѣлъ удовольствія гореспнаго, и вмѣстѣ священнаго, опдашь послѣдней почести тебѣ, моему благодѣтелю, память котораго не испребитсѣ изъ сердца моего до послѣдняго вздоха моей жизни! Увы! и мои благословенія, слезы и моленія не напушпвовали тебѣ въ мѣръ лучшей! . . .

Но я клянусь надъ прахомъ швоимъ, клянусь Богомъ, котораго ты научилъ познавашъ меня, я клянусь, и скорбѣшь о тебѣ вѣчно! И еспьли, тамъ, за гробомъ слышатъ насъ души намъ любезныя; ты зришь мои слезы, зришь мою благодарность, — зришь, съ какимъ благоговѣннемъ я повергаюсь предъ подножіе памятника швоего; съ какимъ неописаннымъ чувствомъ лобзаю ту землю, которая скрываетъ неоцѣненные оспашки швои! . . .

И такъ, ты здѣсь покоишься, благошворительный Спраховъ! . . . здѣсь, подь этой хладной землею, подь этимъ бездушнымъ камнемъ . . . Гдѣжь ша привлекательная сановитость, ша милая пріятность, написанная на благородномъ челѣ швоемъ, — ша кропость, которая изображалась въ свѣшлыхъ взорахъ швоихъ? . . . Гдѣ шѣ велерѣчивыя уста, копорыя споль усладительно проповѣдывали истину и чудеса природы? — Не ужели все на вѣки изчезло? — не ужели человѣкъ послѣ жизни, которая была споль обильно усѣянна цвѣтами добродѣтели, долженъ преобращишься въ ничтожество? Нѣшъ! . . . нѣшъ! . . . ты не умеръ, другъ человѣчешва! — ты живешь въ сердцахъ, шобою облагодѣтельствованныхъ. — Одинъ шопъ умираешь навѣки, кшо живъ въ семъ мрѣ для себя! — но ты будешь живъ въ памяти шобою жившихъ! — Смерть есть уснокоеніе спрасшямъ нашимъ и желаніямъ. Она есть пробужденіе опъ сна печальнаго, или пріятнаго. Истинная жизнь

памь, за предѣлами гроба. — И ты, наслаждаясь памь оною, будешь наслаждаться возпомяніемъ тѣхъ благъ, которыя швориль въ сей жизни! —

Кто знавшій себя въ семь мірѣ, знавшій душу швою, придетъ сюда, увидишь гробъ швой, — и не оросишь его слезами!

Не одинъ я поперялъ въ шебѣ наспавника и покровишеля! — Кто отходилъ отъ жилища швоего, не получивъ желаемого? какой сынъ, оставленный сиротою, не обрѣлъ въ шебѣ попечительнаго опца? — Кто, лишенный брата или друга, въ швоихъ милоспяхъ не возвратилъ его обратно? Старецъ, угнѣщенный древноспію, помящійся подъ игомъ золь находилъ въ шебѣ всегда покровъ и ушѣшеніе! — Тысячи благословляли шебя! тысячи молили сь о имени швоемъ! — и тысячи лютъ слезы о шебѣ! - - Самое Опечеспво состраждетъ о преждевременной поперѣ споль достойнаго сына швоего! —

Какъ сладко, какъ утѣшительно
быть благошворителемъ сирыхъ! имя
благодѣтеля и по смерти его любезно!

О Боже! Ты, покаравшій меня, прими
моленіе души моей, низпосли оправду и утѣ-
шеніе преселившемуся въ горнія селенія
Твоя. — На ловѣ праведныхъ Твоихъ
даждь ему жизнь вѣчную! Про-
сти, благошворитель мой! — въ по-
слѣдній разъ повергаюсь предъ подножіе
гроба швоего, послѣдній разъ лобзаю, хлад-
ную могилу швою. — Въ послѣдній разъ
слезы благодарности проливаю надъ пра-
хомъ швоимъ (*). Увы, можешь быть, скоро

(*) Прощаніе сіе точно было послѣднее, ибо
на другой день я оставилъ Нижній — Нов-
городъ.

и я преселюсь къ тебѣ! — прости до
радостнаго утра!

Опочивай съ миромъ, наславникъ и
покровитель сирыхъ! — (*).

Д. Рдль.

Отъ Издателя.

Прекращая изданіе Амфіона нынѣш-
нимъ годомъ, намѣренъ я возобновить
немедленно Публичные Чтенія свои о Сло-
весности, начатыя мною въ 1812 году,
и прерванныя несчастнымъ впорженіемъ
въ Москву непріятеля. Лестные отзывы
многихъ почтеннѣйшихъ Особъ о прошед-
шихъ Чтеніяхъ, и ободрительное желаніе,

(*) Какъ жаль, что кромѣ сихъ строкъ, на-
писанныхъ мною карандашомъ на гробѣ сего
почтеннаго Мужа, другія не украшаютъ
оного! Сочин.

чтобъ я продолжалъ ихъ, принуждающъ
 меня остающееся время отъ службы, по-
 святивъ на сие дѣло. Порядокъ и образъ
 Чтеній будетъ попрежнему, какъ и прежде.
 Повторивъ сокращенно общія правила о
 Краснорѣчїи и Поэзіи, займусь я изложе-
 ніемъ правилъ различныхъ родовъ сочи-
 неній; также чтеніемъ и разборомъ зна-
 менитѣйшихъ Россійскихъ Писателей. —
 Для сего назначенъ одинъ день въ недѣлю,
 суббота. — Засѣданія открываются въ 1.
 часу по полудни, въ домѣ Ея Превосходи-
 тельства, Аграфены Федоровны Кокошки-
 ной, бывшемъ прежде Графа Мамонова,
 противъ церкви Бориса и Глеба. — Полной
 курсъ Чтеній продолжится до Іюня мѣ-
 сяца. Если скоро соберется достаточ-
 ное число Слушателей, то я могу начать
 его въ теченіи сего же мѣсяца. Цѣна
 билета за 24 чтенія, или полной курсъ
 полагается 50 рублей.

Смѣю ласкаться себя надеждою, что
 печеннѣйшіе Любители и Любительницы

Россійской Словесности удостоятъ меня и нынѣ благосклоннаго Своего посѣщенія; при семъ всепокорнѣйше прошу поскорѣе увѣдомишь меня о своемъ желаніи, дабы я немедленно, судя по числу Слушателей, могъ взять нужныя мѣры, какъ въ разсужденіи залы, такъ и въ предуготовительномъ разположеніи работъ своихъ. Упопроблю всѣ мои силы, дабы заслужить благосклонное вниманіе почтеннѣйшей Публики, и особенно, быть полезнымъ молодымъ охотникамъ до Словесности, которыхъ, или должность, или другія занятія отвлекають отъ слушанія Лекцій Университетскихъ. — Зная, что я говорю долженъ предъ Слушателями, изкушенными уже въ главнѣйшихъ началахъ науки и вкуса, постараюсь, чтобы мои Чтенія, сколько можно, болѣе чужды были сухости обыкновенныхъ Лекцій, впрочемъ иногда необходимой. — Сообразно существу преподаваемого мною искусства, первое попеченіе

мое будетъ — соединить, по силамъ своимъ пріятное съ полезнымъ.

Императорскаго Московскаго
Университета Профессоръ
Алексѣй Мерзляковъ.

Конецъ X и XI книжки.

На стран. 160 й въ стихѣ 9 мѣ ошибкою напечатано: *согласна я, рекла и пр.* Должно читать *согласенъ я, рекла и пр.*

AMFION

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

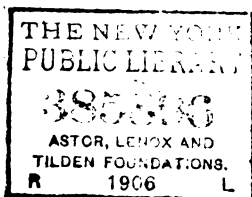
~~~~~  
Д Е К А Б Р Ъ.  
~~~~~


МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1855.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Января
21 дня 1816 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Денигубскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Цицеронъ. (Окончаніе) -	1
II. Аукціонъ, или секшы Фило- софовъ. - - - - -	37
III. Разговоръ о путешествіи.	64
IV. Нѣчто о чудесномъ. -	76
V. Сравненіе Ариспида съ Ка- лономъ Ушическимъ. -	83
VI. Посланіе о стихотворствѣ. (Окончаніе) - - - - -	103
VII. Двѣ Оды Горація. - -	120
VIII. Новый годъ. - - - -	123

I.

Ц И Ц Е Р О Н Ъ.

(О к о н ч а н і е.)

Цицеронъ въ превосходномъ практическомъ своемъ о естествѣ боговъ, кажется, предположилъ особенно доказательство и оправданье Провидѣніе. Сперва представляеть онъ Епикурейца, на Провидѣніе возстающаго, попомъ догматы, по видимому, принадлежащія особенно учителю сей школы: ибо извѣстно, что, рассуждая объ атомахъ, онъ принялъ все ученіе Демокрипа, хотя и весьма дурно отзывался объ немъ въ своихъ книгахъ. Цицеронъ замѣчаетъ здѣсь со стороны Епикура неблагодарность; эпито, по моему мнѣнію, походитъ болѣе на нѣкоторую хитрость тщеславія Епикурова, который старался унижить того, у кого заимствовалъ физическое ученіе свое, дабы заставить думать, что ничего нѣтъ хорошаго въ семъ ученіи, кромѣ собственныхъ его, или сходныхъ съ его мнѣніями, предположеній.

Книж. XII.

▲

По справедливости сіе ученіе было очень маловажно, и ашомы, какъ Демокришовы, пакъ и Епикуровы, не заслуживали того, чтобы объ нихъ спорили. Тщешно Лукрецій старался придать имъ важности стихами своими: ибо ничпо не препятствуетъ, облакашь заблужденія споль же стихотворно, какъ и испину, пакже убиратьъ безобразіе, какъ и самую красоту. Цицеронъ, кошорый, можетъ бышь, потому, что нападаеть на Епикура, говоритъ прямо, что вся *Епикурова Философія была вообще презираема просвѣщенными людьми.* „Не понимаю (прибавляеть онъ ксташи въ семь случаѣ), почему не „было ни одного безразсуднаго мнѣнія, ко- „его бы не выдавали и не защищали Фило- „софы.“ Епикуръ не былъ исключень изъ сего числа, и его боги явились еще болѣ смѣшными, нежели его міръ ашомовъ: ибо, при всѣхъ до водахъ, мы не имѣемъ никакого понятія о томъ, какимъ образомъ сотворень міръ сей; но Метафизика, раздробляющая простыя понятія здраваго разума, еще со времянь Епику-

ра открыла свойства, необходимо заключающіяся въ понятіи о Божествѣ. Все заставляешь смѣяться надъ шѣмъ жалкимъ пріятнымъ досугомъ и сладостною безопасностію, коими Эпикуръ надѣляетъ боговъ своихъ, не принимающихъ ни въ чемъ участія для того, чтобы не упомышась, не оскорбляющихся ничѣмъ для того, чтобы не имѣшь печалей, не заботящихся ни о чѣмъ для того, чтобы не возмущашь сего совершеннаго спокойствія, которое Эпикуръ долженъ былъ приписывать богамъ своимъ, также какъ и мудрецу своему. — И Эпикуръ рассуждалъ основательно! Вы согласитесь, что Стоикъ Бальбусъ, котораго Цицеронъ проповождаетъ Эпикурейцу, много выигрываетъ отъ такихъ глупостей: ибо если Стоики безумно хопѣли сдѣлать мудреца своего какимъ-то богомъ, то съ другой стороны они имѣли о божествѣ священнѣйшія понятія; и Бальбусъ очень смѣется надъ Эпикурейцомъ, который, не примѣчая никакого различія между божественною и чело-

вѣческой природою, увѣреннымъ кажется въ томъ, будто дѣла Бога подобны трудамъ чловѣка, будто Богъ равно не зиждетъ безъ орудій и средствъ, какъ и чловѣкъ, будто Богъ не можетъ бдѣть надъ твореніемъ Своимъ безъ собственнаго безпокойства, не можетъ наказывать, не будучи огорченнымъ, хотя и земные судіи наказываютъ злодѣйство безъ смущенія и гнѣва.

Здѣсь должно отдать справедливость древнимъ. Сіе богословіе Эпикурово, возобновленное и въ наши времена съ тѣми же доводами и почти тѣми же выраженіями (*), было у нихъ въ столь общемъ поруганіи, что наконецъ одинъ изъ учениковъ Эпикуровыхъ, дабы предохранить память своего учителя отъ столькихъ посяганій, рѣшился — какъ повѣренный покойника — обнародовать, что Эпикуръ никогда не вѣрилъ существованію Божества, что, единственно для

(*) Особенно въ книгѣ Дидроша: *Code de la nature*.

прикрышія своего безбожія, и для избѣжанія бдишельности законовъ, прибѣгнуль онъ къ сему нелѣпому ученію, которое, не опвергая явно Божества, по крайней мѣрѣ допускало нѣкое ненависное божество, существующее безъ всякой цѣли, праздное, презрительное, заставляющее отъ себя отвращаться.

Между прочими глупостями, Епикуръ утверждалъ, что боги необходимо должны имѣть человѣческую наружность: ибо имъ прилична только прекраснѣйшая изъ всѣхъ наружностей, а нѣтъ другой наружности прекраснѣе человѣческой. Противное ему разговаривающее лицо опровергаетъ его здѣсь съ особеннымъ остроуміемъ; съ другой стороны дѣшская важность, съ какою Епикурецъ выхваляетъ полки своей секты, и которая весьма походитъ на важность нынѣшнихъ матеріалистовъ, кажется еще смѣшнѣе. Съ какою благородною гордостью хвалился онъ просвѣщеніемъ, различіемъ отъ Епикура, и великими его заслугами, оказанными ро-

ду человѣческому! Кажется, слышишь одного изъ нынѣшнихъ Профессоровъ! „Вы поставили надъ главами нашими (говорить онъ) вѣчнаго деспота, котораго бояться должно повсечасно. Кто бы не утѣшился Бога, бдящаго надъ всѣмъ, промышляющаго о всемъ, однимъ словомъ, Бога, всегда дѣйствующаго? Епикуръ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ таковыхъ спраховъ, какъ и боговъ освобождаетъ онъ отъ всѣхъ безпокойствъ. Онъ возвращаетъ вамъ свободу, окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ такимъ существомъ, которое никому неспособно причинять ни малѣйшаго огорченія, ниже само огорчаться. *Вопль и стинное* понятіе, каковое должно имѣть о превосходной и совершенной природѣ! *воплъ самое честное и святое почтеніе*, каковое должно Божеству оказывать!“

Одна изъ трудностей, которую пропивополагаетъ онъ созданію міра, и которая весьма громко повторяема была въ наше время, состоитъ въ слѣдующемъ

вопросъ: „что дѣлалъ Богъ до сотворенія міра, и почему разсудилъ сотворить міръ въ одно время, а не въ другое? Ибо не лзя вообразить о Богѣ, что Онъ, посреди вѣчнаго Своего спокойствія, началъ производить шолкое множествво вещей, не шворивъ шполь долгое время. И для кого все сіе создано? Для человѣка. Но большая часть людей состоишь изъ глупцовъ, и слѣдовательно Богъ, Который не восхотѣлъ бы шворить для глупыхъ, шворилъ шолько для весьма малаго числа!“

Поелику сіе возраженіе было спо разъ оровергаемо въ наши времена, а здѣсь не мѣсто углубляться въ метафизическія умозрѣнія, шо я замѣчу одно. Скучно и спранно слышашъ безуміе гордости чело-вѣческой, взывающей къ Творцу міра: я никогда не могу понять, какимъ образомъ создалъ Ты все видимое; по крайней мѣрѣ не знаю, почему не создалъ Ты онаго ранѣе, и что дѣлалъ Ты прежде; я не могу вѣрить, чтобы Ты когда-нибудь не дѣлалъ ничего, по крайней мѣрѣ, чтобы Ты не далъ мнѣ опчета въ Своей вѣчности!

Цицеронъ слегка касается ничтожныхъ клеветъ нашихъ Едикурейцовъ, но говоритъ съ особливою важностію и строгостию о пагубныхъ слѣдствіяхъ сихъ безбожныхъ системъ, клонящихся единственно къ разрушенію основы общественныхъ постановленій, и сверхъ того онъ поступаетъ такъ, какъ поступали всѣ благоразумные, честные люди со временъ Цицерона до нашихъ дней. Вы увѣрены, что онъ весьма краснорѣчивъ въ описаніи красотъ, богатствъ и гармоніи физическаго міра; это такое мѣсто, въ которомъ, мнѣ кажется, доказалъ онъ особенное искусство и обширность ума своего, и которое обрабатывалъ съ большимъ удовольствіемъ. Надобно имѣть сколько же познаній и искусства, чтобы переложить на свой языкъ сіе оплечное мѣсто въ Латинскомъ краснорѣчїи (*), и я долженъ отка-

(*) См. 2 ю книгу de natura deorum § 39 и слѣд: Ac principio terra universa и проч. Цицеронъ никогда ничего не писалъ краснорѣчивѣе.

запъ себѣ въ удовольствіи, которое могъ бы почерпнуть изъ того, естлибы множество предметовъ не увлекало меня дальше, и по необходимости не заключало въ шѣсныя предѣлы.

Цицеронъ слѣдовалъ всегда вѣрно методѣ Академической, говоритъ pro и contra. Послѣ того, какъ Бальбусъ сдѣлалъ напередъ легкое нападеніе на Эпикурово ученіе, онъ прошивопоставляетъ защитнику Провидѣнія, Академика Коппу, который всступаетъ въ суровый бой, и весьма сильно изъясняетъ трудности, касающельно нравственнаго зла, трудности споль существенныя, что одно Опкровеніе могло разрѣшитъ ихъ. Но Цицеронъ, зная и чувствуя, что самыя не разрѣшимыя трудности не могутъ вредитъ положительнымъ началамъ, одобряемымъ по необходимости разумомъ, и что изъ сихъ трудностей ничего не слѣдуетъ, ежели въ подобныхъ случаяхъ мы не умѣемъ ни на что дать отвѣта; Цицеронъ, будучи увѣренъ, что понятіе о Провидѣніи

въ самомъ себѣ столько неразлучно съ понятіемъ о Божествѣ, что одно безъ другаго не можетъ существовать, и что оба сіи понятія столь же доказаны, какъ и необходимы; что, если доказательства не разрушаютъ всѣхъ возраженій, то возраженіями еще менѣе разрушающія употребленные доводы, — Цицеронъ оканчиваетъ съ своей стороны въ пользу Бальбуса, коего мнѣніе, казалось ему, болѣе подходило къ правдоподобію (чѣмъ обыкновенно довольствовались Академики), и коего заключенія, какъ видѣли вы прежде, по справедливости заслуживали вѣроятіе.

Онъ написалъ весьма важное сочиненіе въ шести книгахъ, въ томъ же родѣ и подъ тѣмъ же названіемъ, какъ и Платоново, сочиненіе о Республикѣ. Оно для насъ поперяно; за сими Цицеронъ издалъ другое о законахъ, которое дошло до насъ весьма нецѣльное. Часть, оставшаяся намъ, содержишь въ себѣ половину нравственныхъ и до религіи касающихся, и половину политическихъ разсужденій.

Подобно Платону, Аристоделу и всемъ древнимъ, Цицеронъ полагаетъ величайшую важность въ религии и Богопочитаніи, которое занимаетъ весьма обширное мѣсто въ прехъ оставшихся намъ книгахъ сочиненія его о законахъ. Онъ самъ отъ себя говоритъ съ Квинтомъ, брапомъ своимъ, и Аппиикомъ, другомъ своимъ, кои внимающъ ему безпрекословно. Изъ сего сочиненія видно, какая основа была того, котораго было оно слѣдствіемъ, видно, что его планъ правленія основывался на власти народа, управляемаго *rēpētiēlē* Сената, и въ семь словъ *rēшеніе* (*auctoritas*) заключалось на Латинскомъ языкѣ обыкновенно высокое понятіе умственной власти, отличной отъ власти народа, которая была только могуществомъ силы. Все искусные Латинисты признали различіе между словами *potestas* и *auctoritas*, изъ коихъ первое употребляется безъ разбора въ хорошую и въ худую сторону, а другое произносится только въ похвалу, и всегда возбуждаетъ чувство почши-

тельность. Для сего-то Римляне говорили во всѣхъ производствѣхъ дѣлъ: *Senatus populusque Romanus*, полагая Сенатъ всегда на первомъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ именемъ *гражданъ* называли они только тѣхъ, кои пользовались правами гражданства, которое требовало многихъ условій, и долгое время было весьма ограничено. Не менѣе того, они были спрости къ званію воина, и поручали защиту опечесства только тѣмъ, коихъ личность ручалась въ любви ихъ къ общесвенному благу. Посему нужно было имѣть извѣстные доходы, чшобы служить оружіемъ, особливо надлежало быть свободнымъ. Марій, вооруживъ невольниковъ, чего никогда не случалось въ Римѣ при величайшихъ опасностяхъ, возбудилъ новое, чрезвычайное негодованіе. Въ послѣдствіи времени законы *народные* распространили до излишества право гражданства, хотя оно никогда не содѣлывалось всеобщимъ. Одни Римскіе граждане могли только подавашь голоса въ шеченіи шеспи сошъ дѣлъ, и когда до-

пущены были къ тому Италіянскіе народы во время Маріевыхъ браней, тогда Республика со всѣхъ сторонъ клонилась къ паденію. И такъ не удивительно, ежели Цицеронъ въ политическихъ и философскихъ книгахъ своихъ оказываетъ сильное презрѣніе къ черни: таковы были правила Римскаго Чиначалія, о которомъ долженъ я здѣсь рассказывать, а не судить. Извѣстно, что подобныя изслѣдованія были бы тѣмъ болѣе оскорбительны, что ихъ не лзя рѣшить посредствомъ однѣхъ умствованій, и напрасно было бы терять слова и время.

Цицеронъ особенно и весьма краснорѣчиво распространяется объ естественной правотѣ, какъ о руководительницѣ всѣхъ законовъ, производя оную отъ правоты Божественной, которую полагаетъ единственнымъ основаніемъ правоты человѣческой. Вотъ собственныя слова его: „Первымъ основаніемъ всѣхъ правъ должна быть сія всеобщая увѣренность, что

боги суть виновники и распорядились
всѣхъ дѣлъ; всякое управленіе подчинено
могуществу ихъ и провидѣнію; они суть
благодѣтели рода человѣческаго; они вѣ-
даютъ, что значишь каждое нераздѣли-
мое въ самомъ себѣ, какъ дѣйствуетъ оно,
къ чему стремишься, съ какимъ располо-
женіемъ и благочестіемъ исполняешь обще-
ственное служеніе; они полагаютъ раз-
личіе между добрыми людьми и злыми.
Сими-то чувствованіями должны проник-
нуть бытъ всѣ сердца, желающія уразу-
мѣль благо и истину.“

Ежели Цицеронъ споль высоко цѣ-
нитъ религію, то посему опнюдь не
можно порицашъ его въ какомъ либо суе-
вѣрїи и легкомысліи. Онъ былъ весьма
далекъ того и другаго. Если бы честь
его и не была ограждена въ семь отно-
шенїи, то для увѣренности довольно про-
чишашъ его пракшашъ о *гаданїи*. Тамъ
обозрѣлъ онъ всѣ роды обольщенїй, всѣ
чудеса, предзнаменованїя, Сивильскїя
пророчества, и ш. п. Никогда разумъ не

соединялъ такой строгости съ такою веселостію. Онъ не щадилъ ничего, и изъясняетъ естественными причинами событія, освященныя временемъ, которые браше его, Квинтъ, весьма приспосланный къ гаданіямъ, выдаетъ предъ нимъ за чудесныя, хотя оныя по наружности только кажутся таковыми. Цицеронъ, между прочими столь же справедливыми, какъ и остроумными доводами, отвѣчаетъ ему такъ: Я совершенно увѣренъ, что гадатели не могутъ быть сколько несчастливы, чтобы какая либо вещь, ими предсказанная, не случилась: ибо предсказываютъ они на всякой случай. Въ заключеніи всего сочиненія онъ говоритъ, что благоразумный человекъ долженъ уважать религію и презирать суевѣріе. Цицеронъ сдѣланъ авгуромъ, и вопрошенъ былъ брапомъ своимъ: такъ ли будешь онъ говорить въ Сенатѣ, или предъ народомъ, какъ говоришь въ саду своемъ между брапомъ и другомъ о гаданіяхъ, относящихся къ общественному Богослуженію, каковы на прим. суть предзнаменованія и очищенія?

Онъ отвѣчалъ весьма благоразумно : всякая полипическая свяшыня, законами постановленная, не имѣеть ничего общаго съ Философією; и гражданинъ, какъ члвкъ общеспвенный, долженъ погда почитать за общеспвенное устройство все, что ни введено законами въ общеспвенный порядокъ : ибо презрѣніе законовъ всегда бываетъ худымъ примѣромъ и пресшупленіемъ ; но общеспвенный языкъ авгура не принуждаеть ни къ какому вѣрованію разумъ Философа, шакъ какъ гражданинъ не обязанъ почитать лучшими всѣ пѣ узаконенія, коимъ однакожь долженъ повиноваться. Таковое раздѣленіе весьма основашельно, и язычникъ не могъ дать лучшаго отвѣта. Вообще о семъ предметѣ, кошорый, кажешся, изчерпанъ былъ Цицерономъ, новѣйшіе Писатели, наиболѣ смѣявшіеся надъ суевѣріемъ, могли только повшорять не-собспвенныя мысли.

Изъ всѣхъ древнихъ книгъ, писанныхъ о нравспвенности, не знаю, какую

лучше можно доставить юношеству; какъ не пражать о должностяхъ (*). Цицерона. Все сие сочиненіе состоитъ изъ сравненія и слявія честнаго съ полезнымъ; какое сравненіе для общественнаго челоука по справедливости служить искушеніемъ цѣлой его жизни и камнемъ пробнымъ его добродѣтели. Цицеронъ чуждается понкоспей споеквъ, но допускаетъ начала ихъ вообще, полезныя въ семь отношеніи; онъ опвергаетъ въ сихъ началахъ излишества, и догматамъ ихъ всегда сухимъ, хопя и справедливымъ, сообщаетъ привлекательное и убѣдительное краснорѣчіе. Безъ многословія упоминательнаго входитъ онъ во всѣ подробности житейскихъ обязанностей, да-

(*) Книгу сию читають ученикамъ во всѣхъ домахъ общественнаго воспитанія: но, какъ извѣстно мнѣ, исключительно занимающаюся только ея слогомъ, обращая мало вниманія на мысли, копорыя впрочемъ не превышають способностей дѣтскаго возраста, и могутъ служить сѣменами честности и добродѣтели. *Лагарпъ.*

ещь особливую важность существенной связи между обязанностями строгаго правосудія и благоприсойности, связи гораздо тѣснѣйшей и почтѣйшей, нежели какъ вообще думаютъ. Съ прискорбіемъ и какъ бы спыдаясь, признается онъ, что древніе были строже, и слѣдовательно благоразумнѣе насъ въ семъ важномъ пунктѣ, чувствуя всю великость нравственнаго общественнаго закона, обязывающаго уважать самаго себя въ отношеніи къ другимъ, и уважать другихъ въ сравненіи съ самимъ собою; въ словахъ и во всѣхъ наружныхъ поступкахъ, коихъ судьями и свидѣтелями бывають люди, тогда какъ единъ Богъ судитъ внутреннія чувствованія. Исторія Римскаго цензорства, поколику общественыя нравы поддерживали оное, и поколику оно само ихъ поддерживало, представляетъ столь блистательныя примѣры соблюденія сего закона, что не нужно здѣсь повсюду ихъ. Неблагоприсойность и поврежденіе въ послѣдствіи времени находили свое оправданіе въ ученіи Ци-

иическомъ , что и не удивительно: самое имя Циниковъ (*) доказывало безспыдство; но прискорбнѣе того было слышать, какимъ образомъ грубость и соблазнъ обрѣпали покровительство въ Поршикѣ, по крайней мѣрѣ на словахъ. Это было слѣдствіемъ шѣхъ всеобщихъ положеній, худо понимаемыхъ, копорыя служатъ злоупотребленіемъ Метафизики, не кспати приспособляемой. Метафизика превращается въ глупость, какъ скоро основывается на однихъ умственныхъ вещахъ, такъ какъ всякая вещь не на своемъ мѣстѣ дѣлается дурною. Вошъ горшее заблужденіе философское, во всѣ времена опасное! — Оно у древнихъ почти не проспирало важности своей далѣе школы, и иногда служило примѣромъ глупостей и пороковъ, а въ наши времена произвело ужасные соблазны и общеспвенныя зло-

(*) Циникъ происходитъ отъ Греческаго слова, означающаго собаку. Такъ называли послѣдователей сей школы; ибо они имѣли правиломъ бранить всѣхъ людей, и безспыдно позволять себѣ всякую непристойность.

дѣйства: — успѣхъ горестный, но весьма естественный, потому что безуміе послѣдовательней всегда простирается далѣе образцовъ, и потому что излишество подражанія составляетъ характеръ или нашей пылкости, или нашего тщеславія.

Цицеронъ, писавъ эту книгу для своего сына, обучавшагося тогда въ Афинахъ, предваряетъ его, чтобы въ разсужденіи сего предмета, почти совершенно циническаго, не вѣрилъ онъ ни Циникамъ, ни даже Спюикамъ, кои весьма много восставали противъ скромности и приличія подъ предлогомъ, будто бы по, что не постыдно въ самомъ себѣ, можно безъ стыда говорить, или дѣлать въ присутствіи другихъ. Онъ легко опровергаетъ сіе лжеумствованіе, почерпая свои доказательства изъ самой природы, которой повелительные и всеобщіе уроки были первымъ начертаніемъ общественныхъ законовъ. „Послѣдуемъ природѣ (заключаетъ Цицеронъ); и будемъ избѣгать всего, что оскорбляетъ слухъ и взоръ.“

Никто изъ древнихъ лучше Цицерона не понималъ и не раскрылъ согласія правилъ разума съ правилами общественнаго порядка. Онъ, пользуясь столь сильнѣйшимъ средствомъ, оправдываетъ и но ложное понятіе, и даже но ложное названіе *полезнаго*, которое обыкновенно каждый приписываетъ собственной частной выгодѣ. Цицеронъ ясно доказываетъ, что вещь, клонящаяся къ разрушенію устройства общественнаго шѣла, коего мы бываемъ членами, не можетъ по истинѣ быть намъ *полезною*. Сію теорію, указанную Платономъ, столь сильно и ясно присвоилъ Цицеронъ, что можно ему приписать ее. И такъ ему болѣе, нежели кому-нибудь, обязаны мы симъ спорымъ основаніемъ нравственности; подобно Платону, Цицеронъ соединилъ его съ первымъ, т. е. съ закономъ божественнымъ: но Платонъ хорошо понималъ только сей первый законъ, а другой успѣлъ едва замѣтить. Здѣсь предварю я нѣкоторыхъ людей, коихъ вскорѣ буду оспаривать, и кои до шого

превозносятъ Сенеку, что славовыятея презришелями Цицерона, предварю въ шомъ, что, относительно намѣреній истинно философскихъ, всѣ правила Цицероновы имѣють совсѣмъ другую важность и проспанство, нежели всѣ сеншенціи Сенеки. Въ такомъ случаѣ Цицеронъ обладаешъ уже величайшимъ преимуществомъ:—но сколько имѣешъ онъ другихъ! Оный способъ, освящашъ правоту, и лишаешъ довѣрія частную выгоду, сколько превышаетъ во всѣхъ отношеніяхъ по н к о с п и и гиперболы спохескія, составляющія всю основу Философіи Сенекиной!

Кромѣ того, никогда Цицеронъ не предаешся излишнимъ умозаключеніямъ, въ коихъ также состоилъ главный недоспапокъ Поршика и послѣдовашеля оному, Сенеки. Ушвердивъ, сколько должно и сколько можно, сей священный законъ соблюденія общеспвеннаго порядка, Цицеронъ вопрошаешъ себя: позволено ли когда-нибудь жертвовашъ общей пользѣ

умѣренностію и скромностію (*)? и отвѣчаетъ рѣшительно: никогда. „Мудрый и добродѣтельный человѣкъ никогда не опшваживается на поспыдныя и беззаконныя дѣла; никогда, хотя бы то было для блага отечества. И почему? само отечество не хочетъ таковыхъ отъ него поступковъ. И лучшимъ еще образомъ на сей вопросъ отвѣчать должно такъ: Никогда не можетъ случиться споль запруднительное обстоятельство, чпобы польза общественная заставила чеспнаго и добродѣтельнаго человѣка сдѣлать что-нибудь поспыдное и беззаконное.“

Ежели здѣсь вспомните все зло, причиненное словами *civisme* и *moderé*; по легко будетъ заключить, что революціонисты, называвшіе себя филосогами, не подобны были Филосогамъ древнимъ;

(*) Не должно забывать, что сіи слова принимаются здѣсь во всемъ пространствѣ философскаго языка, кошорый объемлетъ все, что ни заключается въ понятіи слова.

или лучше сказать, они сполькоже чужды были Философіи, какъ полипики и челоуѣколюбія.

Не нужно прибѣгать къ Цицерону для того, чтобы возгнушаться ученіемъ тѣхъ, кои повелѣвали сыну доносить на отца своего и отца на сына, даже приводитъ того и другаго на казнь; не только за какія-нибудь худыя дѣла, но и за мысли обнаруживаемыя, или сокровенныя, явныя, или предполагаемыя. Чтобы единственно доставить вамъ удовольствіе, успокойтесь на минушу въ вѣдрахъ природы, еще напому слова сего истиннаго Философа, кошорый, зная хорошо полипику, никогда не пропивополагалъ оную природѣ. Онъ разсмаприваетъ множесшво возможныхъ случаевъ, въ коихъ бы одна должность, по видимому, пропивоорѣчила другой, входитъ во всѣ шаковыя подробности, во первыхъ пошому, что излагаетъ часть нравспвенности, соспоящую въ различныхъ степеняхъ долга, а во впорыхъ и пошому, что

сія наружныя пропивоположности часно
 вѣспрѣчаются въ кругу гражданской жи-
 зни. Онъ не ограничивается случаями
 шокмо общими, но предполагаетъ весь-
 ма рѣдкіе, и въ примѣръ приводишь свяшо-
 папство, которое почиталось ужаснѣй-
 шимъ злодѣяніемъ у Римлянъ. „Ежели
 знаете вы, что отецъ вашъ ограбилъ
 храмъ, или сдѣлалъ подкопы, для по-
 хищенія общественнаго сокровища
 (которое всегда сохраняемо было въ хра-
 махъ); тогда должны ли вы объявить
 о томъ начальству? эшо было бы без-
 законно. Скажу болѣе: ежели отецъ
 вашъ обвиненъ въ судилищѣ; то вы дол-
 жны защищать его, сколько возможно. —
 Какъ! не должно ли предпочипать благо
 общее всему? — Безъ сомнѣнія должно;
 но благо общественное прежде всего ве-
 литъ исполнять природныя обязанности,
 и не нарушать сыновняго долга. — Но
 ежели отецъ мой хочеть содѣлаться
 тираномъ, или измѣнить опечеству; пог-
 да буду ли хранишь молчаніе? — Сей
 только случай пребуеть исключенія. Вы

должны употребить всѣ средства, чтобы отвратить отца своего отъ преднамѣреваемаго злодѣйства. Если же онъ упорно пребываетъ въ своемъ намѣреніи; тогда благо отечества должны вы предпочесть благу отца своего.“

Цицеронъ судитъ основательно. Похищеніе общественнаго сокровища, или ограбленіе храма не могутъ низпровергнуть полипического шѣла и общественнаго порядка; въ такомъ случаѣ законы природы должны быть предпочтительнѣе: но ежели явная гибель угрожаетъ благу общему; тогда польза общая превышаетъ всѣ обязанности, ибо всѣ онѣ велятъ сохранять общественное благо. Въ достоинство нравственности, столь твердое въ основаніи своемъ, что вы находите въ ней рѣшеніе всѣхъ задачъ, согласное съ шѣми правилами, по коимъ Брутъ, предавъ смертной казни обоихъ дѣтей своихъ, исполнилъ только долгъ свой.

Цицеронъ согласенъ со всѣми моралистами, но не со всѣми полипиками въ

помъ , какими средствами лучше удерживать власть , средствами любви , или страха ? Онъ говоритъ рѣшительно : „Любовь есть благопріятнѣйшее средство къ сохраненію власти; и нѣтъ ничего въ семь случаѣ вреднѣе страха. Никакая власть не можетъ сопротивляясь всеобщей ненависти. На послѣдокъ (присовокупляетъ онъ) извѣстно, что владычество, основанное на силѣ, обыкновенно думаетъ поддерживать себя жестокостію : такова политика деспотовъ ! Но сія политика въ народѣ свободномъ совершенно нелѣпа.“

Онъ начертываетъ правила денежныхъ и торговыхъ оборотовъ , коихъ изслѣдованіе тѣмъ поучительнѣе , что таковыя обороты принадлежатъ всѣмъ людямъ и всѣмъ временамъ. Онъ дѣлаетъ рѣшенія, всегда сообразныя сему правилу своему: противно природѣ вещей и людей, т. е. противно основѣ общественнаго порядка, отнимають у другаго ему принадлежащее, причиняють ему малѣйшій ущербъ

посредственно или непосредственно, дѣйствіемъ или опущеніемъ, вредимъ словомъ или умолчаніемъ. Изъ всѣхъ приводимыхъ примѣровъ извлекаешь онъ сію великую, всеобщую и дѣятельную истину, что прямая (complete) честность должна простирается до нѣжности радужной; или иначе: что нѣжность сія есть не что другое, какъ совершенная честность. „Родось чрезвычайно скуденъ, и слѣдовательно хлѣбъ тамъ весьма дорогъ. Александрійскій купецъ привозитъ шуда хлѣбъ и, пользуясь нуждою, получаешь за него, что хочешь. Но отправляясь изъ Александрии, видѣлъ онъ множество другихъ кораблей съ хлѣбомъ, готовившихся отплыть въ Родось. Честный купецъ обязанъ ли объявить о томъ Родянамъ?“ Цицеронъ приводитъ притивныя мнѣнія двухъ весьма спрогихъ и просвѣщенныхъ Философовъ, кои много говорили, и *pro* и *contra*. Онъ даетъ отвѣтъ рѣшительной, основываясь на томъ правилѣ, что покупающій долженъ все то знать, что знаетъ продавецъ; иначе

торгъ не будетъ равной, каковымъ долженъ оный бытъ по правиламъ общества человѣческаго. „Въ подобномъ случаѣ умолчаніе продающаго прилично ли искреннему, прямому, правдивому человѣку? Нѣтъ! онъ не будетъ человѣкомъ честнымъ.“

Для меня всегда удивительно было, почему въ дѣлахъ торговыхъ самая прибыль не произвела мѣръ, кои служили бы лучшею, дѣйствительною похвалою честности. Я предполагаю, что купецъ, снискавши законную выгоду отъ своей торговли, ограничилъ себя прибыткомъ, составляющимъ справедливую награду его трудовъ и законное пропитаніе его семейства (на примѣръ говорятъ, что торгова доспавляетъ на 100 шакую-по прибыль), и рѣшился никогда ничего не набавлять, ничего лишняго не запрашивать, не выдавать своихъ поваровъ за лучшеіе, не скрывать въ нихъ недоспавковъ, однимъ словомъ, продавать всегда такъ, какъ хотѣлъ бы покупать. Я полагаю точно, что сей человѣкъ, снискав-

шій однажды честное имя (которое можешь снискать немедленно), содѣлается чрезъ извѣстное время весьма богатымъ по своему состоянію, и не будетъ имѣть иной заботы, кромѣ труда, удовлетворяя толпѣ покупающихъ. Я очень знаю, что нѣкоторые хвалятся положительною, одинакою цѣной на свои шовары: но что это мало для покупателя, и даже подозрительно, вскорѣ показываетъ опытъ. Я разумѣю совсѣмъ другое: человекъ, о которомъ говорю, долженъ быть таковымъ, чтобы можно было послать къ нему робенка, умѣющаго сказать только должное, и чтобы можно было покупать у него съ закрытыми глазами. Я спалъ бы за него боясь одного изкушенія, правда весьма сильнаго, чтобы пріобрѣтенное и утвержденное довѣріе необрашилъ онъ въ способъ обманывать, весьма прибыточный, по крайней мѣрѣ до открытія обмана; поелику прибыль рождаетъ пристрастіе къ прибыли, и удача воспламеняетъ жадность. Но въ семь случаевъ жадность еще мало выиграла: ибо какъ скоро обнаружится.

повсемѣстно обманъ, купецъ не продастъ ничего; никто не придетъ къ нему, какъ къ бездѣльнику. Тогда прибыль, полученная въ продолженіе извѣстнаго времени, и полученная несправедливо, будешь ли споить того, что могъ бы онъ вышорговать во весь остатокъ своей жизни?

Но вотъ слѣдующія задачи, совершенно съ другой стороны затруднительныя; и ихъ, по моему мнѣнію, не должно опустить. Два человѣка посреди кораблекрушенія хватаются за доску, которая спасти можетъ только одного. Кто изъ нихъ долженъ уступить другому? Цицеронъ разрѣшаетъ, что доска принадлежитъ тому, который болѣе полезенъ обществу. Но кто разсудитъ сіе? да хотя бы одинъ изъ двухъ и предпочиталъ себѣ другаго, на собственный вредъ (что значило бы уже много): то сего предпочтенія достаточно ли было бы для того, чтобы побѣдить врожденное и законное желаніе, сохранить самого себя? Цицеронъ говоритъ также: если должно

будешь двоимъ умереть съ голода, или опъ спужи, и естли они спорящъ между собою объ остающейся пищѣ или одеждѣ; то одинъ изъ сихъ двухъ, тошъ, который наиболѣе нуженъ для своихъ согражданъ, имѣеть право получить хлѣбъ или одежду со вредомъ другаго. Замѣшьте, что дѣло идетъ о двухъ человекѣхъ, равныхъ во всемъ прочемъ: ибо примѣры Цицерона не похожи на нѣ, кои часнѣо предспавляешъ Исторія, какъ то: ежели воины дѣлающъ подобное пожертвованіе для спасенія своего вождя, или подданные для спасенія своего Государя. Припомъ случаи, Цицерономъ приводимые, бывающъ въ крайней физической нуждѣ, когда человекъ слѣдуешъ одному махинальному движенію; и можно еще сомнѣваться во всѣхъ общояшельспвахъ, будутъ ли сіи дѣла черпами героизма, великодушія, благотворительности. Но я вообще положилъ бы, что подобныя условія выходятъ изъ круга обязанностей, и слѣдовательно должны бытъ чужды пракшата о нравственности. Нравственность необходимо спеш-

пришь на челоуѣка, какъ на способнаго пользовашься нравспвенными своими способностями; но въ сказанныхъ примѣрахъ, гдѣ челоуѣкъ готовъ ушонуть или умереть опъ голода и спужи (эшо слова Цицероноуы) (*), челоуѣкъ приемлеться шолько за живошное (**), и конечно не время предписывать ему обязанности шогда, какъ чувспвуешь онъ одну шолько первую для всѣхъ одушеуеленныхъ шварей обязанность, спасаешь самага себя; даже предполагая, что въ подобныхъ случаяхъ могушь являшься опышы великодушія (дѣло возможное), опнюдь не лзя выводить правила изъ шого, что бываешь однимъ исключеңиёмъ.

(*) Si fame aut frigore conficiatur.

(**) Чрезвычайный холодъ или спужа конечно заглушають разсудокъ. По законамъ нашимъ шопъ челоуѣкъ, кошорый, умирая съ голода, взялъ бы шайно у продающаго хлѣбъ, не долженъ бышь наказанъ, подобно хищнику. Должно замѣшшь, что я говорю здѣсь объ одной шолько крайности; и сие исключеңие ни мало не опасно; ибо сія шолько крайность заспавила рѣшиться на преспулеңе. Лагарпъ.
Книж. XII. В.

Цицеронъ покажется менѣе строгимъ въ разсужденіи даннаго слова, или кляшвы, сего предмета, споль часто разсмашриваемаго. Онъ держится вообще принятаго мнѣнія, что, ежели дана кляшва на худое дѣло, то слово данное не полько ничего не значить, но и что всякое вынужденное слово не налагаетъ обязательства. „Данное слово (говорить онъ) имѣетъ отношеніе къ совѣсти; ежели вы дали кляшву не по совѣсти, *non ex animi sententia*; въ такомъ случаѣ нѣтъ кляшвопреступленія.“ Но онъ не касается сего весьма затруднительнаго вопроса: можетъ ли честной человекъ, спрашась какой-нибудь опасности, дать кляшву въ шомъ, къ исполненію чего не почиаетъ себя обязаннымъ изъ уваженія къ своему долгу? — Я не буду входить въ изслѣдованіе сего вопроса, зависящаго ошъ весьма многихъ обспоятельствъ, кои сполько могутъ измѣнять обязанности, что не возможно почти положить на все общаго закона.

Сочиненія о Старости и Дружбѣ, натурально менѣе всѣхъ другихъ отвле-

ченныя, были споль часто переводимы, и споль извѣсны чипапелямъ всякаго рода, что я почишаю для себя не нужными всѣ изслѣдованія и выписки. Давно уже оба ошривка сіи снискали всеобщую похвалу; особливо сочиненіе о *Старости* сдѣлалось пріятнымъ даже сполько, сколько и не ожидали: оно, какъ говорили, рождало желаніе соспарѣваться. Еспьли замѣчаны были нѣкоторыя недоспашки въ пракпашѣ о *дружествѣ*; шо, можешъ бышь, сіе происходило ошъ прошивности въ чувспвахъ: никто не любить спарости, хопя всякой желаетъ соспарѣться, и, обыкновенно споль же много шщеславяшся дружбою, сколько сожалѣють о рѣдкости друзей. Каждый хочешъ бышь другомъ, повшоряя сіи извѣсныя слова: *о друзья мои! уже нѣтъ друзей на свѣтѣ!* Къ шщаспію для Цицерона, доказано, что онъ былъ другомъ, и имѣлъ друга. Письма его къ Апшику свидѣтельспвуютъ шо и другое; Апшику посвящилъ онъ книгу свою о *дружествѣ*; но характеры и правила

въ ней изображаетъ Лелій. Онъ-то говоришь, что Сцивионъ не могъ сказать болѣе оскорбительнаго для дружбы, какъ повпоривъ сіи слова древняго Софиста : должно любить такъ, какъ бы должно было послѣ когда - нибудь ненавидѣть. Сіи слова возмущаютъ ваше и мое сердце; и можешь спасться, я буду имѣть удовольствіе судить объ нихъ вмѣстѣ съ вами. Впрочемъ помню, что сей судъ уже произнесенъ, и даже въ стихахъ, кои, естли бывають хороши, то дѣйствуютъ всегда лучше прозы; а приводимые здѣсь стихи почто шаковы, хошя Авшоръ, опличившій себя въ другихъ наукахъ, весьма мало стиховъ сочинялъ въ жизни.

Ah ! perisse à jamais ce mot affreux d'un sage ;
 Ce mot l'effroi du coeur et l'effroi de l'amour !
Songez que votre ami peut vous trahir un jour.
 Qu'il me trahisse, hélas ! sans que mon coeur l'offense,
 Sans qu'une douloureuse et coupable prudence
 Dans l'obscur avenir cherche un crime douteux ;
 S'il cesse un jour d'aimer, qu'il sera malheureux !
 S'il trahit nos secrets, jé dois encore le plaindre :
 Mon amitié fut pure et je n'ai rien à craindre.

Qu'il montre à tous les yeux les secrets de mon coeur:
 Ces secrets sont l'amour, l'amitié, la douleur,
 La douleur de le voir, infidèle et parjure,
 Oublier ses sermens, comme moi mon injure.

Изъ Лагарла. С.

II.

А У К Ц И О Н Ъ,

и л и

СЕКТЫ ФИЛОСОФОВЪ.

(Разговоръ Юпитера съ Меркуріемъ.)

Юпитеръ. Приведи въ порядокъ заллу собранія, поставь стулья, уברי получше, укрась нашъ товаръ; его надобно продашь лицомъ. Меркурій! займи должность присава, сзывай купцовъ, уговаривай, привлекай, хвали красоту всѣхъ философскихъ жизней. Мы продаемъ всѣхъ сорповъ ученые жизни на попребность цѣлаго свѣта; ежелижъ кто не имѣешь наличныхъ, шому сдѣлаешся кредитъ на годъ за вѣрными руками.

Меркурій. Вошь и покупщики; не надо ихъ задерживать; съ чего начнемъ? — поскорѣе.

Юпитеръ. Съ секты Пифагора (*); вели предсташь сему важному шарцу съ длинными волосами.

Меркурій. Эй, Пифагоръ! предстань, и обойди кругомъ все собраніе, чшобъ показаться народу.

Юпитеръ. Провозглашай.

Меркурій. Вошь жизнь небесная и божественная! кто ее купиць? кто желаетъ бышь выше, нежели чловѣкъ? кто хочеть проникнуть въ познаніе гармоніи вселенной, и возродиться послѣ смерти? —

Купецъ. Какія великія обѣщанія! какая мидовидность въ шоварѣ! но въ чемъ состоятъ главнѣйшія его познанія?

Меркурій. Онѣ сославляютъ Арифметику, Астрономію, Геометрію, музыку, Магію и науку гаданій. Ты видишь предсказателя превосходнаго.

Купецъ. Могу ли его спросишь?

Меркурій. Почемужь! очень можно.

(*) Хотя Пифагоръ былъ изъ Іоніи, но секта его называлась Италійскою, по причинѣ, что она возымѣла начало свое въ Италіи. *Перевод.*

Купецъ. Откуда ты?

Пифагоръ. Изъ Самоса.

Купецъ. Гдѣ ты обучался?

Пифагоръ. Въ Египтѣ, у мудрецовъ той земли.

Купецъ. Ежели я тебя куплю, по чему ты меня обучишь можешь? —

Пифагоръ. Я тебя ничему не научу, но сдѣлаю, что ты самъ все вспомнишь.

Купецъ. Какъ же это?

Пифагоръ. Очисти свою душу, и ошдѣля ее отъ скверны, въ ней живущей.

Купецъ. Положимъ, что ужь она очищена; чему ты ее наставишь? —

Пифагоръ. Сперва нужны продолжительный покой, скромность и дѣлительное молчаніе.

Купецъ. Спупай, братъ, преподавай сіи уроки сыновьямъ Крезовымъ; я хочу бытъ человѣкомъ, а не болваномъ; ну! еще что будетъ, послѣ столь долгаго безмолвія?

Пифагоръ. Буду обучать тебя Геометріи и музыкѣ.

Купецъ. Это забавно; должно бытъ прежде гудкомъ, нежели Философомъ; а послѣ этого чему будешь учить?

Пифагоръ. Арифметикъ,

Купецъ. Я ужь ее знаю.

Пифагоръ. Какъ же ты считаешь?

Купецъ. Одинъ, два, три, четыре.

Пифагоръ. Ты ошибаешься; что ты предполагаешь бытъ числомъ четыре, то это десять: — (*) совершенный треугольникъ и наша клятва.

Купецъ. Клянусь самою большою клятвою, я никогда ничего не слыхивалъ чудеснѣе и божественнѣе.

Пифагоръ. Послѣ сего открою тебѣ, что такое четыре стихіи, то есть земля, вода, воздухъ и огонь, ихъ спроеііе, ихъ фигуру, силу, ихъ движеніе.

Купецъ. Какъ! воздухъ, огонь, вода имѣють фигуру?

Пифагоръ. Да, и очень ощупительную: ежелибъ онѣ не имѣли фигуры, то не могли бы двигаться; послѣ сего докажу тебѣ, что Богъ есть число и Гармонія.

(*) Потому что 1, 2, 3, 4, составляютъ 10.

Купецъ. Ты намъ рассказываешь невѣроятныя вещи!

Пиѳагоръ. Я тебѣ скажу еще болѣе. Ты совсѣмъ другой, нежели кажешься самъ себѣ, и будешь нѣкогда совершенно другимъ, нежели теперь.

Купецъ. Чтò ты говоришь? я не шопъ, кто съ побой говоришь!

Пиѳагоръ. Ты шопъ же самой теперь, но ты былъ въ другомъ шѣлѣ прежде, а скоро перейдешь еще въ иной образъ; по системѣ вѣчнаго движенія.

Купецъ. По этому я буду безсмертенъ; но довольно о сихъ вещахъ: скажи, чѣмъ ты питаешься? —

Пиѳагоръ. Я ничего того не ѣмъ, что имѣетъ жизнь; впрочемъ я ѣмъ все, исключая бобовъ.

Купецъ. Да для чегожь ты не ѣшь бобовъ? чѣмъ они тебѣ опрощивили?

Пиѳагоръ. Не опрощивили, но по тому, что натура ихъ чудесная; она представляетъ она имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное: что очень легко можно

замѣпишь, ежели, взявъ зеленой бобъ, сдерешь съ него оболочку; сей же бобъ, свареный и оставленной на нѣсколько ночей при лунномъ свѣтѣ, обращается въ кровь. — Но что всего важнѣе: его въ Афинахъ употребляютъ при выборѣ Судей.

Купецъ. Оспановись; слова твои выше человѣческихъ. Но раздѣвайся; мнѣ хочется тебя осмопрѣшь. О чудо! у него бедро золотое! эпо не человѣкъ, но божество; надобно непременно его купишь, во чтобы то ни стало. Что за него просить?

Меркурій. Десять минъ.

Купецъ. Плачу.

Юпитеръ. Запиши имя купца и мѣсто рожденія.

Меркурій. Эпо Ипаліянецъ изъ окрестности Кропоны и Тарента; но онъ не одинъ, ихъ болѣе прехъ сотъ; они сложились, и покупають всѣ вмѣстѣ.

Юпитеръ. Пускай ведутъ; выславляй другаго.

Меркурій. Сюда, сквернавецъ изъ Понта, герой въ опрѣпяхъ и съ сумкой!

Вошь жизнь мужеспвенная, храбрая, свободная: кшо хочешъ? —

Купецъ. Какъ эшо, господинъ приспавъ! свободной человѣкъ не продается; развѣ не боишься за эшо нагонки въ Ареопагъ? —

Меркурій. Онъ объ эшомъ не забоишпся, попому чшо, въ какомъ бы званіи ни былъ, всегда умѣеть бытъ свободнымъ.

Купецъ. Да чшо можно сдѣлать изъ такого безобразнаго живошнаго? развѣ заспавишь его рышь землю, или носишь воду? —

Меркурій. Нѣтъ, сдѣлай его приврашникомъ, для шого чшо онъ лаешъ, какъ собака, и носишь ея имя.

Купецъ. Опкудажъ онъ, и чшо умѣеть дѣлать?

Меркурій. Объ эшомъ можешъ самъ его спросишь.

Купецъ. Боюсь, чшобъ не укусилъ; онъ скалишь зубы, и смопришь изъ-подлобья. Видишь ли, какъ нахмурилъ брови, и подымаешъ палку?

Меркурій. Не бойся; онъ довольно ручной звѣрь. —

Купецъ. Изъ копорой пы земли, дружокъ?

Диогенъ. Изъ всѣхъ земель Свѣта.

Купецъ. Какъ же это? —

Диогенъ. Я гражданинъ вселенной.

Купецъ. Какое твое намѣреніе?

Диогенъ. Подражаю Геркулесу.

Купецъ. Почемужь ты, какъ онъ, не имѣешь львиной кожи, хотя палка твоя впрочемъ и можешь замѣнить его дубину?

Диогенъ. Сія манія мнѣ служила вмѣсто львиной кожи; онъ велъ войну съ чудовищами; я также сражаюсь съ другими чудовищами, называемыми, спраши, дѣлаю не по приказу, а по своей волѣ, чтобы очистишь вселенную.

Купецъ. Похвальное намѣреніе; во въ чемъ состоишь твое искусство?

Диогенъ. Я врачъ души, защитникъ и другъ присяжный свободы и правды.

Купецъ. Да спасешь тебя Богъ! Ну, великій герой, если я тебя куплю, почемужь меня спавешь учишь?

Диогенъ. Я прогоню ошь тебя наслажденія, я запру тебя въ жилищѣ нищеты; одѣну въ опрелыя; ты долженъ работать, спать на камнѣ, пить воду и ѣсть все, что попадется; имѣешь деньги, послушай, кинь ихъ въ море. Впрочемъ ты не будешь заботиться ни о родственникахъ, ни объ опечесивѣ; что бы тебѣ ни говорили, будешь принимать все за басни; напоследокъ, оставя домъ ближнихъ и родителей, станешь скрываться въ какой-нибудь развалинѣ или на кладбищѣ, а еслили пожелаешь, то и въ бочкѣ, какъ я. Копомка швоя замѣнишь все швое богатство; она будетъ всегда полна волчьими бобами и всякой дрянью; такимъ образомъ посрамишь ты гордое богатство, и поспоришь славою съ Царями Царей. Пускай тебя будутъ оскорблять, бить, мучить: смѣйся надо всѣмъ!

Купецъ. Для сего нужно имѣть сверхъ шѣла раковину черепахи.

Диогенъ. Дѣлай то, чему насъ учили Еврипидъ: *терпи безъ ропоту*. Наконецъ, вошь извлеченіе изъ моихъ познаній: Дол-

жно бышь дерзку, наглу, ругашь весь свѣтъ, и прошиворѣчишь всякому. Это лучшее средство, заславивъ себя удивляясь; надобно имѣть рѣчь грубую, голосъ также, лице пасмурное видъ варварской и дикой, словомъ всѣ ухватки жестокія и звѣрскія, не соблюдать обходительности, ни скромности, ни стыда, шашаться въ мѣстахъ болѣе блестящихъ, но шакъ, какъ бы не было шуть никого, бышь одному между толпами безчисленными. Предметъ любви выбирашъ всегда самой гнуснѣйшій, дѣлашъ все то публично, что бы другой стыдился сдѣлашъ и въ пошемкахъ; когда же наскучишь шебѣ жизнь, то посредствомъ зернышка цыкушы опшравься на шонъ свѣтъ. Вотъ блаженство, мною проповѣдуемое! —

Купецъ. Это ужасно, безчеловѣчно!...

Диогенъ. За то средство самое легкое; здѣсь не надобно ни книгъ, ни правилъ: оно — есть крапчайшій путь къ доспуженію славы, потому что ты почти ни съ чемъ дѣлаешься знаменимымъ, даже и шогда, когда бы ты былъ чебошарь, или носильщикъ; шолько надобно безстыдство, безстыдство, и еще безстыдство!!!...

Купецъ. Для этого не нужно учителей! Не могу придумать, какое бы ремесло было тебѣ приличнѣе, или болшунна, или гаера; народъ всегда любитъ говорунувъ и забавныхъ ругашелей; однакожь, сжели хошите, то вопъ вамъ за него два обола.

Меркурій. Давай! мы и такъ замѣшкались, чшобъ опъ него опвязапсья; онъ ужъ намъ прожужжалъ уши, ругая цѣлой свѣшъ.

Юпитеръ. Вызывай другихъ.

Меркурій. Кого прикажешь?

Юпитеръ. Ариспиппа, сего въ пурпуръ, увѣнчаннаго сластолюбца.

Меркурій. Вопъ лакомой и деликатной кусочикъ! кшо его купишь? Кшо желаетъ вести жизнь сладостную, праздную, на лонѣ забавъ и роскоши? кшо купишь сего миленькаго любимца природы?

Купецъ. Пусть подойдетъ, и расскажетъ намъ, что онъ умѣетъ сдѣлать; еспшли понравится, то куплю.

Меркурій. Не шоропи его; ты видишь, что онъ пьянъ, и съ шрудомъ мо-

жестъ передвигаешь ноги; видишь ли, какъ шапается и бормочешь.

Купецъ. Какой же человекъ, имѣя хотя малой разсудокъ, захочешь обременить себя такимъ негодяемъ! какъ онъ разпрысканъ! — какое брюхо! — Ну, чему онъ гораздъ?...

Меркурій. За столомъ поболтаешь и поспоришь, послѣ обѣда поплясашь; это пріятная забава богачьихъ сластолюбцевъ. Онъ имѣешь весьма ушонченную нѣжность въ разборѣ кушаньевъ и винъ; словомъ, это великой аршистъ роскоши. Онъ воспитывался, жилъ всегда въ Аѳинахъ, или при Дворѣ Царей, и вездѣ пользовался особенною честію.

Купецъ. Расскажи мнѣ начала его философіи?

Меркурій. Правила его ни объ чемъ не заботишься, пользоваешься всемъ, искаешь сластолюбія повсюду, гдѣ только оно есть.

Купецъ. Пускай предлагаешь свои услуги другому, а не мнѣ; кухня моя, не столь достаточна для него снабжена.

Меркурій. Видно, онъ у насъ позаживеся.

Юпитеръ. Вели его вывезсти, и показывай другаго; да, лучше сихъ двухъ, плаксу и насмѣшника, для того что не должно ихъ разлучать.

Меркурій. Гераклишь и Демокришь! войдише. — Вошь сокращеніе мудрости и дурачествва жишейскаго!

Купецъ. Боже! какая противоположность! — одинъ не пересмаетъ плакать, а другой смѣяться! — чему ты хохочешь, другъ мой? —

Демокритъ. Тому, что все то, что ты ни дѣлаешь, мнѣ кажешся смѣшнымъ, даже и ты самъ.

Купецъ. Какъ! ты такъ дерзко насмѣхаешься надъ людьми и жизнію міра сего?

Демокритъ. Да! ибо нѣтъ ничего въ ней поспояннаго; все — спранесвующіе ашомы. Человѣкъ не что иное естъ, какъ фаншомъ, и безуміе, — игра случая и ашомовъ.

Купецъ. Ты самъ безумецъ и глупецъ! какое безстыдство? да пересмаеть ли когда - нибудь смѣяться? — лучше

поговоримъ съ другимъ; мнѣ кажется
топъ поумнѣе. — Скажи мнѣ, любезный
другъ, о чемъ ты такъ плачешь?

Гераклитъ. О томъ, что состоя-
ніе людей мнѣ кажется очень жалкимъ;
нѣтъ ничего постоянного, все подвержено
плѣвнѣ и перемѣнамъ безконечнымъ.
Удовольствія людей не что иное, какъ
скорбь и печаль; знаніе ихъ есть невѣ-
жество; величіе ихъ униженіе; могуще-
ство есть слабость. Я жалю о про-
шедшемъ, скучаю настоящимъ; будущее
меня ужасаетъ; я вижу повсюду смяше-
ніе, безпорядокъ, гибель; вся вселенная
кружится на краю пропасти.

Купецъ. Что есть вселенная?

Гераклитъ. Дитя, играющее въ ко-
спи, жертва ничтожества.

Купецъ. А люди?

Гераклитъ. Боги смертные.

Купецъ. А боги?

Гераклитъ. Люди бессмертные.

Купецъ. Ты намъ рассказываешь за-
гадки, они споль же шемны, какъ прори-
цанія Пифіи!

Гераклитъ. Это для того, что я не беспокоюсь, ежели меня и не слушаютъ.

Купецъ. Вѣрно, никто не захочетъ тебя купить, и объ тебѣ не попечется.

Гераклитъ. Я приказываю всѣмъ вамъ плакать. Что мнѣ нужды, купятъ ли меня, или не купятъ: только плачьте! —

Купецъ. Одинъ дуракъ забавной, а другой глупецъ плакса; не хочу ни того, ни другаго.

Меркурій. И эти остаются на нашей шеѣ! —

Юпитеръ. Позови того краснорѣчиваго Аѳинца.

Меркурій. Сюда, Сократъ, войди. — Вошь жизнь основательная, непорочная; кто покупаетъ? —

Купецъ. Что ты разумѣешь? —

Сократъ. Любишь.

Купецъ. Ты мнѣ не годишься, мнѣ надобень учишель для сына, а не соблазнитель.

Сократъ. Да кто же можешь лучше меня образовашь прекраснаго юношу? я люблю душу, а не тѣло, небесное, а не земное. —

Купецъ. Хорошо! — однакожь расскажи мнѣ свои правила.

Сократъ. Это суть идеи, или образцы безконечные всего, что есть въ мірѣ, всего, что ты видишь, подобія и изображенія, существующія внѣ природы.

Купецъ. Да гдѣжь онѣ?

Сократъ. Нигдѣ, для того что, ежели бы гдѣ - нибудь оныя были, то бы не существовали.

Купецъ. Я не вижу сихъ темныхъ идей и образцовъ, о которыхъ ты мнѣ рассказываешь.

Сократъ. Это отъ того, что ты слѣпо пошпвуешь глазами и разумомъ. Но я вижу идеалы всѣхъ вещей, и тебя и себя, однимъ словомъ, все вижу двояко.

Купецъ. Ты долженъ бышь знающъ; а естли столь прозорливъ, то должно мнѣ тебя купить; чего онъ стоить?

Меркурій. Два таланта.

Купецъ. Въ первой день вамъ заплачу.

Меркурій. Твое имя?

Купецъ. Діонъ Сиракузскій.

Меркурій. Епикуръ! тебя желаюшъ видѣшь: вошъ ученикъ сего славнаго насмѣшника и сего сласполюбца, съ пою полько разницей, что ихъ обоихъ еще нечесшивѣе; впрочемъ человекъ свѣпской и любящій хорошей споль.

Купецъ. Сколько за него просишь?

Меркурій. Двѣ мины.

Купецъ. Вошъ онъ; но дайше мнѣ сперва узнать, до чего онъ охопникъ?

Меркурій. До вещей сладкихъ и сахарныхъ.

Купецъ. Не худо; я его буду кормить фигами.

Меркурій. Это ему нужно.

Юпитеръ. Позови сего Споика съ длиною бородой, и коропкими волосами.

Меркурій. Правда. Его давно уже всѣ ожидаюшъ; сюда Хрисиппъ! вошъ совершенная добродѣпель, и высокая мудросшь, ценсоръ, кришикъ, орапоръ, законоучишель; онъ все въ себѣ заключаешъ одинъ.

Купецъ. Какъ ты это разумѣешь?

Меркурій. Я сказалъ еще мало: онъ Царь, воинъ, поваръ, сапожникъ, кузнецъ, плотникъ и проч. и пр.

Купецъ. По этому онъ мастеръ во всѣхъ ремеслахъ?

Меркурій. Такъ кажется.

Купецъ. Скажи мнѣ, любезной другъ, не оскорбишься ли ты званіемъ слуги?

Хрисиппъ. Нѣтъ; это зависишь не отъ нашей воли, а что не отъ насъ зависишь, то не можешь быть и оскорбительно: это ничего.

Купецъ. Я тебя не понимаю.

Хрисиппъ. Какъ! ты не знаешь, что есть вещи управляющія и изъ противнаго извлекаемыя;

Купецъ. И того меньше.

Хрисиппъ. Еще происходитъ отъ того что не имѣешь способности умствовать, и что ты не привыкъ къ нашему языку; но когда обучишься діалектикъ, то будешь имѣшь понятіе не только о семъ, но даже узнаешь, что есть случай, и что случай изъ случаевъ.

Купецъ. Разтолкуй мнѣ, что это значить: мнѣ все не поспижимо.

Хрисиппъ. Никто не препятствуетъ тебѣ познать это; на примѣръ: ежелибъ что нибудь было поранено въ ногу, и было отъ того хромо: то первая рана была бы случай, а впорое — случай изъ случаевъ.

Купецъ. Какая удивительная пошлость! но болѣе сего знаешь ли что нибудь?

Хрисиппъ. Я умѣю плести сѣщи для ловишвы умовъ.

Купецъ. Какъ онѣ называются?

Хрисиппъ. Силлогизмы. —

Купецъ. Это должно быть дѣло величайшей хитрости.

Хрисиппъ. А вопъ оно каково: слушай! оповѣчай мнѣ: знаешь ли ты своего отца?

Купецъ. Какоежъ сомнѣнiе?

Хрисиппъ. А ежели бы тебѣ показали его въ маскѣ, то чтобы ты сказала?

Купецъ. Что я его не знаю.

Хрисиппъ. По этому ты знаешь своего отца, и вмѣстѣ не знаешь.

Купецъ. Никакъ: пошому что, ежели съ него снимушь маску, то я его узнаю; но скажи мнѣ, какая польза отъ науки столь чудесной? и какъ со мной ты жить шанешь?

Хрисиппъ. Какъ должно, какъ велишь природа; надобно имѣть богатство, здоровье и шому подобное. Однако сперва должно попрудиться и попорцишь глаза надъ древними пачканными манускриптами, и прочитайшь прешолстые комментаріи, и выпвердишь многія нарѣчія варварскія и неизвѣстныя; однако и со всемъ симъ не сдѣлаешься еще просвѣщеннѣе, ештли не очистишь мозгу проекрашно чемерицею.

Купецъ. Это прекрасно, божешвенно! однако бышь сущимъ лихоимцомъ (какимъ я тебя примѣчаю) кажешся не прилично человѣку, который пьешъ проекрашно чемерицу, и стараешся достигнуть высшей степени добродѣтели.

Хрисиппъ. Точно такъ ! ибо однимъ мудрецамъ принадлежишь право наживатьъ деньги, и брашь съ процентовъ проценты.

Купецъ. Какъ это ? —

Хрисиппъ. Слушай : они имѣють право выигрыватьъ силлогизмами; выигрыватьъ ими и наживатьъ деньги есть одно и то же искусство. То и другое принадлежишь ученому ! этого мало: онъ долженъ и можешьъ взиматьъ прибыль на прибыль; а сіе доказываеяся силлогизмомъ условнымъ ; ты знаешь, что прибыль можешьъ быть первая и вторая, изъ первой происпекающая. Ежелижъ первая ему принадлежишь, то по сему и вторая; а какъ первое ему принадлежащее ; то по сему и второе опдай ему же.

Купецъ. Не такъ ли же разумѣшь должно и о плащѣ, взимаемой побою за обученіе юношества? Не уже ли мудрецъ можешьъ получаешь барышь со всего, даже съ добродѣтели ? —

Хрисиппъ. Ты говоришь правду; но я беру не для себя, а для того же, у кого беру. Поелику благороднѣе даватьъ, нежели полу-

часть; но я не отказываюсь быть получателем, чтобы сдать ему честь, быть даателем.

Купецъ. Но ты говоришь противное; ибо учащийся есть получатель, а учитель, какъ ты, для него даатель....

Хрисиппъ. А! ты смѣешься, но берегись, чтобы я тебя не поразилъ силлогизмомъ, не требующимъ никакого доказательства.

Купецъ. Чпожъ случится отъ этого страшнаго оружія?

Хрисиппъ. Стыдъ, безмолвіе, замешательство, оцѣпенѣніе; ежели щолько захочу, то сей часъ обращу тебя въ камень.

Купецъ. Какъ это? развѣ ты Персей съ Медузиною головою?

Хрисиппъ. А вошь какъ! камень есть шѣло.

Купецъ. Правда.

Хрисиппъ. А живошное также есть шѣло.

Купецъ. Безъ сомнѣнія.

Хрисиппъ. Ты есть вѣрно живошное.

Купецъ. Это разумѣется.

Хрисиппъ. И такъ ты камень.

Купецъ. Никакъ; но прошу пожалуй
возвратить мнѣ первое бытіе.

Хрисиппъ. Очень легко; будешь о-
пять человѣкомъ. Слушай: камень не
естъ живописное, а ты живописное, слѣдсп-
венно ты не камень.

Купецъ. Благодарствуй; я даже на-
чалъ чувствовать холодъ въ ногахъ, и
крайнѣ боялся о ка мен ѣ т ь, подобно
Ніобѣ; за это я тебя куплю; сколько за
него просишь?

Меркурій. Двѣнаццать минъ.

Купецъ. Вошь онъ.

Меркурій. Одинъ ли ты его поку-
паешь?

Купецъ. Нѣтъ всѣ банкиры въ этомъ
участвуютъ.

Меркурій. Ой! ой! ихъ много; но;
намъ есть около чего поживишься.

Юпитеръ. Полно забавляешься; по-
казывай другихъ.

Меркурій. Эй! Перипапепики сой-
дице! — вошь вамъ красивые, бога-

тые , знающіе, крошкіе, разумные , умѣренныя: словомъ , пригодные ко всему въ жизни челоѳъческой; и вопъ самой разумнѣйшій , и припомъ двоякой.

Купецъ. Какъ это?

Меркурій. Онъ кажется другимъ внутри, нежели снаружи; и для того ежели его купишь , то не забудь различать въ людяхъ наружность и внутренность.

Купецъ. Въ чемъ состоишь первоначальное его ученіе ?

Меркурій. Въ томъ , что есть при свойства добра: шѣлесное , душевное , и заключающееся въ вещахъ постороннихъ.

Купецъ. Это сходно съ челоѳъчествомъ ; чего будешь споишь ?

Меркурій. Двадцать минъ.

Купецъ. Это много.

Меркурій. Не слишкомъ мой милой , попому что, какъ кажется, у него есть и у самого деньги: купишь ни за что , и будешь въ барышахъ. Да кромѣ того нѣтъ вещи, копорой бы онъ не зналъ. Онъ тебѣ откроеть, сколь долго живешь.

блоха, на какую глубину лучи солнца проникають море, какая душа въ устрицѣ, и тысячу другихъ рѣдкостей.

Купецъ. О бездна премудрости!

Меркурій. Онъ знаетъ сверхъ того множество вещей еще любопытнѣе: какъ, на примѣръ, образуется ребенокъ въ утробѣ матери; что человекъ есть животное самое смѣшное, — что осель, всѣхъ важнѣе, пошому что онъ не умѣетъ ни смѣяться, ни спростить, ни плавать.

Купецъ. Вотъ превосходныя знанія и очень полезныя; возьми за него деньги.

Юпитеръ. Кто еще остается?

Меркурій. Сцепщикъ; приступи, мой другъ, надобно поспѣвшишь, пошому что покупщики стали расходиться; — кто хочешь этого?

Купецъ. Я; но прежде скажи мнѣ, что ты знаешь?

Филос. Ничего. —

Купецъ. Какъ ничего?

Филос. Потому что я даже и того не знаю, существуетъ ли что-нибудь на свѣшѣ.

Купецъ. Да вопшь я не уже ли не существую.

Филос. Не знаю. —

Купецъ. А пы самъ?

Филос. Еще меньше.

Купецъ. Боже! забавное недоумѣніе! а что значашь сіи вѣсы?

Филос. Я взвѣшиваю на нихъ слова и мысли; послѣжь вывѣски и разсмаприванія всего нахожу, что ни ты ни другая спорона не тьянешь, и пошому я ничего не знаю.

Купецъ. Такъ ли пы снранень и въ другихъ вѣщахъ? какъ пы ведешь свои дѣла?

Филос. Все могу, выключая одного: не могу догоняшь убѣгающаго.

Купецъ. Почему?

Филос. Пошому что не въ силахъ.

Купецъ. Этому я вѣрю; ибо ты довольно тяжель и неповоропливъ: но еще скажи, какой конецъ птвоихъ познаній?

Филос. Невѣжество: наука, не видѣшь, не слышашь и не умспровашь.

Купецъ. Какъ бышь глухимъ и слѣпымъ?

Филос. И даже не имѣшь чувствъ и разсудка, не бышь ни въ чемъ опимѣннымъ опъ землянаго червя.

Купецъ. Ты заслуживаешь бышь купленнымъ за швою рѣдкость; что за него?

Меркурій. Апшическую мину.

Купецъ. Вопъ она. Ну! шеперь что ты скажешь? мой или нѣшь?

Филос. Не знаю.

Купецъ. Однакожь эшо вѣрно; деньги опщипаны, и шоваръ выданъ.

Филос. Я не рѣшаюсь, и вѣсы еще въ равновѣси.

Купецъ. Однакожь должно за мной идши, ибо я себя кунилъ.

Филос. Да кпожь объ эпомъ знаетъ?

Купецъ. Какъ приславъ, такъ и всѣ присутствующіе.

Филос. Да еспьли кпо-нибудь здѣсь?

Купецъ. Я сей часъ объ эпомъ себя извѣщу — палкой.

Филос. Я въ эпомъ сомнѣваюсь.

Меркурій. Слѣдуй за нимъ, и не упрямясь. Завтра, государи мои, мы будемъ продавать жизнь мѣщанъ, брадобрѣвъ, носильщиковъ и другіе сорсы рабочихъ людей.

Лукианъ.

III.

РАЗГОВОРЪ

о Путѣшествіи. (*)

Софронилъ, Мелодоръ и Критонъ.

Соф. (разсматривая глобусъ) Вошь Гешпингенъ, городъ учености; вошь пышный Лондонъ; вошь шумный Парижъ! Путѣшествіе, мысль сладостная! до сихъ поръ все я только надѣюсь. Когда скажушь мнѣ: надежда швоя исполнилась — отправайся: ахъ! слова утѣшительныя! — А здѣсь — о nation barbare, какъ мнѣ все наскучило! Однообразіе перзаепъ мою душу. Черезъ нѣсколько лѣтъ я бы возвратился въ Опечество съ

(*) Читанный на Актіѣ Благороднаго Пансіона. Всякой благомыслящій отецъ семейства сердечно порадуется съ нами, видя, какъ скоро процвѣло снова вопеченіемъ Начальства сіе полезнѣйшее заведеніе.

новыми знаніями, насмотрѣвшись на разныхъ людей, на разныя спраны. (приходитъ Мелодоръ)

Мел. Здравствуйше, Софронимъ! О чемъ вы такъ задумались? въ наши дѣла сморѣшь Сеншябремъ!

Соф. Чужіе края, Мелодоръ. . . .

Мел. Чшо за чужіе края? Развѣ мы не по же видимъ небо и солнце, какое видѣль и спранный Тавернье, копорый всю жизнь свою мыкаль изъ конца въ конецъ?

Соф. Вы жалки въ моихъ глазахъ, топ аті!

Мел. Не беспокойшесь обо мнѣ, я называйше меня лучше *друголь*, а не смѣшнымъ словомъ *аті*. Другъ на эпомъ языкѣ ешь игрушка. — Посмотрите на себя: вы совсѣмъ не шѣ, какими я васъ узналъ прошлаго года. Всѣ знакомые меня спрашиваюпъ, чшо съ вами сдѣлалось. Прежде на васъ всѣ сморѣли, о васъ всѣ говорили, вы были душою общества. Помните ли по время, когда вы такъ прелестно играли Милона на театрѣ вашемъ;

Книж. XII.

Д

и восхищали всѣхъ зрителей? ... Теперь вы спали нелюдимомъ!

Соф. Было время веселостей, оно прошло; теперь пора спремисься далѣе — выше!

Мел. Ахъ! бѣднейкой, — и въ 15 лѣтъ...

Соф. И васъ не прельщаетъ обогащеніе ума новыми свѣденіями! Вообразите, что въ Германіи узнаю всю глубину учености; у Англичанъ научусь полиптикъ; во Франціи увижу, какъ должно наслаждаться жизнью.

Мел. Вы говорите объ нихъ какъ о фениксахъ; эптихъ пптицъ и здѣсь не пересмотришь.

Соф. На людей должно смотрѣть въ собственнѣйшей ихъ землѣ: тамъ-то они въ настоящемъ своемъ видѣ! Сверхъ того новыя земли могутъ доставить множество предметовъ для новыхъ наблюдений.

Мел. Для новыхъ какихъ-то наблюдений пожертвовашь спокойствіемъ, опказашься опъ удовольствіемъ, которыя шакъ очаровательны въ кругу своего семейства, въ кругу друзей и знакомыхъ;

а вмѣсто того, спускай объѣзжаешь нѣсколько тысячъ верстъ! и за чѣмъ же? Слушай, какъ въ Лондонѣ или Парижѣ и дѣши говорятъ по Англійски, да по Французски! Должно бытъ совершенно нечувствительну, чтобъ оставишь берега милой родины.

Соф. Будто разлука можетъ охладить чувство любви къ роднымъ и чувство дружбы къ знакомымъ; напротивъ того, какъ восхищительно, послѣ долговременнаго отсутствія, бросишься въ объятія любви и дружбы! Вы не Философъ. —

Мел. И слава Богу! Хорошо прѣхалъ Философъ Клеантъ! Къ нему прислушишься не лъзя. Онъ только и думаетъ о заморской своей учености; а что привезъ съ собою? Прожилъ только все имѣнiе въ иностранныхъ маншоровъ, думая, что уже тамъ — то все превосходно; теперь и сидишь въ углу, ни съ кѣмъ ни слова, всѣми гнушаешься. Съ нимъ, видно, сблысъ то же, что съ Гассаномъ

Д •

Кабудомъ ; который путешествовалъ въ Мекку.

Соф. Взглянитежь на Филалеца: онъ возвратился изъ чужихъ краевъ ушѣхою своихъ родныхъ. Посмотрите, какія сдѣлалъ онъ заведенія въ своихъ деревняхъ ; все по Англійски!

Мел. Боюсь, чпобъ онъ съ этими зашѣями не оспался *философомъ безъ огурцовъ*. Все хорошо на овоемъ мѣспѣ, и всего иноснраннаго не лзя переносить въ Россію.

Соф. Но знаніе людей — знаніе сердца.

Мел. Прекрасное знаніе еердца увидите вы, особливо во Франціи! Развалины Москвы и до сихъ поръ показываютъ глубокое въ эпомъ свѣденіе. Переспаньше, сударь, переспаньше пожалуста унижайте себя и соотечественниковъ своихъ передъ иноснранцами. Франція славилась прежде великими умами, но теперь ихъ уже не стало. Народъ, оспличившійся во времена Людовика XIV своимъ просвѣщеніемъ, нынче сдѣлался предметомъ по-

смѣнятія пѣхъ самыхъ, копорыхъ онъ почиталъ варварами. Не скажете ли вы, что война заснавила ихъ жечь дома, осквернять храмы? Не война ли также была причиною всѣхъ лютоостей этихъ философовъ, съ ихъ неисповымъ пираномъ, желавшимъ весь міръ покорить подъ свою державу? Не опъ войны ли сіи любители просвѣщенія спарались искоренить всѣ заведенія, художества, завидуя нашему богатству и спокойствію? Мнѣ спыдно слышать это опъ васъ, Софронимъ. Чшобъ узнать Расина, Монтескье, Бюффона, Лакроа; для этого не нужно ѣхать во Францію: въ книжной лавкѣ найдешь все, чѣмъ она славишся.

Соф. Любезный Мелодоръ! такимъ образомъ все очернить можно.

Мел. Я не хочу чернить вашихъ мыслей; желаю только, чшобы вы примирились со всѣми нами, копорыхъ шакъ безжалостно возненавидѣли. Чего у насъ недоспааетъ? Въ городахъ блестящъ богатство, на моряхъ видна промышлен-

ность, въ селахъ довольство. Я бы желалъ побывать въ чужихъ краяхъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, съ какимъ вы, чтобы тамъ мучить себя, но только для того, чтобы блеснуть, какъ Рускому, чтобы на меня указывали и говорили: вотъ Руской, вотъ гражданинъ того народа, который насъ спасъ; желалъ бы посмотрѣть профеи соотечественниковъ; послушашъ, какъ вездѣ повсюду имя АЛЕКСАНДРА, имя Рускихъ. — Но вотъ идетъ и Крипонъ; — авось мы вдвоемъ уговоримъ васъ. — (*входитъ Крипонъ.*) Посмотрите, Крипонъ, на Софронима: путешествіе вскружило ему голову.

Соф. Я увѣренъ, что Крипонъ со мною согласится. Я часто его закупаю за иностранными книгами,

Кр. Правда, я люблю учиться всему хорошему и у иностранцевъ; но еще болѣе люблю учиться хорошему у соотечественниковъ.

Мел. А Софронимъ ничего хорошаго не находишь въ Россіи; онъ думаетъ

только о чужихъ краяхъ, о путешествіи. —

Кр. О путешествіи? О! въ наши дѣла опасно пускашься въ это море. Пользуешься множествомъ новыхъ и разныхъ предметовъ можешь только умъ зрѣлой; и многіе изъ молодыхъ людей, вмѣсто того, чтобы у иностранцовъ занять хорошее, возвратились сами только что иностранцами.

Соф. Вы шочно, кажешся, изъ нѣкъ времени, когда Рускіе плакали, какъ ихъ посылали въ школу, и когда должно имъ было разсваваться съ нянюшками.

Кр. Я самъ люблю умныхъ людей, какого бы они народа ни были; но Отечество для меня всего дороже. Предскажете Россію за два вѣка, и подивитесь, какъ скоро она возвышается и въ могущество, и въ благоденствіи, и въ познаніяхъ. Побѣды всегда предзнамуютъ цвѣтущее состояніе искусствъ и наукъ. Иностранцы сами удивляются щасливымъ дарованіямъ Рускихъ. Признаться, слыхалъ я, что, говоряще, буд-

шо у насъ недоспаешъ щерцѣнія и прудолюбія. . .

Мел. Вы хопише сказаць: мы не много безпечны. О Крипонъ! безпечность ешь добродѣтель золотого вѣка и великихъ людей. —

Кр. Однако, другъ мой — ешьли бы мы не имѣли эшой добродѣтели; шо вѣрно бы, не мы къ иностранцамъ, а они къ намъ прѣзжали, смотрѣшь на насъ, и все у насъ перенимашь.

Мел. (*расматривая глобусъ*) Вы бы, Софронимъ, болѣе принесли пользы, ешьли бы поѣхали путешествовать по Россіи. Вошь обширное поле для наблюденій! — здѣсь все: и горы, и земли, и самыя жищели достоинны вниманія.

Соф. Вамъ вѣрно угодно ѣздить по снѣгамъ Сибирскимъ?

Кр. А вы все-таки хопише во Францію, въ Англію. — Щасливый путь! не шолько, чшобы не сдѣлашься космополишомъ, и, удѣляя чувства любви своей всѣмъ, чшобъ не охладѣшь въ своей родинѣ. Мы гоповимся къ службѣ; а шамъ

не спросятъ: видѣли-ль мы Рейнской водопадъ, или Тюльери; опечесиву нуженъ храбрый воинъ, честный судія, добрый гражданинъ.

Соф. Вѣрно вы не чипали Руссова Эмиля. Можно ли бытъ человекомъ безъ путешешствія?

Кр. Я не совсѣмъ вѣрю мечпашелю Руссо. Жалѣю и объ васъ, ещли вы преданы эшимъ Французскимъ Энциклопедистамъ. Хорошіе иносранные умы всѣ намъ извѣсны; а прочая часть ихъ народа почнехонько, какъ и наша.

Мел. Не то же ли говорилъ и я вамъ?

Соф. А заведенія хорошія: Нѣмецкіе Университеты, Англійскія фабрики, мануфактуры и заводы, Французскіе Музеумы... уже ли это собраніе ума и вкуса не достойно вниманія?

Мел. О! ещли бы васъ услышали наши дѣды: они бы сказали вамъ, что славны бубны за горами.

Кр. Когда будемъ опышнѣе, тогда постараемся эшимъ воспользовашься, и тогда мы изъ путешешствія возвращимъ-

ся Рускими. Изъ всего надобно выбиратьъ хорошее, сколько возможно. Иногда должно обращать вниманіе и на людей злыхъ, чипобы видѣшь несчастія и спарашься избѣгать ихъ. Ничто такъ сильно не дѣйствуетъ на челоуѣка, какъ примѣръ ему подобнаго. Не должно славовать со-вѣтамъ иностранцевъ, которые въ воспитанниковъ своихъ вселяютъ опшвращеніе ко воему Рускому, прельщаютъ ложными описаніями красоты своихъ земель, и такимъ образомъ изъ Рускаго, котораго предки были первою опорой Престола, дѣлають изъ него къ чему неспособнаго полу-Рускаго.

Мел. Это и не удивительно; справедлива пословица: всякой куликъ свое болото хвалитъ.

Кр. Посмотрите-ка приспально на свое Опечесство, — вспомните, что въ устахъ болѣе 40 милліоновъ гремитъ имя Рускаго Бога, Рускаго ЦАРЯ.

Соф. Кришонъ воегда меня переспоритъ. Вы имѣете удивительную способность убѣждать.

Мел. Ахъ! какъ я радъ, что нашъ Софронимъ мирится съ Россіею! То ли дѣло между Рускими бытъ Рускимъ! Мы сами хвалимъ Англичанъ и Швейцаровъ, за ихъ любовь къ опечесству, и сами же не подражаемъ имъ въ сей священной добродѣтели. — Конечно, нѣтъ никакой причины ненавидѣть иностранцевъ; но и за что спраснио ихъ любить? Вѣра, языкъ, правленіе, нравы, обыкновенія, родные: — можно ли все это промѣнять и на золотыя горы иностранцевъ?
 Позвольте, Софронимъ, припомнишь и то вамъ, что Нѣмцы съ глубокою своею учевоспію, и Англичане съ своею полишикою, и Французы — эти великіе люди на малыя дѣла — всѣ они не шлѣпясь ли у насъ, не хвалясь ли насъ въспайнѣ, какъ бы изъ зависши, и не они ли намъ кланяются?

Соф. Поздравляю васъ, Мелодоръ и Кришонъ, съ побѣдою. Адіеу шеперь, и Гемптингенъ, и Лондонъ, и Парижъ!

Кр. Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ благоразуміи. Новость прельщаетъ

всякаго, и васъ вѣрно воспламенилъ къ путешествуію Руссовъ Эмилъ. Но вообразите, какъ нѣжно насъ любятъ родные, съ какою попечительностію заботятся о насъ наши наставники, сколько наградъ предлагаетъ Отечество людямъ благовоспитаннымъ! — Представьте себѣ все это, и вѣрно вы станете удивляться Россіи, которой всѣ удивляются; — и вѣрно будете любить соотечественниковъ — и вѣрно путешествіе свое пока оплошите.

Евдокиѣ Лачиновѣ.

IV.

НѢЧТО О ЧУДЕСНОМЪ.

Отрывокъ изъ Мармонтеля.

Чудесное сверхъестественное есть или одинъ просной образъ, или символическій и тонкій покровъ истины. Въ первомъ случаѣ оно — совершенный вымыселъ, во второмъ — аллегорія, и

припомъ всегда увеличенное подражаніе природѣ. Разсмотримъ его произхожденіе и употребленіе.

Философія естъ пворецъ чудеснаго, и наблюденія природы родили въ ней первую мысль объ ономъ. Она видѣла вокругъ себя множесство чудесъ, не имѣющихъ никакой причины, кромѣ движенія, которое само не могло бытъ безъ причины; и такъ она сказала: должно бытъ за предѣлами моего созерцанія Начало силы и премудрости. — Это была первоначальная, живошворная идея о чудесномъ. — Причина всеобщая и единая, дѣйствующая по закону простому, была для народа, и даже для мудрецовъ идеею слишкомъ обширною, и мало ощушительною; ее раздѣлили на множесство частныхъ понятій, изъ коихъ вышло воображеніе, которое все хочешь живописатьъ себѣ, сдѣлало столько же дѣйствующихъ существъ, образованныхъ подобно намъ: отсюда Боги, демоны, духи. Легко было дать имъ чувства совершеннѣйшія, шѣла легчайшія, сильнѣйшія и величайшія,

нежели наши; и поелику чудесное дошло было только увеличеніе массы, силы и скорости, то слабѣйшій умъ могъ легко взять верхъ надъ Геніемъ отважнѣйшимъ. Одно правило, неудобное въ семъ увеличенномъ подражаніи природѣ, есть правило соразмѣрности; но и то еще не такъ неудобно сохранивъ въ физическомъ мірѣ. Какъ скоро перешли за предѣлы природы, то ничего уже не стоить воздвигнуть престолъ Юпитеровъ, дать тяжесть презубцу Непшувову, приписать конямъ Солнцевымъ, Минервинымъ, Марсовымъ быспрому мысли. Отецъ Бугуръ замѣчаетъ, что, когда въ Гомерѣ Полифемъ срываетъ вершину съ горы, дѣйствіе его не кажется страннѣмъ; ибо Спихотворецъ умѣлъ соразмѣрится съ онымъ спанъ и силу этого исполина. Равнымъ образомъ, когда Юпитерь колеблетъ Олимпъ однимъ движеніемъ бровей своихъ, и когда богъ морей ударяя землю, заставляяетъ бога адскаго спрашиваться, чинобъ свѣтъ небесный не проникъ въ царство мрака; во все сіи дѣйствія, измѣ-

ренныя масштабомъ вымысла , находятся въ порядкѣ природы почностію своихъ опшоженій. Вошь , говорятъ , великія идеи ! Такъ ; но это величіе Геометрическое , которое съ маперією , движеніемъ и пространствомъ до безконечности увеличиться можешъ.

Достоинство увеличенія , сотворя существа сверхъестественно великія , или сильныя , соспояло бы въ соразмѣреніи душевныхъ качествъ съ сими шѣлесными ; вошь въ чемъ не успѣли ни Гомеръ , ни послѣдователи его. Я знаю только сапану Тассова и Мильпонова , имѣющихъ душу и шѣло соразмѣрныя. Но какъ сохранишь въ сихъ сверхъестественныхъ созданіяхъ сію постепенность силъ ? Человѣку очень легко выдумашъ шѣла величайшія , не столь слабыя и шѣвыныя , какъ его шѣло : природа представляешъ ему образцы и маперіалы. И при всемъ помъ сколь много производилъ онъ нелѣпостей , даже и въ чудесномъ физическомъ , но сколь болѣе еще въ моральномъ ! „Человѣкъ , (говоришь Монпанъ) можешъ бышь шоль-

ко пѣмъ, что онъ есть, и выдумать только сообразное съ своими способностями.“ Какъ онъ ни выдумываетъ, онъ не знаетъ никакой другой души, кромѣ своей собственной; колоссу имъ оживоупворяемому можетъ онъ дать только свои способности, свои чувства, свои идеи, свои страсти, свои пороки и добродѣтели, или цѣ свои склонности, свои чувствованія, копорыхъ сѣмя онъ въ себѣ содержитъ. — Вошь почему Существо высочайшее, Существо верховное для насъ непоспизиимо. Очами моими я измѣряю твердь, а мыслю своею измѣряю только мысль свою. Еслилибъ я хотѣлъ вообразить себѣ Бога, и какое бы усилие я ни сдѣлалъ, чтобы одарить его качествами превосходными; всегда мудрость, благость, величје души его будутъ только верховною спепенью мудрости, благости и высокости моей души. Я придамъ ему такія чувства, какихъ и самъ не имѣю; чувство, на примѣръ, слышатъ бѣгъ времени, чувство, читаютъ въ мысляхъ, чувство, предузнавать будущее, потому что

меня не принуждаютъ объяснять меха-
низмъ сихъ новыхъ органовъ : я одарю
его поняіемъ , опъ котораго , по моему
предположенію , ничшо не можетъ скры-
ться , силою и дѣятельностію , которыми ,
какъ мнѣ очень легко предсавишь , ни-
чшо не можетъ противишься ; я сдѣлаю
его чуждымъ слабостей , болѣзней и смерти ,
приличныхъ мнѣ : ибо идеи оприцатель-
ныя , подобны чернымъ цвѣтамъ , которые
не пребуютъ опшѣяковъ свѣта . Но еспли
дойдешь дѣло до поняіи положитель-
ныхъ , на примѣръ , еспли мнѣ надобно
будешь засавишь его мыслишь , или чув-
своавшь : шо онъ будетъ имѣть прои-
цательности , велерѣчія , или спраспи
сполько , сколько я имѣю оныхъ . Одинъ
древній писатель сказалъ о Гомерѣ , что
онъ самъ видѣлъ , или показалъ боговъ ;
но спрашиваю : почно ли онъ ихъ слы-
шалъ , или далъ намъ ихъ слышать ? Так-
же говорили , что Юпитерь сходилъ на
землю для того , чтообъ показаться Фидію ,
или что Фидій вознесенъ былъ на небо ,

Книж. XII.

Е

чтобъ увидѣть Юпитера. Эта гипербола имѣетъ свою степень истины: очень понятно, какъ художникъ могъ заслужить сію похвалу величествомъ, которое онъ придалъ своей статуѣ; но Физическое составляетъ все для ваятеля, и ничего для Поэта, ежели не соединено съ нравственнымъ. Это соединеніе совершенное, было бы чудеснымъ произведеніемъ Генія; но излишне и помышлять объ ономъ: человекъ имѣетъ лишь человѣческія средства: *la divinita non puo da lui essere imitata.*

Петръ Новиковъ.

СРАВНЕНІЕ АРИСТИДА СЪ КАТОНОМЪ УТИЧЕСКИМЪ.

Обратимъ взоры на нѣ прекрасныя времена Греціи, когда она, въ союзѣ любви и свободы чудесными подвигами добродѣтели и мужества, отражала властолюбіе Персовъ.

Въ сію эпоху великихъ происшествій и великихъ мужей является Герой и мудрецъ, которой, не бывъ, по видимому первымъ изъ своихъ современниковъ, былъ гражданинъ лучшій и полезнѣйшій. Наблюдая вліяніе добродѣтелей его, кажется, что оныя были въ Греціи главнымъ источникомъ всего того, что въ семь знаменитомъ вѣкѣ ни происходило прекраснаго и доспославнаго. Сей мужъ есть правдивый *Аристидъ* !

Исторія показываетъ намъ Аристида посреде трудовъ его для ошечества. Но для усердія его мало открывалось способовъ; онъ не принадлежалъ къ крамольствующимъ, и

спрашивался имѣшь друзей и враговъ, на счетъ блага общаго. Ни польза личная, ни вражда не омрачали его сердца чистаго и великодушнаго.

Его обвиняють предъ согражданами. Но оправданіе его, покрывъ стыдомъ обвинителя, возбуждаетъ противъ него же ненависть народную; — пылаеть опущеніе за добродѣтельнаго мужа. Другъ добродѣтели не дозволяетъ гнѣвной страсти и мщенію за него измѣнить строгаго безпристрастію правосудія. Онъ защищаетъ своего обвинителя, приводитъ его предъ судей, молишь ихъ принять оправданіе — и виновному прощеніе даровано!

Нѣкогда, въ присутствіи его на судилищѣ, одинъ гражданинъ говоритъ ему: Аристидъ! тяжущійся со мною человекъ также и тебѣ сдѣлалъ много зла. — *„Говори, какое онъ тебѣ сдѣлалъ зло, ощущаетъ онъ; мое дѣло судить не для себя, а для другихъ.“*

Его искреннее и сладостное красноречіе предложило законъ, на который на-

родъ изъявилъ согласіе; но Ариспидъ, тогда же вразумленъ будучи возраженіями своихъ прошивниковъ, воскликнулъ: „поспойше, граждане, я опскупаюся. „Вѣрьте мѣмъ, кои совѣпують вамъ добро, а не мѣмъ, которые ошибаюся.“

Θемиспоклъ, его соперникъ и прошивоборникъ, соединяетъ въ себѣ добродѣтели съ величайшими дарованіями; но сей мужъ, не рѣдко, принося пользу своему опечеспу, бываетъ споль же вреденъ въ народныхъ совѣщахъ; Ариспидъ для него здѣсь бдишельной судія; въ спанѣ воинскомъ онъ вѣрный его воинъ. Какое величеспвенное зрѣлице, когда Ариспидъ наканунѣ Саламинскаго сраженія входитъ въ ставку полководца съ извѣспіемъ и совѣспомъ, который украшаетъ врага его побѣдоноснымъ вѣнцомъ!

Не уже ли всегда должно воспрѣчатъ неблагодарноспу народа въ жизни великихъ мужей? И Ариспидъ осуждаепся на изгнаніе. Въ сію то минуспу сердце человѣческое опкрываетъ или великоспу, или униженіе. Предспавшешесп

бѣ: — къ Ариспиду подходишь Апписиче-
скій поселянинъ, и просишь написать для
него, имя обреченнаго имъ на изгна-
ніе; — имя было Ариспидово. — Другъ
мой! какое зло сдѣлалъ тебѣ Ариспидъ?—
Никакого; я его въ глаза не знаю; но мнѣ
досадно, что твердятъ безпрестанно о
его справедливости. — И справедливый
молча исполняешь волю безвѣснаго вра-
га добродѣтели, — и возведя очи на не-
бо, говоришь: „молю боговъ, чѣобы раз-
строеныя дѣла Аѳинянъ не принудили ихъ
обратно призвать *Ариспиду*!

О! сколь добродѣтель величественна
въ сихъ благородныхъ движеніяхъ души,
въ поступкахъ искреннихъ и пылкихъ, ко-
торые сославляютъ особенное украшеніе
древнихъ нравовъ! Представимъ себѣ
Ариспиду, избраннаго вождемъ надъ ра-
шующими Аѳинянами; — ему суждено ро-
комъ, сражаться съ плѣми Греками, кото-
рые, измѣнивъ Греціи, предались Персі-
анамъ. Сердце его ужасается убійствен-
ной междоусобной вражды; онъ вы-
ступаетъ среди двухъ воиновъ;

и съ лицемъ, слезами орошеннымъ, съ руками, къ небесамъ простершими, и гласомъ, священнымъ гласомъ добродѣтели взываетъ: “ о Греки! вспомяните ваше опечесство; противъ кого гошовишесь къ брани? Вы хошите въ присушствіи боговъ кровію вашею обagriшь поля Греціи.

Достославные дни *Мараѳонскихъ*, *Саламинскихъ* и *Платейскихъ* бившъ! — Въ лѣтописяхъ вашихъ зрится добродѣтельная покорность Аѳинянъ къ священнымъ совѣщаніямъ Ариспида. Персидскій Царь подспрекаетъ Аѳинянъ оставиши другихъ Грековъ, обѣщая имъ Греческое Царство. Лакедемонъ, въ безпокойствѣ своемъ, умоляетъ ихъ чрезъ пословъ, не разрывать общаго союза. Вопъ ихъ ошвѣшъ пирану изъ устъ Ариспида: Аѳиняне прощаютъ варварскому Царю въ помъ, что онъ почиаетъ все продажнымъ; но жалуются на Лакедемонцевъ, копорые, памянуя полько наспоющее бѣдствіе своихъ союзниковъ, забываютъ ихъ всегдашнюю вѣрность и мужество.

Сей народъ представлялся тогда образцомъ для героизма; онъ былъ великодушень и въ мирѣ, и въ войнѣ.

Фемистоклъ объявляетъ Аѣинянамъ, что онъ желаетъ предпринять важное дѣло, котораго не лзя изъяснить ему всенародно. Кто достойнѣе бытъ посредникомъ между Аѣинянами и Саламинскимъ героемъ? онъ принимаетъ сей доверенности, и сообщаетъ народу мнѣніе свое такъ: *Нѣтъ ничего полезнѣе, и нѣтъ ничего несправедливѣе Фемистоклова намѣренія*, — Единодушный крикъ повелѣваетъ сему послѣднему оставить свое намѣреніе; и такъ цѣлый народъ, вѣря единому человѣку, отказывается отъ великихъ выгодъ, — и подобно мудрому и добродѣтельному судіи, токмо гласу правоты повинуется.

Естьли у народовъ награды, достойныя подобныхъ добродѣтелей? Аристидъ принялъ по крайней мѣрѣ самое лестное для его сердца возмездіе. На возражающихся тогда зрѣлищахъ, куда спекалась вся Греція, представляется лице испиннаго

не добродѣтельнаго мужа, который не хочетъ такимъ казаться, но быть; — зрѣлище прерывается, и взоры зрителей въ безмолвномъ умиленіи и любви невольно обращаются на Ариспида. Правда, что онъ перенѣлъ изгнаніе; но въ опечесивѣ его изгнаніе было для великихъ мужей и бѣдствіемъ, и честью, какъ бы закономъ, опредѣленными; и по истинно, что великій жидъ и умеръ въ бѣдности; но бѣдность служила оградой и украшеніемъ его добродѣтели; — и мы должны о томъ мыслить такъ, какъ его сограждане. У него былъ родственникъ богатый, обвиненный и судимый за то, что безкорыстнѣйшаго изъ Аѳинянъ оставилъ онъ въ бѣдности. Тогда Ариспидъ предсталъ въ судъ съ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что онъ самъ опровергалъ обогащеніе; — всѣ Аѳиняне удалились изъ судилища, говоря: *Лучше быть, какъ Аристидъ, бѣднымъ, нежели подобно Калліасу, богатымъ.*

Но если бы было безчестно подобиться въ богатствѣ Калліасу, то

сколь прекрасно бытъ споль великимъ и добродѣтельнымъ, какъ Кимонъ! Какая величеспвенная проспюша во нравахъ сего времени! какая шрогашельная прошивоположностъ въ жизни двухъ мужей одной эпохи и одного народа! Кимонъ выходилъ изъ своего жилища, окружень будучи друзьями, обязанными предупреждать спыдлиное прошеніе почтенною щедростію; и домъ его, и владѣнія, такъ какъ народная собспвенностъ, были опкрышы. Въ благошворительности онъ подобился знаменишому Царю; — во нравахъ строгому Лакедемонцу. Смирное жилище, бѣдная одежда довольспвовали Ариспида; опшечеству своему онъ предоспавилъ великую чешть совершивъ его погребеніе, и дашь приданое за дочерью.

Сіе увлекаешъ меня ко многимъ разсужденіямъ. Въкъ и опшечештво изображеннаго мною мужа опличались швердою проспюшою нравовъ и великодушною искренностію въ чувспшваніяхъ; но сія швердостъ нравовъ была смѣшана съ первоначальною грубостію народа, кошорый къ обя-

занностямъ общества оказывалъ похмо одно безпокойное и подозрительное повиненіе; — а оное возвышеніе чувствованій содержало въ себѣ болѣе склонностей чистыхъ и пылкихъ по природѣ, но менѣе правилъ образованной и основательной нравственности. — Ариспидовъ духъ, кажешся, сотворенъ былъ для того чтобы щасливо дѣйствовать на строптивость народа, и управляшь ходомъ его образованія. Изъ его кропкой души, изъ нравственнаго совершенства его происпекала божественная какая-то сила, кошорая очищала и возвеличивала добродѣтели того вѣка, подобно какъ святость учрежденій Нумы, смягчала свирѣпой духъ Римлянъ.

Но добродѣтели великихъ мужей приобрѣтають сіе владычество только при колыбели народовъ. Когда народы достигаютъ высочайшей степени образованія гражданскаго: то вкорененные могуществомъ времени пороки и безпорядки углубляются въ сославъ государственнаго шѣла; — порядокъ нравственной

и полишической прошивишя намѣреніямъ, мудрыхъ; тогда добродѣтель съ отважностію шествуецъ еще къ предположенной цѣли, — и не рѣдко полько оставлещъ память великаго примѣра!

Въ послѣднія времена Римской Республики явился смертный, котораго небо, казалось, низпослало на землю для того, чтобы возвысить достоинство человеческой природы, — и показать единожды, какъ далеко простирается добродѣтель. Сей гражданинъ міра, еще болѣе, нежели Римлянинъ, хотя и Римлянинъ, наипанъ будучи стюическими правилами, которыя никогда не привышали его твердости душевной, увидѣлъ, что жребій народовъ зависить отъ судьбы его отечества, и что отечество его теряетъ и свободу, и добродѣтели; сей мужъ во всю жизнь прудился для блага общаго, болѣе нежели Цесарь для своего щастія, и опровергалъ въ Сенапъ всѣ зловредныя мысли. Среди мяшежей народныхъ сохраняя спокойствіе и постоянношво духа, искалъ чиновъ и мѣспъ единшвенно для удаленія

недостойныхъ; — сей Римлянинъ, несравненный въ мірѣ человѣкъ, дерзнулъ прошивуспояшь преклонности нравовъ и стремленію произшествій, вселенную увлекавшихъ; ему предназначена была грозвая слава, — оправдать строгую добродѣпель, во мнѣнію несправедливыхъ клеветниковъ, неспособную къ управленію Государствъ и людей. Какой Римлянинъ его времени лучше зналъ существенную пользу своего опечества? Катонъ не мыслишь, древнее равенство Гражданъ въ Римѣ соединилъ съ обладаніемъ цѣлаго міра; для соблюденія въ опечествѣ свободы, онъ спарается возвратить свободу другимъ народамъ; и кпо другой скорѣе, предупреждая настоящее зло, предусматриваетъ издали грозящее бѣдствіе? Онъ идетъ прошивъ усилившейся власти, Помпеемъ присвоенной, прошивъ ласкательствъ народу хитраго Цесаря, прошивъ Красса, — и не сколько ихъ раздора, сколько согласія спрашится. Ни одно намѣреніе искуснѣйшаго изъ враговъ его и враговъ народа не укрывается отъ ис-

шиннаго сына опечесива; онъ осперегаетъ народъ, Сенатъ, другихъ совѣтниковъ, — и вездѣ опрѣзываетъ ему пули къ славѣ, какъ сильнѣйшіе способы для его честолюбія. Кажется, въ послѣдній разъ сражающа добрый и злый духъ Республики. Никшо не вѣрилъ тому, — и Римская свобода погибла. Сенатъ отдавъ справедливосшь, что одни Капоновы совѣшы всегда ко благу опечесива клонились. Лишась и доспоинсшва, и сана, безъ успѣха въ дѣлахъ, не для суепной славы, но съ чистною любовію къ опечесиву предвриняшыхъ, — Капона, по видимому, всего лишился, даже послѣднихъ почешей, воздаваемыхъ добродѣтели; посмотрише же, какъ добродѣтель его шоржешивуетъ въ Римѣ, въ семъ великомъ и развратномъ градѣ, куда спекались всѣ пороки со всѣми богашшвами покоренныхъ народовъ. И тогда, никшо не могъ опвергнушь его совѣша и мнѣній въ судѣ, не обличивъ себя въ несправедливосши; его нечаянное появленіе прерываетъ безсшдныя позорища Римлянъ, —

и всѣ предстоящіе съ удивленіемъ объявляющъ его мудрымъ и непобѣдимымъ въ ту самую минушу, когда онъ бѣжитъ предъ Фарсальскимъ побѣдителемъ. Неуспрашиваемѣйшій мужъ есть и самый чувствительный, и самый кропкій, когда можетъ быть кропкимъ, не измѣняя своему долгу, и не уклоняясь отъ воли, предназначеннаго ему богами. — Во дни юности своей никогда не вкушалъ онъ пищи одинъ безъ своего брата; во время междоусобной брани одѣвался въ печальную одежду; рѣшившись умереть, занимается онъ судьбою друзей своихъ; вмѣстѣ съ нѣжною заботливостію объ нихъ, представляющя ему мысли о вѣчности и безсмертіи добродѣтельныхъ мужей; — въ пишинѣ послѣдней ноци, наконецъ прощается онъ съ жизнію, подобно чело-вѣку, который совершилъ дѣло свое, и спокойно отходитъ къ Пославшему его свыше.

Сравненіе Лопитала и Сюлли.

Оба они жили во времена ужасныя и кровавыя; одинъ видѣлъ начало оныхъ, а другой зрѣлъ конецъ. Оба они были Министры, Мужи Государственныя; одинъ въ особенноти былъ одаренъ геніемъ для опправленія дѣлъ, другой для законодательства. Добродѣтель была въ нихъ швердая и строгая. Въ одномъ видна искренность, достоинство, иногда гордость древняго происхожденія, знашней фамилии; въ другомъ обнаруживается душа, характеръ и геній, образованные великими мыслями и великими дѣянїями древности; даже самая его наружность, показывая черты Аристошелевы, открывала чрезвычайное благородство и важность. Они были судїи двора и вѣка своего; однако здѣсь слава ихъ не равна: одному надлежало уничтожить безпорядки; — другому предупредить и ошановить гибель народную. Какое зрѣлище представлялъ Лопиталъ, удерживая одинъ, въ продолженїи семилѣшь быспрый пошокъ убійствъ, го-

новый разлился. Онъ говорилъ смѣло о справедливости и челоѵколюбіи при Дворѣ, гдѣ сіи имена священныя принимались за вопли возмущенія, обнаруживалъ и обвинялъ въ собраніяхъ общихъ и въ совѣшахъ Царскихъ всѣ правила преступныя и опасныя, удерживалъ буйственной духъ Гизовъ, покоряя черныя и слабыя души Медицисовъ; — наконецъ дѣйствовалъ въ продолженіи службы своей на двухъ Государей, копорые исполнены были невольнаго къ нему уваженія! Ничто не могло сполько возвратить свободы сердцамъ преступнымъ, какъ его изгнаніе. Ахъ! кто же таковъ былъ эшошь челоѵкъ, съ такимъ жаромъ употреблявшій все могущество добродѣтели? Сынъ изгнаннаго и внукъ Еврея! Такова судьба Лопишала при Дворѣ!

Судьба Сюлли при Дворѣ является въ другомъ видѣ; онъ былъ другомъ лучшаго изъ Государей. Чшо составляло его счастье, шо составило прекраснѣйшую его славу. Никшо лучше не исполнялъ своихъ

обязанностей, столь важныхъ и столь за-
труднительныхъ; надъ сердцемъ Генриха
онъ наблюдалъ съ такимъ же попеченіемъ,
какъ и надъ управленіемъ Гѳсударства;
совѣсть его обвиняла, какъ вѳроломнаго,
въ той слабости Царской, которой бы
онъ могъ воспрепятствовать. Записки
его содержатъ наставленія для всей рев-
ности, для всей искренности, для всей
твердости, которая честной человѣкъ
долженъ приносить въ жертву дружест-
ву Царей.

Сравненіе Трагедіи и Монтозье.

Фортуна участвуетъ во всякой сла-
вѣ, и даже въ славѣ добродѣтели. Она
можетъ выславлять великіе характеры
въ вѣкахъ, полико униженныхъ, что
они не въ силахъ ничего перемѣнить и
ничего предпринимать. Что бы могъ сдѣ-
лать въ царствованіе Нероново, древ-
ній Римлянинъ, достойный Спонкъ, не-

успрашимый Тразеасъ? чего могъ онъ надѣяться отъ народа, который сожалѣлъ объ Императорѣ скоморохѣ и матерубицѣ, и отъ Сенапа, который умѣлъ подущать злоумышленниковъ къ совершенію новыхъ злодѣяній? Не въ состояніи будучи возвратить добродѣтелей своему опечесиву, онъ возмогъ бы оное освободить; я нахожу для него ролю, которой самъ Пизонъ не былъ достоинъ. Надлежало бы свергнуть съ престола пирана, поразить чудовище, и занять его мѣсто; но добродѣтель не любитъ прикрываться видами честолубія: она смѣется надъ пиранами, презираетъ ихъ болѣе, нежели наказываетъ. Въ сіи времена ужасовъ и низоспей извѣстенъ былъ человекъ, по жизни уединенной и безпорочной, по виду строгой и печальной. Примѣтно, что онъ носилъ въ сердцѣ своемъ глубокое огорченіе, не имѣвъ другой цѣли для своего мужества, кромѣ сохраненія одной чести. Онъ терпелъ общее униженіе и все то, что долженъ терпѣть несчастной. Но

Ж 2

еспѣли онъ видѣтишь , какъ Сенатъ прино-
 ситъ поздравленія Государю , свою мать
 умершвиившему , онъ выходитъ , предавая
 себя жестокости пирана ; и тогда , когда
 безчестнѣйшій изъ обвинителей укоряетъ
 его , какъ въ пресупленіи , въ томъ , что
 онъ подражаетъ Катону , Тразеасъ раз-
 суждаетъ съ своими друзьями спокойно ,
 что ему дѣлать , явись ли предъ
 судей въ одеждѣ обвиненнаго , гово-
 ритъ съ могущесвомъ добродѣтели и со
 всею вольноспію умирающаго , или пред-
 упредишь свое осужденіе вольною смертію ,
 чтобы заставитъ сомнѣваться въ томъ ,
 что сдѣлалъ бы Сенатъ , еспѣлибъ онъ
 внималъ гласу Тразеаса . Тиранъ , алкая
 мщенія , не опустилъ времени , произнесши
 отвѣтъ на то ; что оставалось еще не-
 рѣшеннымъ . Великіе характеры не токмо
 являющся во времена униженій , но и
 въ вѣки роскоши и рабства , когда со-
 вершенное единоначаліе утвердилось сре-
 ди народа , болѣе успѣвшаго въ изящныхъ
 искусствахъ , нежели въ хорошихъ зако-
 нахъ .

Въ сіе время, что дѣлается хорошо, дѣлается болѣе по другимъ началамъ, нежели по началамъ добродѣтели строгой и сильной; онѣ не входящѣ въ правленіе, онѣ не могутъ даже существовать совершенно во нравахъ. Уже много значить, не скрывать доблести своей ни опъ Государя, ни опъ народа, показавъ ее среди нравовъ новыхъ, какъ величественный оспашокъ древнихъ добродѣтелей, подобно симъ древнимъ швердынямъ, въ которыхъ не укрываются болѣе обитатели полей, но которыхъ развалины свидѣтельствуютъ о величествѣ и необоримой ихъ крѣпости.

Тогда Придворный Людовика XIV, строгій Моншоэе, не бывъ преобразователемъ своего вѣка, судилъ Дворъ по своимъ правиламъ; онъ изъявлялъ явно презрѣніе къ безчестнымъ людямъ. Онъ говорилъ правду Царю, онъ воспиываетъ наследника престола въ законахъ швердой честности; и тогда, когда воспи-

панникъ готовъ содѣлаться его владыкою, тогда обращаетъ онъ къ нему сіи мудрыя слова: „Государь! естли ты честный человекъ, ты меня полюбишь; а естли нѣтъ, ты меня возненавидишь, — и эшимъ буду я ушѣшенъ.“ Вотъ какъ Мюшозье дерзаетъ требовать признательности добраго Государя, или возбудишь мщеніе ширана, обнаруживая совершенную независимость сердца, которое не страшится ничего, исполняя свой долгъ.

Изъ Лакретея И. Снегиревъ.

VI.

ПОСЛАНИЕ О СТИХОТВОРСТВѢ.

(О кончаніе.)

Пусть наши праотцы въ старинной
простотѣ,
И Плавшовыхъ стиховъ дивились остро-
тѣ,
Размѣру и красамъ : . . . такое удивленье, —
Ншобъ глупо не сказать, — излишне сни-
схожденье!
Другія времена, другой и вкусъ у насъ. —
Пизоны! — здравой умъ и сердце слышашъ
въ васъ,
Гдѣ есть гармонія для слуха и для чув-
ства,
Гдѣ грубость дикая слѣпаго неискусства.

Теснись, пріятый свѣтъ съ Парнасской
высопы,
Открыль Трагедіи начальныя черпы. —
При немъ явились смѣшныя колесницы,
Актеровъ и пѣвцовъ намазанныя лица! —
Эсхилу здравый вкусъ вдали уже блиспаль,
Онъ важность маншіи, личины сценѣ даль.
Съ помоспа гордаго, открышаго для взоровъ,

Явилъ копурны онъ и пышность разгово-
ровъ ;

Комедія попомъ въ Елладѣ процвѣла ;

Но вольность дерзкая ей гибельна была ; —

Орудье злыхъ людей , коварнаго забава ,

Закономъ лишена гражданспвеннаго права !

Не въ силахъ бывъ язвить , со срамомъ хоръ

упалъ !

И Римлянинъ - Поэпъ пушь прудный
испышалъ !

Спрямясь въ слѣдъ Еллиновъ , спрямясь

пропою новой ,

Вездѣ срѣшалъ онъ честь съ наградю го-

повой. —

Не съ чуждыхъ , но съ родныхъ полей собравъ

цвѣты ,

Препекстъ и погъ явилъ изящны красопы. —

Ахъ ! еспьлаибъ менѣ Пѣвцы себѣ ввѣрялись ,

Съ шерпѣнемъ исправляшь пруды свои

старались ,

Тогдабъ великій Римъ могъ смѣло приложитъ

Къ вѣнцу своихъ побѣдъ вѣнецъ оупъ Пѣриды !

О кровь Помпидіа , сыны вельможъ по-

чпенны ,

Вы должны показашъ пушь къ славъ сокре-

венный !

Вашъ первый долгъ Пѣвцамъ , твореньямъ

цѣну дасть ;

Вашъ долгъ нашъ Геликонъ оупъ терновъ

очищашъ :

Гоните съ мирныхъ горь невѣжество, над-
менье ,

И зависть черную , Эреба порожденье !

Забавный Демокришь , спремясь увѣришь
свѣпъ ,

Что генію въ прудахъ , въ наукѣ нужды
нѣпъ ,

Наполниль Геликонъ одними дураками . —

Пророкъ такой всегда богатъ учениками ! —

Я зрю чудовище густыхъ лѣсовъ во шпѣ ,

Обросшее брадой , ногтями ; — и въ чумѣ !

Неистовый дикарь бѣжитъ дневнаго свѣта . —

Увы ! не смѣйшеса : вы видите По-
эша ! —

Такъ шочно ! попь Пѣвецъ — предметъ по-
хвалъ , молвы , —

Что бришвѣ не ввѣрять космашой головы ,

Неизцѣляемой прекрасно чемерицей ; —

Я очищаюся предъ каждою денницей ,

А я и брѣюся ! — бѣда моимъ спихамъ !

Что дѣлашь ? шакъ и бышь ; не рѣ-
жешъ камень самъ ,

Но силу разсѣкашь желѣзу дашь удобенъ ; . . .

Одинъ рождень пишашъ , другой учинъ
способенъ ! . . .

Мой жребій , показашъ богатыхъ рудъ слѣды ,

Образованіе Поэша и пруды ,

Гдѣ чистой лучъ красонъ , гдѣ призракъ
обольщеній ,

Наука шоржесство, плодъ горькій заблужденій.

Искусство мыслишь — ключъ къ Искусству сочиняшь.

Философы должны пвой умъ образоваць;
Сократъ сокровища тебѣ опкроеть новы.
Головой мысли въ слѣдъ слова всегда го-
повы.

Когда, во слѣпотѣ, ни сердцемъ, ни умомъ
О Богѣ не живешь, объ опчествѣ святомъ;
Когда не упоенъ огнемъ любви эирнымъ
Къ родителемъ, къ друзьямъ, къ доброшамъ
гражданъ мирнымъ;

Когда не знаешь правъ власпишелей, воз-
дей,

Ни долгу важнаго спарѣйшинъ и судей: --
Тогда возможешь ли приличными черпа-
ми,

Ты каждое лице изобразишь предъ нами?
Нѣшь! образъ жипія и нравы ты по-
знай,

Живыя словеса живой спруей спивай! —
Повѣрь мнѣ, сходныя съ проспой природой
чувства

Безъ украшенія, безъ хипростей искусства,
Родныя для сердець, даюшь сердцама за-
конъ.

Блестящихъ словъ наборъ . . . пустой ким-
вальной звонъ.

О Грекахъ мы гласимъ въ восторгѣ
удивленья:

„Имъ геній, имъ дана вся сладость вы-
раженья!“

Но Греки жили чѣмъ? . . . не славой ли од-
ной?

У насъ едва сынокъ зашаркаетъ ногой,
Тотчасъ ему въ глаза родъ знашной и бо-
гатства,

Балы, гулянье, дествъ, съ вельможами при-
ящества;

И маминька, его милуя, говоритъ:

„При деньгахъ, при чинахъ тебѣ учиться?
спыдь!“

Оставь стремленіе умовъ обыкновенныхъ!“

Опечесство мое! . . . чрезъ сихъ ли ослѣп-
ленныхъ

Ты будешь силою и славой возрастать?

Поэша главной долгъ: учить, или
лѣннать.

Не рѣдко важное сливается онъ съ прияш-
нымъ.

Въ совѣсахъ крапockъ будь, коль хочешь
быть понятнымъ! . . .

Что понялъ я легко, но помню навсегда.
Все лишнее уйдетъ, какъ черезъ край
вода!

Спрошенъ вымысловъ, какъ призракъ исче-
заетъ,

Коль сила истины его не проникаетъ. —
Не вѣришь умной чшець нескладнымъ чу-
десамъ! —

Одно забавное скучаетъ спарикамъ; —
Дѣла безпечности къ урокамъ не усердны:—
Пѣвецъ! — будь совершенъ: смѣшай цвѣтны
и черны,

Полезенъ, сладокъ, знай, учишь и забавляешь!
Вопь способъ съ книжниковъ оброки соби-
раешь;

Вопь способъ приобрѣсть въ попомкахъ
позднихъ славу!

Но всѣ-ль грѣхи идушь подь спрогую
разправу?

Всегда ли издаюшь намъ спруны вѣрный
звукъ,

Какого чувство ждешь, или искусство рукъ?—
Мнѣ нуженъ шихой тонъ, — но громкій
раздается;

Не всякій разъ спрѣла къ предмету доне-
сется. —

Чтожь дѣлаешь? — слабости есть; — при
многихъ красотахъ

Она невидима, какъ легка тѣнь въ лучахъ! —
 Несовершенство естъ удѣлъ несовершен-
 ныхъ. —

Когдажъ Писатели въ мѣстахъ обыкновен-
 ныхъ

Однѣ и тѣжъ всегда погрѣшности творятъ,
 И, естли музыкантъ, прудяся въ день
 спокрасть,

Не можешь взять во плѣнь одной упрямой
 нопы: —

Доспанеть ли у насъ къ прощенью ихъ
 охопы? —

И всякой Авпоръ такъ, когда не сохранилъ
 Всѣ правила, — другой мнѣ кажется Хериль,
 Которому смѣясь, кричу опъ удивленья,
 Когда въ немъ мѣспа два найду безъ по-
 грѣшенья!

Вопъ жаль, когда Гомеръ самъ вздумалъ бы
 вздремать! —

Но пушь его далекъ! . . , проспипельно
 успашъ! —

Спихи, какъ живопись: — одно из-
 ображенъ

Плѣняетъ насъ вдали, другое въ приближенъ;
 Одно подъ тѣнь поставъ, умножь другому
 свѣтъ: —

Во взорахъ знапка ему улики нѣтъ!

Одно пріятно разъ; — съ другимъ не лѣзя
 разспахься,
 Осшавя, вновь спѣшимъ, чпобъ снова на-
 слаждахься. —

Пизона старшій сынъ! — къ тебѣ скло-
 няю гласъ . . .

Природа пвого рожденья въ свѣтлой часъ
 Благихъ даровъ своихъ подъ спудомъ не
 скрывала;

Рука родишеля пвой пушь предначерпала;—
 Приникни сердцемъ ты къ вѣщаніямъ мо-
 имъ. —

Вездѣ посредственностъ и слабостъ мы
 проснимъ.

Не всѣ законники воеправлящаго Рима
 Мессаль или Кассель; — но слава ихъ шер-
 пима;

Посредственныхъ Пѣвцовъ ни смершній,
 ниже богъ,

Ниже сіи столпы, держащіе чертогъ,
 Не шерпяшь, не проспяшь, безъ казни,
 безъ укора;

Исполни свой обѣщъ, — или бѣги ихъ взора!—
 Пріятно-ль слышашъ вамъ за дакомымъ
 споломъ

Орфея площади съ распроеннымъ гудкомъ?
 Сшихи еспъ Грацій даръ, и имъ же посвя-
 щенны;

Мы гонимъ ихъ , клянемъ , когда несовер-
шенны. —

Смотри, кто не боець, и шпаги не беретъ,
Кто пляскъ не учень, въ хоръ рѣзвой не
войдетъ : —

Имъ спыдно, кажется, вспулитъ въ чужое
дѣло ;

Не знавшій гра м о п ѣ — стихи кропаешь
смѣло !

„И для чего не шакъ?... я вольноспыю дышу!
„Я знашень, я богашъ, я баринъ и . . .
пишу !“

Пизонъ ! не лязя писаешь на перекоръ
Палладѣ ?

Вотъ правило швое ! вотъ вѣрной пушь къ
наградѣ !

Ты новость произвелъ, не вдругъ спыши
издашь ;

Дай взорамъ суди прудъ юный испыташь !
Дай Мецію, опцу, дай мнѣ на разсмотрѣнье ;
Пусшь десяшь лѣпъ во шмѣ расшеть швое
шворенье !

Нашанешъ добрый часъ, исправишь самъ
себя. —

Что издалъ, не швое, и не найдешъ
тебя ! . . .

Сначала смершные, какъ звѣри, оби-
тали,

Скипаясь по лѣсамъ, другъ друга пожирали.

Орфей , превыспреннихъ посланникъ и глѣ-
 вець ,
 Извлекъ огонь любви изъ каменныхъ сердець!...
 Скала, бездушной дубъ , хищеньемъ пигръ
 живущій
 Склонялися на гласъ, въ пустынь вопіющій;
 Спадъ пастырь , Амфіонъ, для Кадмовыхъ
 племень
 Границы горъ собралъ въ громады пышныхъ
 спѣвъ :
 И смертному заря блаженства возсіяла !
 Поэзія узлы взаимности связала
 Учила чистое опъ скверны оплачашь ,
 Общественно добро предъ чашнымъ ува-
 жашь ;
 Права любви, законъ, швердыни Государ-
 ства,
 Спокойствіе гражданъ , предметъ чино-
 начальства,
 Учасникъ шайнь судьбы изрекъ и начер-
 шалъ;
 Священнй Бардъ , какъ богъ , народомъ у-
 правлялъ.
 Гомерова шруба гремишь хваленья боевъ,
 Чудесной лирою Тиршей шворишь героевъ,
 Оракуль въ пѣсняхъ намъ даетъ небеснй
 судъ ,
 И въ Фебовыхъ садахъ всѣ доблести ра-
 спушь !

Предъ тронами Царей Пiereды вѣщають, —
И злобныя сердца любовью къ ближнимъ
шають!

Онѣ опрада намъ въ юдоли слезной бѣдъ!
Богатство бѣднаго, богатаго совѣшь,
Въ уединеньи другъ, младыхъ и спарыхъ
радость,

Близканые знапности, посредственности
сладость!

О Музы! о мой рай! — блажень, спо-
крапъ блажень,

Кто можетъ васъ любишь, кто вами на-
граждень!...

Давно извѣспенъ споръ, Искусство, или
Геній.

Наслѣдуетъ хвалу изящнѣйшихъ твореній,
По мнѣ, высокіе врожденные дары
Безъ правилъ — золото, сокрыто внутрь
горы;

Равно усилія Науки благородной
Безъ Генія, есть путь мучительной, без-
плодной!

Соедини ихъ; другъ друга подкрѣплять,
Другъ другу вѣрные, къ безсмертью воз-
паряшь!

Аплещь, кидая взоръ на блескъ любезной
мешы,

Проводишь во трудахъ свои молодыя
 лѣпы; —
 Онъ терпитъ зной и хладъ, и чуждый нѣги,
 сна,
 Бѣжитъ отъ прелестей любви и вина. —
 Сей флейщикъ, пѣснями плѣняющій со-
 бранье,
 Учился и перпѣль спарфѣшинъ наказанье.
 О нашъ прекрасный вѣкъ! вѣкъ милый для
 глупцовъ!
 Мы безъ ума, умны! — мы славны, безъ
 трудовъ!...
 Искусство щаспливыхъ — беспыдства
 присвоенье!
 Мудрецъ нашъ мыслишь такъ: предъ смѣ-
 лымъ награжденье!
 Погибни всякой трудъ! могу и безъ него
 Казаться знапокомъ, не зная ничего!

Поэтъ, въ объятіяхъ фортуны воз-
 доенный,
 Богатствомъ, знапностью обильно награж-
 денный,
 Изъ подлой челяди сославивъ свой Парнассъ,
 Мнѣ кажется купцомъ, который всякой часъ
 Съ прилавка вамъ кричитъ: „вопъ здѣсь
 поваръ богатый!“
 Бѣда, когда припомъ роскошный, поро-
 ватный

Онъ вздумаетъ для всѣхъ открытой споль
 держасть,
 За плуша въ судъ ходить, и деньгами ссу-
 жасть: —
 Ему-ль знасть искренность? ему ли жить
 съ друзьями!
 Нещасный! не хвались ты новыми спи-
 хами
 Предъ тѣмъ, кого дарилъ, кто ждетъ твои
 ихъ даровъ;
 Онъ, въ испуленіи, не сыщеть бѣдный
 словъ:
 „Прекрасно! высоко!“ — велишь, — и
 онъ заплачетъ;
 Велишь, — и въ радости поешь, играешь,
 скачешь,
 И лезешь на стѣны отъ ревности своей.
 Наемный шако льстець, при гробѣ бога-
 чей,
 Бьетъ себя во грудь, рветъ волосы, спеш-
 наешь;
 Другъ испый блѣдень, нѣмъ, льетъ слезы, и
 скрываетъ;
 Одинъ хвалѣ цѣна; другой — хвалѣ по-
 зорь. —
 Какой-то древній Царь друзей своихъ
 соборъ

Подъ пынкой узнавалъ и сладкой и при-
мѣрной :

Поилъ ихъ на повалъ , и слышалъ опъзывъ
вѣрной ! —

Коль почести пѣвцовъ швой пылкой духъ
маняшь ,

Бѣги ласкашелей : — ихъ взоръ , ихъ сло-
во — ядъ !

Квинтилій , разсмотрѣвъ списки швом
прилѣжно ,

Замѣшишь : здѣсь поправъ ; здѣсь сказано
небрежно ! . . .

Не въ силахъ , швой опѣшь , — со скуки
я умру !

И такъ замучился ! . . . сожги ! но ты въ
жару

Головъ на огонь , на мечъ за дѣшнице лю-
безно ! —

Чтожь кришишь ? . . . онъ молчишь . Съ
тѣмъ споришь бесполезно ,

Кто самъ въ себя влюбленъ , не вѣришь ни
кому . —

Правдивый , честный мужъ , по сердцу сво-
ему ,

Не можешь умолчать , гдѣ чувствуешь по-
грѣшность ;

Замѣшишь каждую въ спискахъ швоихъ не-
брежность ; .

Тупъ грубо, шамъ цвѣшно, здѣсь жизни,
силы нѣтъ!

Тамъ слогъ пвой напыщенъ; здѣсь мрачно;
нуженъ свѣтъ:

Тамъ стихъ разперзанный едва, едва вла-
чился.

Онъ Архиспархомъ быть ни мало не спы-
дился:

Не скажешь: малоспи! — почто вязапсья
къ нимъ?

Но малоспи сіи позоръ стихамъ пвоимъ!...
Позволимъ надъ собой мы другу посмѣяпсья,
Чтобъ послѣ навсегда смѣшными не оспашь-
ся!

Безумна спрасть къ стихамъ опаснѣй
злой чумы.

Проказа, фанатизмъ, шерзающій умы,
Діаны люпый гнѣвъ, горячки разъяренны
Сноснѣ, чѣмъ Поэтъ, самимъ собой плѣнен-
ный! . . .

Всѣ бѣгають его; лишь мальчики шол-
пой

Безумца веселятъ безумной похвалой! . . .

Когда въ спремительномъ шеряся паренѣ,
И выше пучь гремя въ нелѣпомъ пѣсно-
пѣнѣ,

Внезапно, шакъ какъ шопъ, въ глубокой
ровъ падеть,

И гласомъ жалоспнымъ : „спасите!“ во-
поеть! —

Друзья! угодно ли извлечь его опшолъ?
Какая нужда вамъ? ... не по своей ли волѣ
Онъ ринулся въ бѣду? . . . Рѣшился ли онъ

самъ ,

Ваявъ руку и совѣсть, изъ ямы вылѣзть къ
вамъ?

Повѣрите, никогда! — что сказывашь
причину? —

Вы знаете пѣвца Сиккульскаго кончину :
Нещасный Эмпедокль, безсмертія искавъ,
Въ кипящій Этны зевъ низвергнулся спрем-
главъ.

Спихи для рюмача, не Этна ли? ска-
жите!

Пусть гибнеть, пусть горитъ! оспавьте,
општуите! . . .

Спасеніе свое убійствомъ онъ почтеть . . .
Изпоргнувъ Эмпедокль: онъ въ пропасть
вновь идетъ!

Исправь сей спихъ, другой; но разумъ
кто ирправитъ?

Влюбленный въ свой позоръ, его онъ сла-
вой спавитъ!

Знашь, Божій гнѣвъ виситъ надъ грѣшною
главою;

Конечно, не почпилъ онъ предковъ прахъ
свящюй;

Конечно, пренебрегъ къ богамъ благого-
 вѣнне, —
 И фурія спиховъ ему небесно мцене!
 Какъ будпо злой медвѣдь, сорвавшійся съ
 цѣпей,
 Терзаетъ, мучитъ всѣхъ Поззіей своею;
 Знапокъ и незнапокъ съ нимъ встрѣтятся,
 убѣгаетъ;
 Хочу мль нечочу, онъ, знай, свое чи-
 таешь;
 Не выпустишь, пока мой духъ во мнѣ жи-
 веть;
 Пѣвица, не спавъ сына, не опнадешь.

Мрзка.

VII.

ДВѢ ОДЫ ГОРАЦІЯ. (*)

КЪ СЕКСТУ.

Ode IV. ad Sextium. Solvitur acris hiems, etc.
 Свирѣпая зима Фавоновымъ дыханьемъ
 Несется вдаль съ полей,
 Лешають въ моря съ береговъ громады ко-
 раблей,
 Бѣгутъ спада на лугъ съ блеяньемъ,
 Орашай позабылъ блескъ милаго огня,
 Свѣпившаго въ его конурѣ;
 Не замешаются поля снѣжиспой бурей;
 Но въ полночь, какъ видна ужъ на небѣ
 луна,
 Богиня красоты выводитъ дѣвъ соборы,
 Другъ съ другомъ сплещихся, плѣняющихъ
 всѣхъ взоры,
 При плескахъ юношей, играющихъ въ лугахъ;
 А шамъ Вулканъ въ огняхъ
 Вишь спалъ Циклоповъ заспавляетъ,
 Увьемъ, о Секспъ! главу
 Иль мирномъ, нѣ въ лугахъ разцвѣтши-
 ми цвѣтами,
 Заколемъ Фауну овна предъ алпарями,
 Или козла, коль по пріятнѣе сему
 Роць нашихъ полубогу,

(*) Піэсы присланныя.

Смерть блѣдная идесть къ порогу
 Равно и хижинъ и дворцовъ.

О Секспъ! намъ жизнь есть даръ не вѣчной
 опть боговъ :

Надежда съ нею не совмѣстна.

Смотри, и ночь близка, и домъ Плупона
 пѣсный,

Бога шый пѣнями, къ себѣ насъ въ гости
 ждесть. . . .

Винъ сладкихъ шамъ ужь нѣтъ.

К ъ П и р р ъ.

Quis te gracilis etc. Od.

Кто юноща молодой

Въ прелестномъ гробѣ, розъ на благовон-
 номъ ложѣ,

О Пирра! щасливой рукой
 Ласкается къ тебѣ, съ богиней юной ско-
 жей?

Кому рассыпала ты желтые власы,

— Небрежно по плечамъ висящи?

Ахъ! сколько слезъ ему гошовишь въ пѣ-
 часы,

Опчаянемъ грозящи,

Когда, перемѣня любовь,

Ты благость премѣнишь на гнѣвъ къ нему
боговъ!

Онъ легковѣренъ, онъ владѣць поборъ
льстивыхъ,

Не слыша, какъ морей зыбь яростно кру-
пилась.

И кто подумаетъ въ тебѣ измѣну зрѣшь,
Въ тебѣ, безхипростной, копору боги сами
Создали пламенемъ священнѣйшимъ горѣшь,
И сердцемъ по пвердишь, что сказано
устами?

Нещасливъ, на кого ты взглянешь въ
первой разъ!

Ахъ! нѣкогда швой взоръ приковываль и
насъ: —

Но времена вращаются, —

На мраморной стѣнѣ, спасенны опъ зыбей,
Одежды мокрѣя Горація сушатся,
Въ дань божеству морей. . . .

VIII.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

Слепѣль сынъ времени на землю Новый годъ!..

Слешишь ли правда съ нимъ, — слепишь ли
добродѣтель,

Нещастныхъ оживишь, — украсишь смер-
тныхъ родъ?

Слѣпое щастіе, толикихъ золь содѣтель,

Открывъ глаза свои, узришь ли чудеса,

Настроенныя имъ оцупкою опъ вѣка?

Любовь, всеобщій миръ, оставивъ небеса,

Слепяшь ли умягчишь жестокость челоуѣка?

Невинность, крившаясь въ вершепахъ и
горахъ,

Одѣта милошью и кожей козлиной

Появился-ль шеперь въ подсолнечныхъ спра-
нахъ?

И смѣло-ль можешь ждешь награды спра-
ведливой?

Вельможа будешь ли безсильныхъ защищать,

И правду говоришь на лица не взирая,

И благо общее всему предпочиташь,

Награды временной себѣ не ожидая? —

Учитель нашихъ душъ поидешь ли тѣмъ
пушемъ,

Которой съ каедръ намъ сполько выхва-
ляешь,

